Літаратурны экватар

Альманах

Заснаваны ў 2012 годзе

Выпуск 2

Мінск
“Ковчег”
2013

УДК [821.161.3+821.161.1(476)]-822

Літаратурны клуб “Экватар”

У альманах “Літаратурны экватар” уключаны творы як прафесійных, так і пачынаючых аўтараў. Усе яны – удзельнікі літаратурнага клуба “Экватар”, які ўзначальвае беларускі паэт Вячаслаў Корбут.

Укладальнікі: *Вячаслаў Корбут, Інга Вінарская.* Шэф-рэдактар *Інга Вінарская.* Уступны артыкул *Вячаслава Корбута.*

У добры шлях, наш альманах!

Добры дзень, шаноўныя сябры і сяброўкі! Нагода віншаваць нас усіх з выхадам другога нумару альманаху “Літаратурны экватар” даволі важкая, бо грунтуецца яна на здольнасці нашых аўтараў збіраць у гэткія неадухоўленыя для літаратуры часы сваю грамаду, адолець сваю граду і даць магчымасць творчаму люду выходзіць да чытача са сваімі літаратурнымі опусамі, сярод якіх амаль усе жанры сучаснай літаратуры, пачынаючы ад малога верша, заканчваючы невялікай аповесцю. Ладна і тое, што ў гэтым, другім нумары альманаху дабавілася аўтараў, асноўная частка якіх уваходзіць у літаратурны клуб “Экватар”, што працягвае сваю працу на пляцоўцы Цэнтральнага Дома афіцэраў у Мінску. Самаму маладому удзельніку альманаху трошкі болей за дзесяць год, а найбольш сталым аўтарам – трохі больш за семдзесят…

Вось так, нібыта з дзвюх палюсоў жыцця – маладосці і мудрай сталасці, – прыводзяць да сваіх пенатаў заўсёды маладыя Німфы творчасці, нароўні з Музамі, што гэтак любяць людзей даравітых, свабодных духам і шчодрых на эмоцыі і творчыя планы. Гэтак было і мусіць быць пры любой сістэме каардынат грамадскага ладу, якую выбірае чалавецтва на тым ці іншым этапе свайго развіцця.

У траўні 2009 года наш літаратурны клуб “Экватар” распачаў сваю дзейнасць. Праз дзверы і вокны на свет белы прагла прабіцца на літаратурны Алімп з нашай паляны нямала аўтараў, маладых і не вельмі, вясёлых і не толькі. Але сёння бадзёрыць тое, што пэўная частка аўтараў, якая дагэтуль з намі разам працягвае сваю працу, верная традыцыі творчага сяброўства, асноўнымі прынцыпамі якога з’яўляецца добразычлівасць, спагада, ветлівасць, дабрыня, працалюбства і… адсутнасць зайздрасці. Апошняя рыса, нажаль, спецыфічна адлюстроўвае чалавечую душу і насамрэч не вельмі дапамагае чалавеку творчаму дасягаць найвышэйшых алімпійскіх прастораў у літаратуры. Сярод верных найстарэйшых “экватарцаў” прыгадаю Людмілу Сівалобаву, Апанаса Бацяноўскага, Наталку Анапрэенку, Вячаслава Макуця, Аляксея Палачанскага і іншых аўтараў. Да ўсяго можна з цікавасцю дадаць і той факт, што за апошні год да звычнага

складу нашых творцаў далучылася і брыгада новых аўтараў, па-свойму цікавых, думаючых і апантаных літаратурным словам. Пры гэтым многія з іх у творчасці дастаткова даўно, і першыя крокі ў літаратуры ўжо зрабілі, і не ўчора. Гэта Джэма Случак-Марцінкевіч, Святлана Чарная, Вячаслаў Данілаў, Аліна Савіцкая, Алег Чарнышоў, Яўген Вермут і іншыя творцы. Называць усіх зараз пайменна не стану, бо гэтая доля прыпадзе на іх пазней, калі пачну крыху знаёміць чытачоў з іх творамі, бо гэта ўжо традыцыя нашага альманаху. Прыязна і тое, шаноўныя сябры, што некаторыя аўтары, пачаўшы пісаць на рускай мове, пакрысе спрабуюць свае сілы, ствараючы новыя творы і на роднай мове, далучаючы сябе да працэса развіцця нацыянальнай культуры. Аўтары нашага альманаху расстаўлены ў алфавітным парадку, і іх творы напісаны як беларускай, так і на рускай мовах. Для шасці нашых аўтараў Расія з'яўляецца спадчынай, і таму можна казаць і аб нейкім міжнародным статусе альманаху, які, мажліва, у будучым пашырыць свае межы. А наогул, нашыя аўтары прадстаўляюць практычна ўсе рэгіёны Беларусі, і гэта дае падставу гаварыць пра геаграфічны статус альманаху, які павінен прытрымлівацца сваёй назвы і быць нейкім экватарыяльным цэнтрам літаратурнага жыцця нашага краю, мець задачы па ажыўленню творчай думкі на Беларусі, па развіцці талентаў, незалежна ад узросту і адукацыі, прытрымлівацца спадчынных духоўных традыцый нашага народа, які ва ўсе вякі густа і шчыра цаніў добрае мастацкае слова, бярог яго, бо яно давала сілу выжываць і перамагаць перад безліччу нягодаў і лёсавызначальных момантаў жыцця.

Кароткі аналіз новага выпуску альманаху распачну з тых аўтараў, чые імёны першымі стаяць у нізцы творцаў. Гэта Наталля і Якаў Анапрэнкі. Менавіта гэтыя шаноўныя аўтары, бацька і дачка, ужо не першы год з'яўляюцца ўдзельнікамі нашага праекту. Гэта людзі, шчыра закаханыя ў роднае слова, мастацкае слова. ***Наталля Анапрэнка*** прадстаўляе ў дадзеным выпуску сваю невялікую падборку вершаў і некалькіх празаічных замалёвак. Творчы настрой яе твораў рэфлексна адпавядае настрою лірычнай гераіні-гараджанкі, якая не можа змірыцца з шэрасцю быцця, аднатыпнасцю існавання чалавека ў вялікай жыццёвай прасторы. Пошук прыгожага хоць на ўскрайку сусвету ці "збліжэнне далёкасці ў фарбах змяркання…"

Пункцірамі ў яе творах праходзіць рамантычнае існаванне двух закаханых герояў у сваім уласным сусвеце і іх захапленне цудамі жыцця. Але і гэтае існаванне напоўнена сваімі гукамі, фарбамі і марамі, рознымі па настрою, але напоўненымі святлом і рамантыкай.

Якаў Анапрэнка ў нашым гурце аўтараў выступае як пранізлівы краязнавец і гісторык жыцця беларусаў на памежжы і пачатку мінулых стагоддзяў. Якаў Рыгоравіч прадстаўляе свае карацелькі-аповеды "Каляды", "Дзед слухае радыё", "Кок-Сагыз". Гэтыя творы цікавыя не толькі той інфармацыяй, што аднаўляе ў памяці старэйшага пакалення нашых суродзічаў аўтар, але яшчэ і даюць магчымасць убачыць і пачуць гоман людзей мінулага, іх звычкі, пабачыць іх любімыя абрады. Аўтар паказвае элементы паўсядзённай арганізацыі жыццёвага ладу людзей Палесся, неўзабаве асоб статных і яшчэ якіх асоб – дужых, кемлівых, эмацыянальна насычаных. Неўзабаве аўтар шмат гадоў займаецца этнаграфіяй, фальклорам, ладзіць добра з гісторыяй роднай Брагіншчыны і блізкай сэрцу Лоеўчшыны.

Наступная наша аўтарка ***Эма Анішчава*** выступае ўпершыню на сторонках альманаху, і мы маем мажлівасць пазнаёміцца з паэтычнай спадчынай спадарыні Эмы на рускай мове. Эма Аляксандраўна нарадзілася на Тамбоўшчыне, у знакавай рускай глыбінцы, але на Беларусі адчувае сябе часткай нашага краю, любіць паэзію, беларускія краявіды, з павагай ставіцца да мясцовай культуры. Яна няўрымслівы і кемлівы чалавек, неабыякавы да чалавечага болю, доктар па адукацыі і прызванню. Яна і ў вершых па-свойму чалавек з непрымірымай пазіцыяй да несправядлівасці, чалавечай бездухоўнасці, філосаф і рамантык па натуры. Вершы "Грустинка", "Раздумья", "В золотистое монисто…" і іншыя па-свойму раскрываюць творчы погляд аўтара на свет, шчыра, адкрыта і з глыбокай унутранай дабрынёй і любоўю.

Спявачку, музыку і паэтэсу ***Таццяну Беланогую*** прадстаўляць доўга не трэба. Яе выразныя песні, глыбокія і лірычныя, ведаюць і любяць у шматлікіх мясцінах Беларусі. Яе выхады на сцэну заўсёды з асаблівым чаканнем успрымаюць слухачы, а мяккі і лірычны яе голас надоўга пасля застаецца са слухачамі недзе ў саміх глыбінях іх душ. Таццяна прадстаўляе на старонках альманаху сваю нізку вершаў, большая частка з якіх – гэта песні, і, безумоўна, па-свойму

адкрываюць яны перад намі нябачны і рознааблічны свет аўтаркі, свет, дзе жыццё чалавека – гэта не прагулка пад месяцам, а часцяком барацьба, змаганне з цёмнымі сіламі, цемрай у нас саміх, як у гэтых радках: "Божа, барані нас ад саміх сябе – дурных…" Вершы "Там, за акіянам", "Анёлы", "Каменны горад" і іншыя шмат пра што распавядуць чытачу, асабліва думаючаму і шукаючаму існасць нашага быцця.

Наступны наш аўтар ***Валерый Бястолкаў*** належыць да генерацыі паэтаў, што бачаць навакольны свет – і паэтычны, і метафізічны – з вышыні ўласнай філасофіі добра складзеных прынцыпаў і ведаў. Інжэнер-рабататэхнік па адукацыі і спецыяліст у фінансавай сферы, Валерый у сваіх вершах кранаецца шматлікіх тэм грамадскага жыцця, не баіцца аналізаваць наступствы існавання чалавека на планеце, і сам выразна імкнецца разабрацца ў чалавечай прыродзе ўжо з пункту погляда лірыка, паэта-грамадзяніна, каб знайсці тыя файлы, якія адказваюць за ўчынкі чалавека, за яго паводзіны, і самае галоўнае – знайсці гэтыя файлы ў самім сабе. Лірычны герой Бястолкава – своеасаблівы чалавек, які быццам існуе ў сваей прасторы, але тым часам мае свой погляд на ўсе выклікі часу і паўсядзённага жыцця. Герой Валерыя – асоба адзінотная, шукаючая і пытлівая, цікаўная і кемлівая, тым часам і барацьбіт за светлае і разумнае ў чалавеку. Вершы "Душа и разум", "И выпить позовут, и пить не тянет...", "Чёрная осень", "Вознесся пик" і іншыя трэба чытаць удумліва, там шмат разваг і аналітыкі.

Апанаса Бацяноўскага як аўтара і музыку няблагa ведаюць ў творчым асяроддзі нашай сталіцы. Як паэт Апанас выступае на старонках альманаху з першых яго выпускаў. Ён актыўны аўтар і добры выступоўца, чалавек, неабыякавы да Слова, які грунтоўна ставіцца да кожнага радку і з'яўляецца верным прыхільнікам Срэбранага веку рускай паэзіі. Назвы ягоных вершаў ужо самі гавораць пра арыстакратызм ягоных твораў, хутчэй арыстакратызм духу, які хоча данесці да сэрцаў у наш разбэшчаны час аўтар. І гэта творы "Рыцарь духа", "По прочтении Ремарка", "Поэт", "Осенняя соната", "Святые" і іншыя. Вершы даюць магчымасць адчуць філасофскі густ паэта, убачыць ягоную вернасць традыцыям класічная паэзіі, якая бярэ пачатак ад часоў Гамера. Асабняком стаіць верш "Писатели", дзе аўтар

імкнецца прааналізаваць месца сучаснага аўтара там, дзе "мир дышит песенкой банальною…" І гэтая роля абсалютна нялёгкая, таму і "стихи опять не пахнут розами…". Нехта скажа, што гэта толькі словы, але сапраўдныя сучасныя паэты, думаю, адчуваюць гэтак жа востра.

Сярод тых, хто думае і піша на вастрыі слова ярка і з гумарам лёгка, наш добры аўтар ***Яўген Вермут.*** Як зазначае сам Яўген, ён актыўны ўдзельнік інтэрнет-супольнасці, тамака часцяком "вісяць" ягоныя вершы. Гэты аўтар любіць творчыя спрэчкі, свободна кранаецца вострых тэм грамадскага жыцця, мае свой погляд на кожную тэму і можа яе раскрыць з уласцівым яму імпэтам і сарказмам. Ён добра валодае тэхнікай верша, у яго творах нямала вобразаў, метафар, паэзія насычана рытмам, так званай "вермутаўскай" дынамікай, хуткасцю думкі і ўменнем раскрыць тэму з таго боку, які ўласцівы толькі гэтаму аўтару. Часам здаецца, што Вермут не чапляе тэмы верша, а яна сама чапляецца паступова за твор, быццам прыходзіць напрыканцы, як жанчына, што забегла мімаходзь у кавярню выпіць кубак кавы, а з'ела добрую талерку дранікаў. Гэта ўласцівасць творчай натуры Яўгена Вермута. Такія вершы, як "Трамвайная лирика", "Одиночество", "Старею, что ли?", "Я повешу на крючок душу…", "Хлеб детства", "Наивные мысли старого двора…" і іншыя, дастаткова напоўнены сімвалізмам, іроніяй, часам і прыхаваным трагізмам. Але за ўсімі гэтымі радкамі хаваецца сціплая вера ў нябачнае святло таго жыцця, што было і што можа яшчэ вернецца.

Паэтэсу, перакладчыцу і шэф-рэдактара нашага альманаху ***Інгу Вінарскую*** ведаюць усе сябры "Экватара", многія паважаныя аўтары і чытачы нашай краіны і за яе межамі. Інга правяла грунтоўную работу па рэдагаванню твораў нашых сяброў-альманахаўцаў, зрабіла аналіз іх прозы і паэзіі, выбрала найбольш цікавыя творы і давяла іх да неабходнага ўзроўню. Сёння выданні, падобныя нашаму, не вызначаюцца глыбокім падборам аўтараў, хутчэй наадварот: чым болей, тым лепей, а на якасць пасля паглядзім. Мы ад гэтай дарогі адыйшлі, і таму прафесійнасць падачы матэрыялу паставілі на першае месца. Сама Інга прадстаўляе ў альманаху сваю нізку вершаў, частка з якіх ужо друкавалася у іншых выданнях і кнігах. Творы Інгі прасякнуты глыбокім лірызмам, неардынарнай харызмай, а яе

лірычная гераіня валодае моцным характарам, у яе багаты ўнутраны свет, адначасова з чуллівым стаўленнем да ўсяго прыгожага і светлага. Нездарма славутая расійская паэтэса Рыма Казакова, легенда рускай паэзіі, называла Інгу Вінарскую “светлой и прекрасной”, як і яе творчасць. Па-сучаснаму шчыра, выразна і пранікнёна сёння і заўтра будуць гучаць вершы гэтай аўтаркі, сярод якіх “Не мы распределяем роли”, “Возможно, ты придумала всё это…”, “Вновь размышляла о любви…”, “Фарфоровая девочка-судьба…” і многія іншыя творы.

Так склалася лёсам, што з ***Валянцінам Антонавічам Врублеўскім***, педагогам, краязнаўцам, гісторыкам, пісьменнікам з Івейшчыны, лёс звязаў цеснымі творчымі ланцугамі. Мне не аднойчы пашчасціла папрацаваць над тэкстамі аўтара, і заўсёды я назіраў вялікую пільнасць да фактаў, вострых тэм і лёсаў людзей, што цікавілі і цікавяць гэтага чалавека. Ён, як сапраўдны патрыёт зямлі беларускай, шмат увагі надае ў сваіх доследах знакавым фігурам гісторыі нашага народа. Вось і на старонках альманаху выходзяць два артыкулы, якія быццам з двух палюсоў рэчаіснасці распавядаюць пра багата адараваных небам людзей, чые лёсы такія вялікія і далёкія, яркія і незабыўныя. Гаворка пойдзе пра трагічнае каханне караля Польчшы Жыгімонта II і Барбары Радзівіл (нарыс “Каханне еўрапейскага кшталту, ці Барбара і кароль”), і рэвалюцыйны лёс прадвесніка беларускай незалежнасці Кастуся Каліноўскага (артыкул “Вялікі змагар за незалежнасць Беларусі”). Абодва нарысы напісаны ёмка, грунтоўна, аналітычна даступна і чытабельна, заслугоўваюць права быць заўважанымі і дазваляюць шырэй паглядзець на цікавыя старонкі нашай гісторыі.

У стылі гістарычна-белетрыстычнай аповесці з элементамі містыкі прадстаўляе свой твор “Чортаў падарунак” пісьменнік ***Ігар Грыцкоў***. Ігар Міхайлавіч з цікавасцю ставіцца да гісторыі роднай Гомельшчыны, яму заўсёды ёсць пра што распавесці, выкарыстоўваючы аснову жыцця сваіх землякоў, якія стагоддзямі збіралі багаты фальклорны матэрыял, дзе многа паданняў, казак і баек. Хоць аповесць “Чортаў падарунак” даволі змрочная і напісана ў напружаным стылі, яна быццам дае нам магчымасць зазірнуць за фіранку мінулага, дзе мажліва браў свае сюжэты і знакаміты Мікалай Гогаль, і іншыя славутыя, і не зусім, аўтары. Цікава і тое, што матэрыял, які выкарыстаў Ігар Грыцкоў, насамрэч меў недзе і рэальную аснову, таму ён удвая цікавы патэнцыяльным чытачам, бо падзеі адбываюцца многія дзесяцігоддзі таму назад, у малазнаёмыя нам часы. Ігар Грыцкоў любіць і можа паспяхова працаваць над сюжэтамі і малой, і вялікай прозы, ягоныя героі цікавяць чытачоў, надоўга застаюцца ў памяці.

Свае паэтычныя творы прадстаўляе на сторонках альманаху і паэт ***Вячаслаў Данілаў.*** Ён прапануе нізку вершаў самага рознага зместу і тэматыкі. Паэзія Вячаслава шмат у чым аўтабіяграфічна, бо, па волі лёсу, паэт вымушаны трохі па-іншаму глядзець на навакольны сусвет, а таксама больш востра ставіцца да будзённасці нашага быту і цывілізацыйных праблем наогул. Лірычны герой Данілава мае свой досвед у жыцці, па-свойму глядзіць на існаванне чалавека на планеце, ён радуецца прыродзе, промням сонца, але ў той жа час адчувае трагічнасць быцця чалавека на гэтай зямлі, млоснасць яго існавання і хуткаплыннасць усяго жывога. Асаблівую ўвагу надае аўтар сілам прыроды, быццам там чэрпаюцца сілы для жыцця самога чалавека, які з прыродай нароўні – блізкі і амаль родны. Цікавымі па-свойму для прачытання стануць многія вершы Данілава, сярод якіх “Я совершаю от уныния побег”, “День сгорел, а мы с тобой молчали”, “Отражается солнце в бутылке пивной”, “В объятьях клёна покраснела вишня” и другие.

З бардам, паэтам, тэатральным дзеячом з Ваўкавыска ***Вячаславам Макуцем*** нас здаўна пазнаёміў лёс. Сёння на Гродзеншчыне, і ўвогуле, на Беларусі і за яе межамі многія ведаюць цудоўныя пастаноўкі ваўкавыскіх тэатралаў-аматараў, якімі кіруе не адно дзесяцігоддзе Вячаслаў Мікалаевіч. Няўрымслівы і па-творчаму галодны да ўсяго смачнага і цікавага, ён і ў літаратуры часам знаходзіць сабе прастору для спасціжэння свету. Асабліва палюбіліся аўтару акравершы, і ў гэтым жанры яму часам удаецца быць арыгінальным. Так мы друкуем эмацыянальна насычаныя акравершы “Беларуская мова мая”, “Добрага ранку, краіна!”, “Нарачанскі акраверш”, а таксама верш “Роднай мове” і іншыя. Аўтар паднімае важкія для грамадскасці пытанні існавання ў камунікацыйнай прасторы роднай беларускай мовы. Як чалавеку драматургічнага складу розуму, Вячаславу Макуцю, а таксама многім пісьменнікам балюча і крыўдна за той

несправядлівы статус, які сення мае родная мова на тэлеэкране і радыёстанцыях, як яна знаходзіць сваё месца ў грамадстве, як да яе ставіцца ўжо падрастаючае пакаленне. У чалавека адно сэрца, і мова ў яго родная можа быць толькі адна. І часам так крыўдна чуць, як дзеці беларускія, называючы мову "белішам", адчуваюць ужо яе як замежную. Ці не бацькі і грамадства вінаватыя ў гэтым? А гэта дарога ў нікуды, у духоўнае забвенне.

Наступны наш аўтар ***Юрый Мельнікаў*** даўно ўжо для сябе вызначыў моўную прастору існавання як творцы. Юрый выступае перад чытачамі як паэт і як пісьменнік, ён клапатлівы заўзятар беларускасці, добра ведае гісторыю, лёгка спраўляецца з героямі і ў сваіх празаічных творах. На старонках альманаху ён выступае з апавяданнямі "Калекцыя прызнанняў", "Таямніцы пачуццяў" і эсэ "Касьба". Героі Мельнікава – няпростыя людзі, бо яны жывуць па сваіх законах ветлівасці, добразычлівасці, маралі. І хоць у творах няшмат дзеяў, але адчуваецца глыбокі філасофскі сэнс існавання, якому падпарадкуецца ўнутраны свет кожнага героя аўтара. А ў эсэ "Касьба" пісьменнік спявае ледзь не оду вялікай спадручніцы селяніна – касе. Зараз многае сыходзіць у нябыт, але гэта пакуль у чалавецтва ёсць нафта, газ ці ўран. Мажліва, нехта ў будучым, прачытаўшы гэтае эсе, каб пракарміць кароўку і сваю сям'ю, калі абяднеюць нетры зямлі, скажа Юрыю Мельнікаву "дзякуй".

Са сваімі празаічнымі творамі выходзіць да чытача паэтка і празаік ***Людміла Міхейкіна***. Яе творчая манера як у паэзіі, так і ў прозе за апошнія гады займела новыя рысы, стала болей удумлівай, прадугледжваючы розныя сюжэтныя хады з элементамі большай напружанасці. Так для нашых чытачоў Людміла падрыхтавала апавяданні "Забытые удочки" и "Песня". Першае апавяданне нагадае амаратам рыбнай лоўлі некаторыя для іх знаёмыя сцэны з уласнага жыцця і з жыцця іх сваякоў, асабліва жонак. Другое апавяданне "Песня" хоць і караценькае, але паказвае для нас вартасць сапраўднай творчасці. Так, моцна можа крануць чалавечае сэрца пранікнёнае выкананне песні ваеннага часу, песні кахаючага сэрца...

Быццам працягваючы ваенную тэму, гаротную, важкую, выступае са сваім аповедам ***Галіна Мішнёва***. Галіна Фёдараўна здаўна сябруе з літаратурай, і для яе мажлівасць быць пачутай і прачытанай

мае вялікі сэнс. Яна з пакалення дзяцей вайны і востра адчувае чалавечыя характары, ведае кошт хлеба і працы, чалавечай дабрыні і зла. У аўтаркі нямала добрых і шчырых вершаў на розныя тэмы, але на сторонках альманаху друкуецца ўрывак з дакументальнай аповесці "Подвиг матери в годы войны". Гэта аўтабіяграфічны твор, і ён прысвечаны маці аўтаркі, і ад таго набывае яшчэ і сакральны сэнс. Пісьменніца вяртае нас у тую пару, калі жыццё чалавечае вакол віселa на танклявай нітачцы, і шмат сённяшніх людзей, што жывуць на Беларусі, у Расіі, ва Украіне, краінах Прыбалтыкі, суседніх славянскіх краінах жывыя, дзякуючы подзвігу сваіх матуль. Якім коштам удавалася захаваць ім жыцце сваіх дзяцей, нам невядома, як і няма аднаго ўніверсальнага сюжэту, але ёсць аповед Галіны Мішнёвай. І, прачытаўшы яго, хочацца неймаверна змагацца за мір, які каштуе нашмат даражэй усіх багацццяў свету.

У паэтэсы ***Таццяны Нясіфаравай*** тонкі паэтычны слых, бравы баявы рытм, смелая рыфма і яшчэ нейкая ўнутраная сіла слова. Хоць аўтарка і не мае высокіх дасягненняў у літаратуры, не друкавала свае творы і не выдавала кніг, але адчуваецца яе прыродная цяга да слова і мажлівасць утаймаваць слова ў добрую паэтычную скрыню. Гэта даецца нямногім і, бадай, не так часта, як хочацца. І яшчэ, Таццяна Нясіфарава – вельмі смелы аўтар, яна працуе са словам напрастак, рэзка, цераз слоўныя церніі ідзе да ісціны радка, да раскрыцця тэмы і яе абагаўлення страфой. Прырода надзяліла яе талентам лірычнай паэтэсы, таму падцверджаннем шмат прызнанняў лірычнай гераіні. Вось сімвалічны верш "Как нищая с протянутой рукой". Ён быццам праграмны, нават гучыць, бы споведзь, як і такія вершы, як "Мне говорят, что мой удел повыше" ці "Жизнь моя – мое сопротивленье" і іншыя. Яны ўсе прапучшаны быццам праз сэрца, праз нейкі ўнутраны боль, пакуты, духоўную барацьбу і ад таго набываюць свой найвышэйшы кошт. Так што дэбют Таццяны Нясіфаравай у нашым альманаху лічу даволі удалым.

Асабістая павага аддаецца і яшчэ аднаму нашаму аўтару і куратару клуба ад імя кіраўніцтва Міністэрства абароны Рэспублікі Беларусь, загадчыку бібліятэкі Цэнтральнага Дома афіцэраў ***Віктару Паўлаву***. Гэта сапраўдны сябар кнігі і пісьменнікаў, ветэранаў, людзей-абаронцаў Айчыны, сапраўдны афіцэр і добры чалавек, што

шануе кнігу і добрае слова. Сам Віктар Аляксандравіч таксама крыху захапляецца літаратурным словам, піша нарысы пра ваенных будаўнікоў, гісторыі пра вайскоўцаў. У нашым нумары ён прадстаўляе свой кароткі аповед “Пилот “Большого Дугласа”, у якім ідзе гаворка пра аднаго са славутых лётчыкаў часоў Вялікай Айчыннай вайны, Героя Савецкага Саюза Уладзіміра Фёдаравіча Паўлава. Пра ўвесь ваенны шлях гэтага гераічнага чалавека можна было б напісаць кнігу, але пра свайго роднага дзядзьку Віктар Паўлаў узгадаў праз адзін подзвіг, высакародны і даволі рызыкоўны, калі на кану стаяла жыццё 32-х амерыканскіх лётчыкаў. Герой аповеда зрабіў немачгымае магчымым, паказаўшы сілу духа сапраўднага савецкага лётчыка-аса. Гэта быў не адзіны падобны подзвіг героя, былі і другія, што сталі ўжо часткай вялікай супольнай барацьбы народаў супраць фашызму, часткай гераічнай гісторыі часоў Другой сусветнай вайны.

У гэтым нымары альманаху наш новы аўтар ***Раіса Паўлючук*** дэбютуе са сваімі вершамі на самыя розныя тэмы. Вядома, што Раіса робіць першыя крокі на ніве прафесійнай літаратуры і яе творчы багаж патрабуе пільнай увагі і працы. Але імкненне творцы да літаратурнага развіцця мае свае вынікі, і сёння мы можам далучыцца да прачытання найбольш цікавых твораў, што выйшлі з-пад пяра аўтаркі. Лірычная гераіня Паўлючук – гэта пытлівая асоба, цікаўная жанчына, пранікнёная і светлая, якая імкнецца дабіцца сусветнай гармоніі ў самой сабе, адчуць прыгажосць навакольнага свету і зразумець, хто ты і з кім ты шчаслівы ці не, каго паважаеш і пра каго забываеш хутчэй, чым хацелася б. Лірычная гераіня Паўлючук сціплая і шчырая, сумная і вясёлая, рамантычная і загадкавая. Ей цепла ў марах, і яшчэ цяплей, калі мара здзяйсняецца. Яна быццам такая, як многія іншыя, але не расчараваная ў жыцці, як многія іншыя, таму мае заўседы шанец быць шчаслівай. Пра няўрымслівы ўнутарны свет гераіні распавядаюць такія вершы, як “Тебе, любимый, посвящаю”, “Вместе мы”, “В подражание Шекспиру”, “Обращение к женщине” і іншыя творы.

Маладая творчая зорка нашага аўтара, паэта і празаіка ***Аляксея Палачанскага*** ўзышла не сёння і згасне не заўтра. Яна мае сваё сакральнае святло, і яе сілу мы яшчэ адчуем, як з’явяцца новыя і буйнейшыя творы гэтага аўтара. А сёння на старонках альманаху

Аляксей прэзентуе сваю невялікую аповесць “Далекія агні”, героі якой – людзі звычайныя і незвычайныя, простыя па паходжанні і няпростоыя па існасці, як і ўсё, што сёння піша гэты багата адораны малады чалавек. Твор у нейкай ступені метафізічны, разбіты на некалькі малых частак, але героі ў ім пададзены як цэласныя фігуры, і, нягледзячы на ўсю складанасць вобразаў, яны адначасова і зразумелыя. Але ў нейкі момант яны становяцца задуменныя, пачцівыя да існасці і… няпростыя. Аляксей па натуры і сам няпросты аўтар, які любіць ставіць перад чытачом амаль невырашальныя задачы, каб пасля чытач, заблытаны дарэшты сюжэтам пачаў думаць… і вось раптам яму станавіцца цікава. У гэтым і сіла сапраўднай прозы, якую нялёгка і пісаць, і чытаць. Але пасля асалода якая! Ды вось жа калі твая зорка яркая, то і словы лёгка кладуцца ў радок навідавоку.

Наступны наш аўтар ***Лілія Перанесенка*** мае да слова асаблівую цягу і ў нашым альманаху адбываецца яе дэбют. Лілія Аляксееўна піша і вершы, і прозу, развівае ў сваіх творах розныя тэмы, смела бярэцца за вобразы, якія яна адчувае па-свойму тонка і свабодна. Пісьменніца даволі смела выступае на старонках альманаха са сваімі аповедамі “Душевная боль и её последствия”, “Завершение рабочего дня природы”, “Исповедь”, “Голубые волшебницы неба”. Што ж аб’ядноўвае гэтыя творы? Безумоўна, бурная фантазія аўтаркі, імкненне звязаць існаванне нашага быцця і іншасвету, дадаць штосьці чароўнае ў быційнасць зямную, дадаць фарбаў яркіх і цёплых на фоне нейкай застылай будзённасці нашага шэрага быцця. Гэта амаль фантастыка: і рэальнасць, і рамантызм разам разгуляліся на прасторах усясвету, дзе няма межаў і ўсё падпарадкавана законам вышэйшым, чым і кіруюцца людзі, таму і творы набываюць крыху алегарычны сэнс. Фактычна Лілія Перанесенка стварае новы погляд на знаёмыя рэчы, дадае асаблівую светлую свежасць у знаемыя нам рэчы – па-пісьменніцку шчыра і ўпэўнена.

Яшчэ адзін дэбютант нашага альманаху, ***Ігар Піскун*** з Петрыкава, у літаратуры таксама робіць першыя прафесійныя крокі, збіраючы свежы ўраджай сваіх вершаў з разумення самога жыцця, якое, па словах аўтара, і ёсць лепшая школа. Ігар, як і патрабуе прызванне паэта, вельмі неабыякавы да несправядлівасці, людской пошласці, бруду і цынізму сучаснай цывілізацыі. Лірычны герой Піскуна ведае

сабе кошт, ён не разменьваецца на дробязі, а бярэ добраю хваткай праблему і кладзе яе на касцёр творчага прысуду. Там пачынаюць паляць дровы-словы, палітыя маслам эмоцый і змагання за справядлівасць з верою ў перамогу добрых сіл. Таму сведчаннем вершы "Мысли вслух", "Верная дорога", "Прозрение" і іншыя творы. Шчыры гімн роднай зямлі можна прачытаць у радках верша "Полесский рай", які прасякнуты моцнай цягай да вернасці і жаданнем шчасця і росквіту Палескай зямлі. Бо гэтая зямля для кожнага беларуса з'яўляецца загадкавай, непаўторнай і найпрыгажэйшай, як сапраўдны зямны рай.

Прыемна адзначыць і той факт, што ў нашым альманаху ёсць месца зусім юным аўтарам. Гэта адзінаццацігадовая ***Аляксандра Піскун*** з Петрыкава, дачка нашага папярэдняга аўтара. Магчыма, гэта і сямейня цяга да літаратурнага слова, і толькі час пакажа, наколькі гэта цяга мае глыбокія карані. Тым не менш, Аляксандра на дзіва спраўна спрабуе свае сілы ў паэзіі, і хоць не ўсё яшчэ ў яе ладзіцца, як у сапраўдных аўтараў, але ўжо ёсць у яе строфах свой задор, эмоцыі і першыя ўласныя вобразы. Яны сведчаць пра настрой юнага аўтара, разам са светлымі дзіцячымі марамі вершы атрымліваюцца бойкімі, недзе наіўнымі і бесклапотнымі, як і павінна ў аснове быць у зусім юнага аўтара. Асабліва гэта адчуваецца ў вершах "Зима", "Природа летом", "Осень". Пажадаем Аляксандры Піскун новых творчых поспехаў і будзем чакаць ад яе новых твораў не толькі ў паэтычнай форме, але і ў прозе, дзе з яе фантазіяй могуць артымацца добрыя апавяданні як на рускай, так і на роднай мове.

Аліна Савіцкая шлях да "Літаратурнага экватара" знайшла выпадкова, як і многія яе калегі, але за працяглы год ужо стала сапраўдным сябрам нашай суполкі, творча актыўным, пытлівым, думаючым. Аліна ў творчасці не навічок і мае пэўны вопыт паэтычнай творчасці, а таксама з'яўляецца актыўным удзельнікам літпрацэсу на Лагойшчыне. У альманаху яна прадстаўляе нізку вершаў, напісаных на розныя тэмы. Асаблівы тонкі настрой адчуваецца ў вершы "Не бывает некрасивых матерей", дзе аўтар усхваляе вобраз матулі, самы светлы і чалавечны з таго, што мае наш род. Гэты твор пераклікаецца ў нечым з прозай Галіны Мішнёвай, дзе тэма самаахвярнасці маці ў гады вайны таксама паднята на значны ўзровень. Аліна Савіцкая вельмі шчырая лірычная аўтарка, тонкі псіхолаг, яе літара-

турная гераіня вельмі ранімая па натуры, з адкрытым сэрцам ідзе да чытача, не баіцца ісці на вастрыё праблемы, агучваць яе і напрамую шукаць дыялога з чытачом. Асабліва гэта адчуваецца ў вершах "На коленях", "Брошенные", "Сизые голуби". Вельмі блізкай тэмай для аўтаркі з'яўляецца тэма прыроды, у прыгажосці якой паэтэса знаходзіць асаблівае натхненне. Чытаючы вершы, прысвечаныя порам года, можна ўлавіць рамантычныя думкі і асаблівы настрой Аліны Савіцкай.

Сярод шматлікіх аўтараў насамрэч выдзяляецца сваім асаблівым творчым настроем і спрактыкаванасцю напісання ***Святлана Сардэчная***. У нашым альманаху Святлана дэбютуе, хаця нельга назваць яе дэбютанткай у літаратуры, бо на самой справе яна шырока прадстаўляе свае творы на прасторах інтэрнэту, а таксама на старонках розных альманахаў, якія выходзяць на прасторах СНД. Святлана Сардэчная прадстаўляе чытачам падборку вершаў на розныя тэмы, сярод якіх вершы "Мой Минск", "Душа Есенина", "Я не хочу тебя терять" і іншыя творы. Найбольш экстравагантны з іх – верш "Три солнца любви". Ён пабудаваны аўтарам на арыгінальнай аснове: дзеля спасціжэння ўласнага пачуцця лірычная гераіня выкарыстоўвае тры "сонцы", сярод якіх "прикосновение", "объятие", "поцелуй", што эмацыянальна і гарманічна пададзены ў вершы. Святлана даволі вопытны аўтар, які не баіцца эксперыментаваць са словам. Таксама ёю прадстаўлены ў падборцы і невялікія празаічныя творы – гэта апавяданні "Дар" і "Планета желаний", дзе аўтарка выступае як філосаф, лірык і фантаст.

Людміла Сівалобава з кагорты тых рэдкіх аўтараў, што заўсёды ў вобразах сваіх герояў знаходзяць прыгожыя і цікавыя рысы характараў. Нават калі герой і адмоўны, ён, тым не менш, шмат у чым цікавы, думае не архаічна, знаходзіць шлях з пункта "А" у пункт "Б" не праз знаёмую дарогу, а праз лазняк ці суседнія баракі, альбо нагул праз новабудоўлю. Канешне, я гавару ўмоўнымі штампамі, але Людміла Сівалобава за гэтыя апошнія гады зрабіла добрых некалькі крокаў наперад, каб стаць больш блізкай да чытача, больш карыснай для грамадства, бо людзі любяць чытаць цікавыя гісторыі. А ў жанры навэлы Людміла Сівалобава – ужо сапраўдны эстэт і знаўца сюжэту. Хто ж героі гэтай аўтаркі, спытае пытлівы чытач. Ды ўсе мы, героі

двух стагоддзяў, мінулага і гэтага, дробныя духам і натурай людзі, якім шанц падняцца на вышыню даецца рэдка, а тыя шанцы, што даюцца героям у навэлах Людмілы Сівалобавай, выкарыстоўваюцца кожным персанажам па-свойму. У гэтым і сіла аўтаркі, яе фантазіі, таленту і добрага ведання жыцця. У альманаху прадстаўлены дзве навэлы – гэта "Вяселле" і "Паветраны пірат", напісаныя па-беларуску, абсалютна розныя па сюжэце і канцэпцыі, але іх аб'ядноўвае тонкі гумар, бадзёрасць складу, неардынарнасць характараў галоўных герояў, адзін з якіх, між іншым, – кот, але думае і паводзіць ён сабе амаль як чалавек, а можа, нават разумней у некаторых абставінах.

Творчы багаж ***Алены Сініцы*** за апошні год значна вырас і якасна, і колькасна. Яе вершам хоць яшчэ і крочыць да сапраўды высокага ўзроўню нямала, але яны памацнелі, набылі нейкі другі подых, сталі глыбей і эмацыянальней. Аўтарка яшчэ няшмат часу знаходзіцца ў нашым клубе і друкуецца ў альманаху ўпершыню, але дэманструе сябе як разважлівы лірык і, нават, псіхолаг. Яна няблага піша вершы і па-беларуску, і па-руску, спрабуючы спалучыць у сабе дзве няпростыя моўныя стыхіі, і ёй гэта ў нейкай ступені ўдаецца. Вельмі цёпла гучаць яе вершы "Дыялог з мастаком", "Расце сасна, пасаджаная мною…", "Беражыце сяброў", "Сады", "Подари мне брильянт Новогрудка" і іншыя невялікія, але эмацыянальна насычаныя творы, поўныя творчых развагаў, захаплення лірычнай гераіняй жыццём, навакольным светам, і гэтыя ўражанні не штучныя, яны сапраўдныя, часам смелыя, крытычныя, алегарычныя і па-дзіцячы наіўныя. Але ў гэтым іх яшчэ большая каштоўнасць, сіла і імпэт.

Валеры Скакун для нашага клуба – гэта бадай ужо творчы аксакал, які цягне і сябе, і нашу брыгаду да працоўных вышынь, сам паказваючы творчую спеласць, уменне знаходзіць час, каб раптам з чалавека, далёкага па прафесіі ад літаратуры, стаць родным з ею і працягваць гожа і чынна пісаць вершы, навэлы, аповесці, апавяданні, складаць песні, выступаць перад сотнямі ўдзячлівых слухачоў, знаходзіць ладнае крытычнае слова для сваіх сяброў па цэху, ствараць добразычлівую атмасферу на нашых сустрэчах, падтрымліваць равнічкоў. І гэта яшчэ не ўсё, што робіць добрага для нашай культуры, выхавання ваеннаслужачых у лепшых традыцыях беларускага вайсковага характару гэты ўжо немалады чалавек, які мае маладое

сэрца і нейкую юначую ўсмешку. Хто хоць раз выступаў на адным з канцэртаў разам з Валерыем, той не забудзе ягонага дрогкага пеўчага голасу, жвавых мелодый, зычнага тону прачытання вершаў, той унутранай любові да ўсяго роднага, беларускага і адчуе шчырую павагу да добрага рускага, украінскага, польскага верша ці песні. Сам Валеры мае ўжо не адну кнігу, гожа піша на беларускай і рускай мовах, а ў гэтым нумары альманаху прадстаўлены нізкай вершаў, у якіх, як заўсёды ў Валерыя, ёсць тэма дарог, вандровак, адзіноты ідучага па жыцці чалавека, і раптам той прыхаванай любові да ўсяго светлага, жвавага, да таго глыбока жывучага ў сэрцы чакання нейкага шчасця, якое мы на гэтай зямлі іншы раз губляем, а пасля імкнемся знайсці, дабегчы да яго, хоць і паасобку. Пранізліва гучаць вершы "Сарваўся я ў бездань сусвету…", "Наперад углядаешся – туман", "Не шукай мяне, вецер, ні лесам, ні полем…", "Мой дом пусты, у ім няма…" і іншыя шчырыя, часам драматычныя, але светлыя вершы.

Нашая ўдзячная аўтарка ***Джэма Случак-Марцінкевіч*** літаратурай захапляецца даўно і цягу да яе мае моцную. Хаця Джэма Аляксандраўна і нядаўна з'яўляецца сябрам нашага клуба, але за гэты час яна шмат сіл і энергіі аддала і аддае плённай працы на карысць клуба, пастаянна шліфуе, як сапраўдны агранщчык, свае творы, імкнецца развіваць тэматычную разнастайнасць сваіх вершаў, не баіцца эксперыментаваць, знаходзіць вострыя тэмы і смела аналізаваць іх у сваіх вершах. Яна, будучы шмат год настаўнікам матэматыкі, з матэматычнай строгасцю імкнецца адносіцца да сваёй творчасці, яе радок, як адбітак лічбы чалавечага духа, у пэўнай творчай прасторы мае свой непаўторны запал энергіі і духоўнай сілы. Літаратурнае слова Джэмы Аляксандраўны, як і слова настаўніка, ёмкае, філасофскі шмат у чым сімвалічнае, надзейна апранутае ў рыфмаваную форму. Яна ў сваіх вершах нібыта напрамую, як да вучня, звяртаецца да чытача, блізка дакранаецца да ягонага сэрца. Маўляў, пастой, пачакай, вось ёсць тэма, вось ёсць думка, паслухай гэтыя радкі і паслухай сваё сэрца. Прааналізуй сітуацыю, пастарайся рашыць задачу хутчэй і не рабі больш памылак, а верш папярэдзіць аб памылцы, а ў жыцці яе выправіць часам немагчыма. Таму вельмі сугучна нашай рэальнасці гучаць вершы "Цветёт сирень", "Учись

прощать", "Ищи дорогу", "Человек родился", "Крещенская вода" і другія творы, чытаць якія трэба павольна, думаючы і разважаючы.

Малады беларускі аўтар ***Вадзім Урублеўскі*** ў сваім жыцці імкнецца адолець вяршыні розных узроўняў і сваёй пытлівасцю і творчым патэнцыялам заслугоўвае ўвагі. Акрамя навуковай дзейнасці Вадзім з захапленнем адносіцца да літаратурнага слова, працуе над ім, і ягоныя вершы набываюць свой узор, насычаны фальклАрыстыкай, спрадвечна ўдумлівай беларускай філасафічнасцю, нават нейкай трагічнасцю, абумоўленай запалам маладога сэрца, для якога многія эмоцыі і душэўныя пошукі вартыя пільнай увагі аналізу. Паэт імкнецца перадаць чытачу свой асабісты погляд на знаёмыя і традыцыйныя рэчы, такія, як жыццё чалавека, каханне, нянавісць, прыгажосць прыроды, а таксама на спрадвечныя рэлігійныя тэмы, дзе чалавеку, як істоце грэшнай, яшчэ ёсць месца, каб адчуць сябе часткай высокага і прыгожага, часткай Боскай благадаці. Асабліва насычанымі прадстаюць перад намі па зместу і форме перадачы думак і вобразаў вершы "Бязмежнае", "Сон", "Аб вечным", "У вайскавым намёце", "Як у храме благадаць" і іншыя творы. Вершы Урублеўскага трэба чытаць з асаблівым настроем, разумеючы паміж радкоў і тое, што хацеў данесці аўтар паза межамі досведу туды, у таямніцы кожнага сэрца чалавека, дзе жыве нескароны нацыянальны дух і прага да ўсемагутнай праўды.

Наш новы аўтар ***Галіна Харытоненка*** не навічок у літаратуры і мастацкім асяроддзі. Яе нізка вершаў на роднай мове прасякнута магутнай энергіяй любячай свет і жыццё жанчыны, якая магічна ўвязвае ў сваіх строфах тую душэўнаю гармонію, што даецца людзям, добрым па натуры і шчыра ведаючым сваё наканаванне ў жыцці. Вершы Галіны Харытоненкі хоць і зразумелыя з першага погляду, але даволі эпічныя і касмічныя, каб проста заставацца хлапком эмоцый на фоне гаснучай нашай цывілізацыі, якая рвецца з веку рамантызма ў век прагматызма. Для лірычнай гераіні Людмілы цікава і абсалютнга блізка ўсё, што звязана з прыгожым, са светлым і эпічным. Яе творчасць увабрала і малыя, дробныя элементы жыцця, і ў іх аўтарка бачыць касмічнае і значнае, таму і творы яе, хоць і малыя по форме, але дужа вялікія па асэнсаванню. Лірычная геранія на першае месца ставіць любоў, яна так і мовіць: "Любоўю можна ўсё

перамагчы". Здавалася б, гэтая знаёмая формула зразумелая людзям, але яна не так лёгка працуе, бо патрабуе ад чалавека магутнейшых духоўных сіл, пастаяннай працы над сабой. А хто сёння хоча працаваць над сабой, сваім "Я", калі прасцей націскаць кнопкі, атрымліваць асалоду для сябе і жыць абсалютным эгаістам, не заўважаючы людзей, блізкіх і далёкіх. Але што далей? Хутчэй за ўсё, унутраны холад і боль сапраўднай адзіноты. Таму і вершы Галіны, такія, як "Лянота і сэнс жыцця", "Адзінота", "Галоўны сэнс", "Хто дасць вады?" і другія, дастаткова глыбокія і лірычна жывыя адначасова.

Жана Хромава – вельмі адкрыты і пранікнёны аўтар, чалавек чыстага сардэчнага адчування свету, і гэты ўзнёслы настрой у сваіх творах мілагучна і дакладна яна перадае як юнаму, так і даросламу чытачу. Жана Яўгенаўна піша і вершы, і прозу – як для дзяцей, так і для дарослых. Робіць гэта вельмі натхнёна, практычна кожны яе новы твор – новы свет, дзе падаецца свой непаўторны сюжэт, імкненне быць арыгінальным і непадуладным часу. Героі твораў Хромавай няўрымслівыя, смешныя, хоць і часам трагічныя, як гэта часта бывае ў сучасным грамадстве. Свае сюжэты ў апавяданнях аўтар часцяком бярэ з жыцця ўласнага ці падслуханага недзе, убачанага некім, альбо задуманага пад арыгінал. Таксама героі Хромавай атрымліваюцца "з народу", са сваімі клопатамі і бачаннем свету. Жана Яўгенаўна лёгка бярэцца за любыя тэмы, і ўсё, што яна робіць з тэкстам, атрымліваецца і цікава, і захапляльна для чытача. Таму сведчаннем творы, сярод якіх "Казка пра дурнога зайца", "Кемлівасць правучыла", "Полтергейст" і іншыя творы.

Святлана Чарная ўжо неаднаразова друкавала і друкуе свае творы ў розных выданнях, сама актыўна прапагандуе мастацкае слова, ладзіць выступленні, цёпла і шчыра чытае свае вершы на розныя тэмы, можа зацікавіць аўдыторыю сваімі расповедамі, піша прозу, энергічна, сюжэтна разнастайна і часам з глыбокім падтэкстам. У нашым альманаху Святлана дэбютуе і робіць гэта з уласцівай ёй грунтоўнасцю. Героі Чарнай не зусім простыя асобы, яны існуюць быццам у некалькіх вымярэннях адразу, ці так мовіць, у іх свой глыбокі ўнутраны свет, і яны ўвесь час знаходзяцца ў пошуку, трымценні перад чымсьці невядомым. І яшчэ героі Чарнай валодаюць моцным унутарным пачуццём гонару, яны дасягаюць нейкіх вышынь, альбо,

упаўшы балюча, не баяцца яшчэ раз узабрацца на каня, каб далей пагнаць яго галопам. Канешне, я пішу гэта вобразна, каб падкрэсліць тую ўнутраную свабоду, для якой нараджаюцца героі пісьменніцы, каб да таго яшчэ і зараджаць сваёй энергіяй іншых. Святлана не чураецца і кранання філасофскіх тэм сутнасці чалавечага жыцця і мае на іх свае невялікія адказы. Дакладней, самі героі іх шукаюць, як і павінна быць у сур'ёзнай прозе. На старонках альманаху мы друкаем цікавае апавяданне "Ушедшая Муза поэта", такія творы, як "Сладкий соус майонез", "Ржавое сердце", "Он, она и фэн-шуй", якія, безумоўна, зацікавяць чытачоў.

Творчы багаж ***Алега Чарнышова*** даволі ёмкі і разнастайны, і пра яго нельга распавесці на адной старонцы. Да навуковай і культуралагічнай спадчыны Алега Віктаравіча сёння можна аднесці вынаходніцкую дзейнасць, дызайнерскія распрацоўкі, літаратарнае слова, педагагічную дзейнасць, і гэта ўжо дасягненні, годныя сапраўднага майстра. Алег Віктаравіч не можа да любой справы адносіцца абы як, таму і ягоныя вершы, прадстаўленыя ў альманаху – гэта значны багаж духоўных пошукаў, лірычных аплікацый, філасофскіх развагаў. Вершы аўтара напоўнены ўласным бачаннем свету, разуменнем ягоных рухаў, знакавых падзей, нават да дробязей. Сказваецца багаты жыццёвы вопыт лірычнага героя, ягоная прынцыповая пазіцыя па важкіх тэмах, якая тычацца чалавека як асобы нашага сусвету. Канешне, не абыходзіцца ў такім разе і без эмацыянальнага суму лірычнага героя, ягонай расчараванасці ў сучасннам жыцці, ды калі ж паэты былі задаволены гэтым? Герой Чарнышова з характарам непасрэдным, часам баявым, непахісна наравістым. Таму ў адным з вершаў нават ёсць ускрык: "…крепись душа – ты главный козырь мой". Зусім па-сучаснаму гучаць вершы "Я живу. Нет ни дней, ни минут…", "Листая чётки памяти…", "Я молчу не от скудости мысли…", цудоўны верш "Подари мне на счастье бессонницу…" і іншыя, насычаныя вобразамі і глыбокім сэнсам творы.

Творчая прага ***Анатоля Шабекі*** да самавыражэння мае даўнінныя карані, і яны бяруць свой пачатак ад самай маладосці, дзе яшчэ амаль юнаком наш герой любіў пакараць вяршыні творчага Алімпу на эстрадных пляцоўках, удзельнічаючы у розных вакальна-інструментальных ансамблях Оршы, адкуль ён і родам. Але час ішоў,

Анатоль заставаўся творчай натурай, і сёння – ён аўтар шматлікіх песень, у тым ліку і бардаўскіх, вершаў і санетаў, акрамя таго, і аўтар празаічных твораў. А нашым альманаху Анатоль Шабека прадстаўляе сваю падборку вершаў, напісаных у розныя гады, і ў гэтай падборцы ёсць і прысвячэнні, і лірычныя творы, і так любімыя аўтарам вершы-разважанні на розныя тэмы. Вершы Шабекі лёгка чытаць, яны хораша ўпісваюцца ў вуглавыя праблемы цывілізацыі і хоць прэтэндуюць на нейкую палеміку з часам і грамадствам, але не даходзяць да крайняй мяжы закіпання эмоцый. Можа, гэта і даніна часу, калі эпоха трубадураў і пляцоўных паэтаў сышла ў мінулае, а на дварэ час глыбокага запою інтэрнетам, і людзям не трэба тлумачыць дзе жоўтае, дзе ружовае, а дзе і ад чорнага колеру засталася адна цвіль. Даволі змястоўна гучаць верш-прысвячэнне-песня "Город детства", вершы "Ты жизньзачем опять вдохнула…", "Друзьям детства", "Ушибы, раны, переломы", і нельга не сказаць пра цэлы гурт твораў, прысвечаных жанчынам, якія і ўжо ў прыспелым узросце не даюць спакою паэту. Сярод гэткіх вершаў чытаем "Незнакомке", "В тебе есть чары и загадка", "Любовь и время" і іншыя цікавыя і насычаныя эмоцыямі творы.

На нашым творчым экватары ***Ала Шыковіч*** зусім нядаўна, але па свайму творчаму запалу і энергіі яна мае не малыя шанцы, каб дасягнуць новых неблагіх паэтычных гарызонтаў. Ала не баіцца выказваць у вершах свае пачуцці смела і шчыра, і хоць яна пераважна піша вершы і песні на рускай мове, але ў іх пазнаецца гераіня-беларусачка, добрая, тонкая, эмацыянальна чыстая. Ала спрабуе адлюстраваць сябе ў шкле літпрацэсу як аўтарка любоўнай лірыкі, прычым яе гераіня – даволі эмацыянальная асоба, якая адкрывае сваё сэрца, поўнае шчасця, надзей, трывог, болю, адзіноты, мальбы, расчаравання і надзей. Чаго больш у творах Алы Шыковіч, змешчаных у гэтым нумары альманаху, няхай чытач сам разбіраецца. Вядома ж, дужа збалованых чытачоў сёння мала чым можна здзівіць. Але я веру, што абавязкова знойдуцца чытачы, якім спадабаюцца такія вершы паэткі, як "Чужой, чужая", "Пустота", "Укус скорпиона", "Любовь" і іншыя творы, частка з якіх ужо сталі песнямі.

Завяршае наш другі нумар "Літаратурнага экватара" аўтарка, чые творы ведаюць і чыталі як масцітыя пісьменнікі, так і про-

ста аматары і знаўцы літаратуры, – гэта ***Валянціна Янавец.*** І, што сімвалічна, мы закрываем альманах прозай, а пачыналі з паэзіі. Валянціна – наш завочны сябар клуба, бо жыве і працуе ў Брэсце. Валянціна Янавец прадстаўляе ў нашым нумары невялікую аповесць “Вечар... Ноч... Раніца...”, у якой трагічна паказаны выпадак з аднаго жыцця пэўна ўзятага чалавека, у дадзеным выпадку – жанчыны, якую хацелі забіць... Нажаль, як гэта часта бывае ў нашым жыцці, разлічваць гэтая жанчына змагла толькі на дапамогу сілаў прыроды, сусвету, і толькі потым, ужо нейкім містычным чынам, – на дапамогу людзей... Аўтарка выкарыстоўвае алегарычныя прыёмы з элементамі фантастыкі, але гэта нададае твору яшчэ больш мастацкасці, а альманаху творчай разнастайнасці і важкасці. Спадзяемся, што новыя цікавыя, з элементамі драматургічнасці творы будуць і надалей удавацца Валянціне Янавец.

На гэтым я завяршаю ўступны артыкул, які дае пралог вялікай працы ўсіх нашых аўтараў, што прадставілі творы многіх жанраў, быццам шукалі іх па закутках творчай нашай планеты, каб сабраць разам на адной паралелі нашага супольнага, безумоўна, цікавага і багатага на добрыя сюжэты і вобразы альманаху. І дазвольце ад імя ўсіх сяброў нашага клуба, аўтараў гэтага выдання і рэдакцыйнай калегіі прамовіць: “У добры шлях, наш альманах!”

З павагай да ўсіх, паэт, пісьменнік,
кіраўнік літаратурнага клуба “Экватар”
Вячаслаў Корбут.

НАТАЛЛЯ АНАПРЭЕНКА

Нарадзілася 10 снежня 1975 года ў Мінску. Скончыла філалагічны факультэт Беларускага дзяржаўнага універсітэта ў 1998 годзе. Вершы піша з 1992 года. Паэтка, празаік, навукоўца. Шмат друкавалася і друкуецца ў перыёдыцы. Зараз працуе на філфаку БДУ. Рыхтуе дысертацыю па тэме “М. Багдановіч і Б. Лесьмян: ідэйна-мастацкія сыходжанні”.

ЛЯЛЬКА

Ты майстар, што здольны на цуды,
І ты фантазёр заліхвацкі.
Расчуляцца нават зануды:
Такой не было яшчэ цацкі!

Разявы праймуцца здзіўленнем,
Прароцтвамі скажа празорца:
Яна стане дзіўным стварэннем,
Ты – найдасканалейшым творцам.

Нібыта ў нябыт каляіна,
Твой погляд атрутны і жвавы.
Спіраллю заўецца гадзіна –
І лялька паявіцца з навы.

Раскрыюцца вочкі-блакіты,
Блісне валасоў пазалота.
Ты – ёй гаспадар самавіты,
Яна – для цябе асалода.

Твой выраб табе даспадобы.
Ты геніям можаш назвацца:
Такой не было яшчэ спробы,
Каб лялька магла закахацца.

Адзінствам і формы і зместу
Намер твой аформіцца хцівы:
Яе апранеш, як нявесту,
Свавольнік уладалюбівы.

Пасля замест шлюбнай пасцелі
Адправіш яе ў дамавіну.
Міжсветавыя паралелі
Струменямі адрэналіну

Распаляць лядоўнасць натхнення,
Абудзяць – так, то твае чары:
Зазнае яна жах падзення –
Адчуеш узвышанасць мары.

Яе смерць пакліча ў нікуды –
Табе шлях асвеціць заранка…
Два прывіды: майстар славуты
І мёртвая лялька-каханка...

ГЛАЗУРАВАНЫЯ КВЕТКІ

Успаміны вострымі стрэламі пранізваюць цялеснасць будзённасці, абуджаючы душу сапраўдным болем. Чырвоная пастка крывацечнай раны і пустэча лабірынтаў, дзе ты становішся толькі марай. Нязбыўнай, неспасціжнай, далёкай. Маўклівы крык штораз абпальвае маё сэрца – і як водгалас распунсавеюцца нябёсы ад крывавых архангельскіх слёз. Але я падару табе не пакуты. Я падару табе ўспаміны і незабыўныя сны.

Нябёсы юнацтва, азораныя таемным мігценнем сусветнага акіяна, што для нас утаймаваў свае бурныя ласкі. Імклівасць жаданняў у імгненні залатога маўчання. Час авалодвання зорным ззяннем – і цішыня агучваецца прароцтвамі…

Я падару табе не расчараванні. Я падару табе прадвяшчанне Магінь і талісманы агняцветных галактык.

Густыя зараснікі глыбінных сфер і аранжарэі звышіснавання. Патаемнае дзеянне пераўтварэння: горыч на сэрцы распускаецца бессмяротным Першацветам, ліючы ў сусвет палымнеючы водар Любові. Зорныя ростані ў пырсках агнёў – але толькі жменя іскраў далятае да зямнога паветра.

…Начное бяздонне і кліч нашых жаданняў. Распалымнеліся кветкі сузор’яў. Кветкі, глазураваныя болем.

***

Сілуэты дамоў, лабірынты дарог...
Засынаючы горад – тайнік летуценняў.
Манатонныя будні, скразняк-маналог,
Безнадзейнасці час і хвіліны сумненняў…
Горад мроіць, свае раскідаўшы агні
Стралянінай начной у паветраны замак.
Прыцягненне нябёсаў – магніт вышыні.
Пералівы сузор’яў – сапраўдны прыстанак.
Захавальнік тугі – сонны месяц-ліхтар.
Безыменная зорка адчаем іскрыцца.
Сэрца рвецца на волю, нібыта бунтар,
І здабытай свабоды, як здраднік, баіцца.
Спячы горад застыў у сваім запусценні –
Маналітным абрысам у нетрах начных.
Дэкарацыі цемры, вялізныя цені,
І бяздонне тугі процьмай думак услых.
Апускаючы вочы, іду ў нікуды.
Гэта ноч – безуладдзе і драма кахання.
Нашы душы развязаныя назаўжды.
Зверху – полымя зорак, тут – блік затухання.
Утаймоўванне ночы. Іду наўздагад.
У цянётах чужых і маўкліва, і нудна.
Гэтай ноччу для нас з табой быў зарапад,
Але зоры зцьмянелі на золку марудна.

ПРАСТОРАЙ УСПАМІНАЎ

Гарыць агняцветам заходні янтар.
Зблiжэнне далёкасцi ў фарбах змяркання.
Далёкасць збліжэння ў бяскрайнасці мар.
І нашых дзвюх душ момант судакранання.

Мы будзем маўчаць – сузіраць цішыню.
Прарочыя сны закружацца снягамі…
Таемстваў сцэнарый на ўсю шырыню
Прасторы ўспамінаў, прыдуманай намі.

Замроены час. Увесь свет задрамаў.
Мы – два летуценнікі скрозь міжсезонне.
Для нас – фантазёрства залочаны сплаў
І трансцэндэнтальных узроўняў улонне.

Фрывольнасць жаданняў разлашчыцца ўшчэнт.
Мы – постаці дзве, аб’яднаныя марай.
Вячэрнія блікі, кахання фермент,
І мы – у надхмар’і анёльскаю парай.

Няма больш загадак нам і таямніц.
Не будуць кашмары кідацца з засады.
Над намі – узорнасць касмічных часціц.
Над намі – астральных свячэнняў плеяды.

Змярканне – гадзіна для нашых сустрэч.
Крышталяцца снамі ўпаміны звысоку.
Загасіцца сонца – і ты знікнеш прэч.
Застануся я перад безданню змроку…

… Гарыць агняцветам заходні янтар.
Збліжэнне далёкасці ў фарбах змяркання.
Далёкасць збліжэння ў бяскрайнасці мар.
І мадэляванне ўспамінаў кахання.

***

Раз, два, тры –
запалкі,
пстрык…
Выбліск,
полымя,
адлік...
Decadence...

У горадзе, назва якога Горад Дажджоў, з самай раніцы ішоў лівень, паглынаючы тратуары, вуліцы і будынкі на іх. Нават вышынны гмах, шпіль якога пранізваў аблокі і неба, цалкам скарыўся гэтай воднай стыхіі.

Зараз надыходзіў вечар. Згушчалася змярканне, і скрозь сцены залевы цьмяна адлюстроўваліся гарадскія агні. Ён ішоў па намоклым бульвары, ступаючы па лужынах і ўзіраючыся праз змрочную завесу ў запаленыя вокны дамоў і мігатлівыя вітрыны магазінаў. Струмені дажджу апяразвалі яго звонку, тады як у душу ўваходзіла журба і бездапаможнасць. Але ў гэтым нястрымным кругазвароце яму ўспаміналўся іншы свет, цёплы і яскравы, свет першароднай чысціні і кахання. Ён памятаў, як там са з’яўленнем сонечных прамянёў распагоджваецца ўсё наваколле, і ён памятаў, як распагоджваецца жыццё чалавека са з’яўленнем іншага...

Ён ішоў, распавядаючы сабе гэтую дзіўную гісторыю, знікаючы ў цёмна-сінім сне і не заўважаючы панавання дажджоў...

Там ён быў, нібы водбліск прамянёў,
а тут ён нічый...
Тут ён не сустрэў таго, каго не сустрэў.

У горадзе, назва якога Горад Дажджоў, ліўні тужлівыя і працяглыя...

Ён ішоў па вечаровым бульвары... Вуліцы, будынкі, вітрыны... Лужыны і сеткі цьмяных агнёў...

Душу забіраючы з сабой,
тут пакідаючы толькі сум...

Разбуральны боль перакрыўляў прастору ў паралельным ходзе лёсаў і жыццяў. Тут ён не сустрэў таго, каго не сустрэў.

Decadence...

ЯКАЎ АНАПРЭЕНКА

Нарадзіўся 6 студзеня 1952 годзе ў вёсцы Грушнае Брагінскага раёна. Скончыў Лоеўскае педвучылішча, Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт (філасофія), Белдзяржпедуніверсітэт (псіхалогія), вышэйшыя камсамольскую і партыйную школы, аспірантуру БДУ, магістратуру БДПУ. Працаваў настаўнікам на Паміры. Падчас тэрміновай службы ў арміі стаў афіцэрам. У МУС прайшоў шлях ад патрульнага міліцыянера да вядучага навуковага супрацоўніка Навуковага цэнтра. Супрацоўнік Службы бяспекі Штаба XXII Алімпійскіх гульняў (1980), удзельнік ліквідацыі наступстваў аварыі на ЧАЭС (1986), лаўрэат Міжнароднага конкурсу ўрада КНДР (1987). Неаднаразова выбіраўся дэпутатам, адзін з заснавальнікаў Партыі народнай згоды (1992). Першы ў Беларусі магістр псіхалогіі. Аўтар публіцыстычных і навуковых прац па праблемах сацыяльнай псіхалогіі, 10-ці томнага збору твораў “Эклектыка”, эсэ “Грушэнскі радавод”, фалькларна-этнаграфічнага рамана “Грушэнскія про́лагі” (уключаны ў базы даных каталогаў MIPP International, Brooklyn, NY 11235 USA), гісторыка-біяграфічнага рамана “Лоеўскія пролагі”. Мае дзяржаўныя і ведамасныя ўзнагароды.

КАЛЯДЫ

Аналы гісторыі не данеслі да нас звестак аб тым, калі менавіта людзі пачалі святкаваць Каляды. Вядома, што гэтае галоўнае народнае зімовае свята мае дахрысціянскае паходжанне і ў многіх народаў звязана з першым павелічэннем самага кароткага дня. Пазней, з усталяваннем хрысціянства, Каляды прымеркаваны да рэлігійнага свята Раства Хрыстова.

У апошні дзень Каляд наступала Куцця. У вечар абхода з “Казой” калядоўнікі рыхтаваліся пад званочак пець “шчодрыкі”, жадаючы спадарам здатнага ўраджаю ў багатым годзе і абяцаючы за добры падарунак сваёй варажбой славіць дзяцей і дасягнуць набожную мэту. Калядаванне ў дзень Куцці адрознівалася ад папярэдніх

асаблівай сур’ёзнасцю і душэўнасцю, у ім дазвалялася ўдзельнічаць і старэйшым дзецям у масках. Грушэнцы і жыхары навакольных вёсак святкаванне Каляд пачыналі з папярэдняй падрыхтоўкі рытуалу хаджэння па хатах з песнямі-віншаваннямі. Пасля шматдзённага посту кожны чакаў магчымасці паесці скаромнага, але ж сапраўдны гаспадар павінен быў прадугледзець магчымы прыход увечары калядоўнікаў і належна падрыхтавацца. Скора прыдуць калядоўнікі.

Дзед Якаў і баба Аксіння яшчэ задоўга да Каляд стараліся па магчымасці нічога не шыць і не рабіць крывога, бо на днях павінен з’явіцца ўнук. І хоць дзед вымушана прытрымліваўся атэістычных поглядаў, не верыў бабскім забабонам з часоў калектывізацыі і “перавыхавання” ў сталінскім лагеры на сібірскай рацэ Бурэя (“калі б быў Бог, ён бы не дапусціў такой несправядлівасці”), ён усё ж на ўсялякі выпадак асцерагаўся віць вяроўкі на асабіста сканструяваным станку, рабіць закруткі для саней, плесці нячоты, працаваць сякераю, а Аксіння не пякла ў печы бліноў і абаранкаў, каб, згодна з народным павер’ем, унук не нарадзіўся крывым ці пакалечаным. Мала што бывае: ёсць Бог ці няма, а лепш засцерагчыся...

Баба Аксіння загадзя падрыхтавала вялікую посную куццю: расцёрты ў цукры вырашчаны летась у агародзе мак змяшала з размочанымі ячнымі крупамі, запекла ў печы і паставіла на прыпячку; побач у місцы стаяў мёд, якога ўлетку дзед Якаў досыць назапасіў ад асабістых пчол. Баба Мар’я з непакоем завіхалася ў трэцім пакоі каля дачкі-парадзіхі Галі; ёй старанна дапамагала яе дваюрадная сястра-павітуха Шрамянок Ева Дзям’янава. Дзед Якаў нядаўна прынёс са свайго езу на Брагінцы здатны ўлоў шчупакоў, язёў, акунёў і сумесна з сынам Грышам занепакоена чакаў з’яўлення ўнука: калі будзе хлопчык – назавуць Яша. Пасля абмяркоўвання канструкцыі калыскі для ўнука дзед Якаў знайшоў магчымасць пачытаць свежыя газеты. Пасля кароткага прагляду прэсы ён сказаў: “Брахня!”

...Заканчваўся дзень Куцці. На небе з’явілася першая зорка. Навячэр’е. Баба Аксіння пайшла да Веры Хартонавай маліцца і разам з другімі жанчынамі памінаць прападобнапакутніцу Яўгенію і праслаўляць прыйшоўшага ў свет Збаўцу. Заўтра – Раство Хрыстова.

Вечарам забаўна пераадзетыя калядоўшчыкі ў час абраду абходу хат тэатралізавана насілі чарадзейную Зорку, бесцырымонна за-

ходзілі ў любы двор, стукалі ў акно ці дзверы і падхалімна велічалі гаспадароў, каб атрымаць большы кавалак сала, каўбасы, грошай ці цукерак, а то і кілішак самагонкі. Перапраналіся ў залежнасці ад магчымасцей: хто ў цыганоў, хто выварочваў кажух поўсцю наверх і "ператвараўся" хто ў казу, хто ў іншую жывёлу. Пад ігру гармоніка, стук бубена ці проста спевы перадаваліся віншаванні, за што гаспадары дзякавалі калядоўнікаў падарункамі, а тыя, у сваю чаргу, спявалі велічальныя песні, каб аддзякаваць гаспадара за атрыманыя падарункі. У адпаведнасці з сацыяльным статусам і сямейнымі асаблівасцямі вяскоўцаў калядоўнікі жадалі ім у новым годзе ці добрага здароўя, ці багатага ўраджаю, ці каб дачка-прыгажуня выйшла замуж, ці яшчэ што-небудзь. Усё гэта, у залежнасці ад артыстызму наведвальнікаў, часам суправаджалася гумарыстычна-прыўзнятымі тэатралізаванымі гульнямі, варажбой ў хаце, двары, а то і з удзелам іншых гледачоў на вуліцы. Торбы калядоўшчыкаў паступова рабіліся таўсцейшымі і цяжэйшымі. Пасля гэтага вясёлы гурт накіроўваўся да наступнай хаты. Рытуальныя падзеі на працягу надыйшоўшага года на ўсе лады з "прысмакамі" абмяркоўваліся грушэнцамі.

Ад стварэння свету па візантыйскаму календару прайшло 7460 год. Са строга метафізічнага пункту гледжання і з прычыны звычайнасці рэчаў, але дзякуючы Богу і маім бацькáм, я паспяхова нарадзіўся ў вёсцы Грушнае Брагінскага раёна Палескай вобласці БССР. З часу нараджэння Ісуса Хрыста прайшло 1951 год. З часу Кастрычніцкага перавароту прайшло 34 гады. Вялікая Айчынная вайна закончылася 6 гадоў таму назад. На календары было 6 студзеня 1952 высакоснага года, нядзеля. Куцця.

ДЗЕД СЛУХАЎ РАДЫЁ

Увесь другі год свайго існавання я спаў з бабай Аксінняй на драўляным ложку ў другім пакоі. У гэтым жа пакоі на такім жа ложку і на такім жа сянніку, як і мы з бабай, распалагаўся дзед Якаў. У суседнім трэцім пакоі жылі мае бацькі. Сяннік – гэта матрац, набіты сенам ці саломай. Нашы сяннікі былі зроблены з саматканай ільняной тканіны ў форме вялікіх мяшкоў, акуратна запраўленых жытняй

саломай. Падушкі баба зрабіла з курынай пярыны. А два ложкі дзед змайстраваў акурат такой даўжыні, каб і дзвярам не засланяць, і па росту падыходзілі. Так што нам усім спалася добра, як зáраз прынята гаварыць, "у экалагічна чыстых умовах".

У дзеда быў падораны яму старэйшым сынам Аляксандрам, які пражываў з сям'ёй у Кіравоградскай вобласці Украіны, дэтэктарны радыёпрыёмнік "Камсамолец" Мінскага радыёзавода. Хоць і выбару радыёстанцый не было ніякага, дзед Якаў рэгулярна праз навушнікі слухаў навіны перад сном. Асабліва забаўляў ён бабу Аксінню тым, што сярод ночы раптоўна мог зарагатаць, хоць і не вельмі гучна. Звычайна на наступны дзень баба дзялілася з сястрой Ганнай ці яшчэ з кім-небудзь:

– Ляжым ноччу. Я думаю, што Якаў ужо спіць даўно, а ён знянацку як пачне рагатаць...

Аднойчы вечарам, калі леглі спаць, дзед Якаў надзеў навушнікі і неўзабаве падняўся з ложка. Паклікаў бабу Аксінню, даў ёй паслухаць радыё. Перадавалі пра стан здароўя Сталіна.

Дзед сказаў:

– Усё, не выздаравее.

Баба, асцерагаючыся не нагаварыць лішняга, бо людзі могуць "данесці куды не трэба", папярэдзіла дзеда, каб ён ні з кім аб гэтым не дзяліўся. Тым больш, што ў вёсцы больш ні ў кога не было ніякага радыёпрыёмніка, а газеты прыносілі навіны са спазненнем.

Дзед вытрымаў неабходную паўзу.

І толькі праз два дні, калі нехта паведаміў пра смерць Сталіна, дзед Якаў, бы незнарок, наўмысна стрымана, без эмоцый і без яўнай цікавасці ледзь здзіўлена параспытаў аб гэтым, але ніяк не каментаваў падзею, каб, не дай Бог, не даць поваду для абвінавачвання ў распаўсюджанні неправеранай інфармацыі.

А ён жа ведаў: адбылася незваротная падзея.

КОК-САГЫЗ

У год майго нараджэння грушэнцы, хоць і з вялікімі цяжкасцямі, паспяхова асвоілі вырошчванне кок-сагызу – кветкавай раслі-

ны-каўчуканоса, якая па якасці не саступае трапічным каўчуканосам, для вырабу вельмі якаснай гумы для шын. На правым беразе Брагінкі ад Цалуек да Тукава пад гэтую экзатычную культуру было занята 8 гектараў.

Аб цяжкасцях вырошчвання кок-сагызу сведчыць тое, што на пасяджэннях райкама і райвыканкама неаднаразова разглядаліся факты грубага парушэння агратэхнікі, барацьбы з лічынкамі жукоў драцяніка, якія сілкуюцца высеяным насеннем і падземнымі часткамі раслін, дазіроўкі і падкорма угнаеннямі, культывацыяй і пасевамі. Кіраўнікі абавязваліся праводзіць рыхленні, падкормы, прапалкі ад некаўчуканосных дзьмухаўцоў, забяспечваць карыстанне ручнымі палольнікамі і коннымі культыватарамі, знішчаць шкоднікаў шляхам ужывання ядахімікатаў і механічна. Забаранялася выкарыстанне калгаснікаў, занятых у каўчукаводчых брыгадах, на іншых працах, не звязаных з апрацоўкай кок-сагызу. Ставіліся задачы: не дапускаць пересыхання і пераўвільготнення тарфянікаў; своечасова праводзіць шароўку, рыхленне міжраддзяў, праполку, падкорм кок-сагызу. Кіраўнікі папярэджваліся аб персанальнай адказнасці за атрыманне высокіх ураджаяў каранёў і насення кок-сагызу. Пры ўраджайнасці 10 цэнтнераў з гектара грушэнцы здымалі ўраджаю 80 цэнтнераў сямян і 200 цэнтнераў каранёў. Па “вертыкалі” зверху грушэнцы пастаянна атрымлівалі дэпешы і цыркуляры, падобныя гэтаму: “Старшыні калгаса “ІІІ Інтэрнацыянал” Савіцкага сельсавета. У сувязі з даведзеным планам пасеву кок-сагыза, у мэтах вырошчвання ўраджаю кок-сагыза, Вашаму калгасу неабходна нарыхтаваць мінеральных угнаенняў усяго 825 цэнтнераў, у тым ліку: фосфарных 445 ц, калійных 325 ц, калчаданнага агарку 45 ц, птушынага памёту 195 ц, попелу 130 ц. Прыміце меры для выканання дадзенага распараджэння. Старшыня Брагінскага РВК І. Яловік. Сакратар Брагінскага РК КП(б)Б М. Пянькоў”.

Праз год вырошчванне кок-сагызу было спынена. Грушэнскіх жанчын перасталі вазіць у Стрэлічаў на яго пераборку па палавому прызнаку: перамагла тэхналогія вырабу сінтэтычнага каўчуку. Адной цяжкай працай стала менш. Але матэрыяльнае становішча грушэнцаў калі і палепшылася, то нязначна.

ЭММА АНИЩЕВА

Родилась 22 июня 1937 года на станции Оборона Тамбовской области (Россия). Врач функциональной диагностики. В настоящее время – на пенсии, но продолжает работать в медицинской отрасли. В Минске живёт с 1996 года. По собственному признанию, стихи пишет “по-наитию”, как правило – в ответ на какие-либо события из собственной жизни или жизни общества. Поэтическим творчеством занимается около десяти лет. Публиковала свои произведения в альманахе “Гоман”.

***

Да, жизнь в длину мы проживаем –
Ни в ширину, ни ввысь, ни вниз.
И – очень редко мы мечтаем
О небе… Это – как каприз.

Нам душу не пытать ненастьем,
Об океане не мечтать…
И, думаю, – свободы, счастья
Почти никто не смог познать.

Всю жизнь долги свои мы платим,
И всё ж, опять должны всегда.
Любви лишь в юности «ухватим»,
Считаем – счастья на года!

Лишь мир познанья бесконечен,
А человека краток век.
Чтоб жизнь твоя попала в вечность,
Творцом останься, человек!

Попробуй написать картину,
Вещь сотвори иль стих сложи!

И сможешь рассказать ты сыну
Иль дочке, что не зря ты жил.

***

Свечу зажгли, но затухает,
Не догорает до конца.
Так наша жизнь: горит, пылает,
Пока не встретит подлеца.

Полна волнений, ожиданий –
Свершённых дел и планов ряд.
Одним – всё радости вручает,
Другим – лишь слёзы невпопад.

Мгновенья быстро так мелькают:
Вот день прошёл, и месяц, год…
И вот… свеча уж догорает.
Кто свечку новую зажжёт?

***

Слово лечит, и слово калечит.
Слово в бой и в огонь позовёт!
Слово радует, ранит навечно,
Нам надежду даёт иль берёт.

Слово добрую службу сослужит,
В порошок, если надо, сотрёт.
Лаской душу согреет, подружит,
Соловьём вдруг в душе запоёт.

Берегись: в слове будь осторожен,
Не вреди себе словом в пути.

Слово дал – так держи, ты ведь можешь,
И добро всем сумей принести!

НАВЯЗЧИВАЯ МЫСЛЬ

Мысль пушечным ядром не уничтожить,
Тяжёлым танком мысль не задавить,
И скальпелем иссечь ведь невозможно,
Водою из брансбойта – не залить.

Как лазер тонкий, жжёт глубóко душу.
Иглою острою вонзается – и в грудь!
Идёт повсюду следом, стены рушит,
Да, мысль – её ничем не отпугнуть!

Приводишь новый довод через силу,
Но если уж засела – не прогнать!
И верно: подсознанье породило.
Сознанью не под силу мысль убрать!

***

Всей беспредельной массою, бесстрастно,
Вселенная, напомнив о себе,
Бесповоротно, беспристрастно, властно
Бока нам мнёт, чтоб подчинить судьбе!

И, как бы ты ни изощрялся страстно,
Она найдёт, настигнет, изомнёт!
А жизнь, как миг, всё ж кажется прекрасной!
И, позабыв о смерти, мчит вперёд.

Но иногда вопросы задаём себе:
Зачем мы здесь, к чему нам жить в борьбе?

РАЗДУМЬЯ

Несутся годы быстро-быстро.
Всё ближе финиша слеза.
А как мне хочется, чтоб вечно
Сияли радостью глаза!

Чтоб ни печали и ни скука,
А мысль – сверкала и жила,
И побуждала бы на встречи,
На смех и новые дела!

Чтоб только встречи – не разлуки –
Приятны были и легки.
Чтоб речи о любви и счастье,
О доме – вкруг меня текли.

Чтоб злые сплетни, слухи, зависть
Ушли подальше навсегда!
И не терзали злые мысли
Тех, кто с тобою, – сквозь года.

Обид чтоб не хранила память,
Лучились ласкою слова,
Лицо не портили морщины –
Вот так жить можно века два!

ГРУСТИНКА

Поизмялись все страницы,
В уголок ушла любовь.
Прочитала книгу жизни,
И не прочитаешь вновь!

И перелистать не сможешь,
И не сбережёшь тут впрок.
Так какой из лет пошедших
Мной был вынесен урок?

Все пассаты и муссоны,
И все вьюги – позади.
Только ждёт чего-то сердце
И волнуется в груди.

Вот теперь сирень бушует,
Соловьям открылся путь,
Грусть же атакует снова,
И так хочется всплакнуть.

А о чём, сама не знаю,
Ведь не плох был вовсе путь:
В нём забот, труда хватало,
Было время отдохнуть.

Пронеслась так быстро юность,
Где цветы любви одни,
Жизнь поставила задачи –
Разрешились и они.

Ты о чём, душа, тоскуешь?
Посмотри – кругом цветы.
Нет ведь поводов для грусти,
И не одинока ты.

И друзья, родные рядом –
Время им найди скорей,
Позабудь тоску-тревогу
И в свой дом зови друзей!

ЧЕМ ПАХНЕТ ЖЕНЩИНА?

Чем пахнет женщина? Любовью,
Заботой, негою земной.
Чем пахнет женщина? Садами,
Что распускаются весной!

И зимней вьюгой, и морозом,
И ветром сильным пред грозой,
И радугой узорной пахнет,
И тихою лесной тропой.

Чем пахнет женщина? Тем горем,
Что ты приносишь иногда,
Улыбкой, если всё в порядке
И не предвидится беда.

Чем пахнет женщина? Тобою,
Твоей тревогой и судьбой!
Тревогой сына, мужа, брата,
Да и Вселенскою – порой!

Чем пахнет женщина? Тем адом,
Что в дом является, когда,
Воняя смрадом, ты приходишь
Под алкоголем – иногда...

Чем пахнет женщина? Скандалом
И громкой руганью, порой.
Останови её, попробуй,
Коль смелый ты такой – “герой”!

Чем пахнет женщина? Согласьем,
Хоть отрицают всё слова,
И сладострастьем неподдельным,
И ложью – хоть всегда права.

Чем пахнет женщина? Листвою,
Что шелестит в закате дня,
И пахнет дымом, солью, хлебом,
Простою радостью огня.

Чем пахнет женщина? Всем миром,
Что многогранен и велик!
И это ведь неоспоримо,
Иначе мир бы как возник?

***

Мерцанье звёзд, сиянье солнца,
Небес голубизна весной,
Птиц слышен гомон многозвучный
В нём песнь скворца звучит порой.

Вновь пробуждается природа,
Земля цветёт, так хороша!
И миром всё живое дышит,
Спокойна, радостна душа.

КАРТИНКА ИЗ ОКНА

Он с косогора на тропинку,
Как вихрь, к ней быстро подскочил.
В охапку взял, словно пушинку,
И с нею тотчас закружил!

И, искры чувств он излучая,
Как видно, был в блаженстве Рая.
Глаза – любовью к ней сверкали,
В движеньях – молнии блистали,

И радость из души рвалась!..
Она ж любви не предалась…
Углами губ чуть улыбнулась,
“Хи-хи…” – небрежно хохотнула...
И холодность спокойных глаз
Ему тотчас передалась…

Потупив взгляд и став грустней,
Пошёл тихонько рядом с ней.
Как жаль, что молнии разряд
Вмиг погасил холодный взгляд!

***

Наташе

Травою скошенной к твоим ногам я лягу.
Я тёплым ветром в твои волосы вплетусь,
И нежным облаком я всю тебя накрою,
Любови страстной я вином с тобой напьюсь!

Поверь, я умолю все силы Мирозданья,
Чтоб это счастье наше длилось без конца,
Страсть и любовь, и притяжение друг к другу
Чтоб сохранили на века наши сердца.

Пройдут стремглав года. Изменится мир вечный.
И на висках проглянет седина, горда…
И только ты теплом и негою весенней
Напомнишь прелесть чувств и прошлые года.

***

В золотистое монисто
Нарядились все берёзки.

Красную парчу под ноги
Щедро бросил клён для нас!

Это Осень! Это Осень!
Нас зовёт с собой на танец:
И мазурку под Шопена,
И чарльстон сплясать тотчас!

Листья вихрем то взовьются,
То планируют по кругу,
Подзывают, приглашают
В лёгком танце подсобить.

Повернуться, улыбнуться,
Подмигнуть, как будто другу,
И улыбкой доброй лица
Всем прохожим осветить!..

НА ЛЫЖНОЙ ПРОГУЛКЕ

Заснежило дороги:
То вьюга, то пурга.
А ветер спорит с вьюгой,
Уносит вдаль снега.

Рассыпала повсюду
Свои дары зима.
Дороги заметает,
Сараи и дома!

Деревья одевает
В узорные меха.
А как принарядилась
Красавица ольха!

Попрятались все пташки,
Зверюшки, кабаны.
И тихо ждут полянки
Приход весны-красны!

Лишь только одолеет
Луч солнца высоту,
Всё мигом отзовётся
На эту доброту:

Снег заблестит, сверкая,
Вздохнёт тихонько лес,
И, затихая, ветер
Усилит синь небес!

Вдруг – птичий голос слышен,
И эхо разнеслось:
И далеко, и близко
Веселье началось.

Затренькала синичка,
Грач «скрипнул», удивясь.
Там – подключился дятел,
И… – песня началась!

Всё ожило, проснулось!
Подумали: весна!..
Ошиблись. Передышка.
Зима вновь – холодна…

Вернулась непогода,
Опять для птиц беда,
Покрылось солнце мглою,
Снега вновь, холода…

ТАЦЦЯНА БЕЛАНОГАЯ

*Нарадзілася 24 чэрвеня 1984 года ў горадзе Мінску. У 2007 годзе скончыла факультэт прыродазнаўства Беларускага дзяржаўнага педагагічнага універсітэта імя М. Танка. Зараз працуе ў турыстычнай сферы. Вершы і песні піша з 16 год. На сцэне выступае з уласнымі канцэртнымі праграмамі з 2002 года. Свае вершы друкавала ў часопісах “Паміж” , “Верасень” і інш. Выдала некалькі дыскаў з аўтарскімі песнямі, сярод іх: “Там, дзе мы”, “Пабачыць свет”, “Дзьвюкроп’е”. **

ТАМ, ЗА АКІЯНАМ

Там, за акіянам, кажуць, людзі жывуць.
Тут, у маёй багне, баяцца паветра ўдыхнуць.
Там, за акіянам, памiралі, каб дайсьці да мяжы.
Тут, у маёй багне, нараджаюцца, каб стаць нікім.

Божа, барані нас ад саміх сябе – дурных.
Божа, барані нас ад саміх сябе – злых.
Неба, памілуй нас на гэтай
Грамадзянскай вайне,
Дзе брат на брата,
Слова на слова, праўда на праўду
Сьцяною ідуць.

Кожны чалавек – сам сабе зямны судзьдзя.
Кожны памірае раз, нарадзіцца трэба два.
У дзьверы хтось пагрукаў – адчыняй хутчэй гасьцям.
На тваім парозе стаіць мая душа.

Божа, барані нас ад саміх сябе – дурных.
Божа, барані нас ад саміх сябе – злых.

* *У вершах Т. Беланогай, змешчаных тут, захаваны аўтарскі правапіс.*

Неба, памілуй нас на гэтай
Грамадзянскай вайне,

Дзе брат на брата,
Слова на слова, праўда на праўду
Сьцяною ідуць.

АНЁЛЫ

Белыя анёлы сьпявалі песьні,
Ірвалі сэрцы, шукалі прыстань.
Белыя анёлы вясну гукалі, зіму прымалі,
Кружылі лісьцем
У краіне, дзе літара "Я"
Забітая была.
У краіне, дзе літара "Я"
Забітая была.

Белыя анёлы пісалі кнігі
Пра свае крылы, пра свае ночы.
Адбівалі такт на парапэтах,
Высока ў нябёсах, высока на дахах
У краіне, дзе літара "Я"
Забітая была.
У краіне, дзе літара "Я"
Забітая была.

На белых анёлаў чорныя людзі
Ставілі пасткі, ставілі сеткі.
Тоўстыя рукі хацелі крануць
Тумановыя косы.
Але іх бараніла літара "Я".
Напэўна, гэта была
Бога душа.

ПРЫЙДЗЕ НОЧ

Прыйдзе час да ўсяго – а ў іх – цэлае жыцьцё.
Хай за вокнамі ноч – а ў іх – сонца сваё.
Ціха вочы глядзяць, і рука ў руцэ.
І ня трэба казаць – зразумела ўсё мне.

Тут гадзіннік ідзе, пакідае ўсім сон.
Мы ня спім, бо глядзім на чароўны агмень,
Што гарыць ў першы раз у прасветлены час,
І здаецца, што крылле падыме нас.

Потым паляцім мы, як вятры, у розныя бакі.
І застанецца след, што пакінеш мне ты.
Ты пакінь мне свой цень, апранаць у шэры дзень.
Яркі свет ліхтароў, каб ня збіцца са шматлікіх шляхоў.

МАРА

Я цягнула далонь, каб знайсці вады,
Я цягнула далонь, каб знайсці агонь.
Я нарэшце знайшла – шчырага, добрага.
На жаль, Ён памёр на сваім крыжы.

О, я не адна! Навокал вясна!
У мяне – сям'я, у мяне – зямля.
Але я кажу: людзі, Ён памёр.
Для каго памёр, для чаго памёр?..

Яго музыка не патрэбна вам,
Яго словы не пачуеце.
Мне прысніцца сон, што навокал Ён,
І ў вачах людскіх – простая любоў.

КАМЕННЫ ГОРАД

Я так хачу сустрэцца з Вамі
У каменным горадзе N.
Я так хачу сказаць, што зоркі
Вышэйшыя за краты гэтых сьцен.

Толькі нам гараць ліхтары.
Толькі нам грае ноч.
Толькі нам падае зьверху бурштын.
Толькі нас бачыць Бог.

Мы – гіпс, мы – лёгкае віно.
Мы – чыстае сумленьне калодзежу і дна.
Усё пачнецца, і ўсё ўжо было.
Цнатлівая трава, апошняя трава.

Толькі нам гараць ліхтары.
Толькі нам грае ноч.
Толькі нам падае зьверху бурштын.
Толькі нас бачыць Бог.

АКНО

На далонях лёс вымалёўвае крыж.
За акном на галлі сядзіць груганнё.
Намалюй мне акно, якога няма,
Адчыні яго – мне балюча чакаць.

Там шыпшыны водар б’е ў твар,
Там няма стомленых сляпых вачэй,
Там кожны ў адказе, бо сам сабе гаспадар,
Там дарогі вядуць да цвярозых дзвярэй.

І не сорамна глядзець дзецям у твар,
І так хочацца ісці па дарозе сваіх мар.
І не сорам азірнуцца на пражытыя гады,
І не сорам усім пакінуць чалавечыя сьляды.
Вены каханьня.

Заўсёды быць з табой.
Заўсёды ўдыхаць шалёны вецер з берагоў тваіх.
Заўсёды быць з табой.
Заўсёды ўдыхаць жалезны вецер з берагоў тваіх.
Прабач мне, неба, што не была вернаю самой сабе.
Прабач, што не была вернаю з табой сабе.

У трыкутніках зашытае мора.
У трыкутніках зашытае сонца.
Два камяні на сэрцы.
Камяні на сэрцы.

У душу не глядзі, ніколі не пытай
Пра тое, што было і не было.
У душу не глядзі, ніколі не пытай
Пра тое, што ня хочацца спыніць.

Паўсюль цякуць рэкі любові.
Паўсюль пульсуюць вены каханьня.

Вырываецца зашытае мора.
Вырываецца зашытае сонца.
Лятуць камяні з сэрца.
Узьлятаюць нават камяні!..

ВАЛЕРИЙ БЕСТОЛКОВ

Родился 24 сентября 1971 года в Ярославле (Россия). Окончил 22 среднюю школу г. Минска. Окончил факультет роботов и робототехнических систем БНТУ, Белорусский коммерческий университет управления по специальности "финансы и кредит". Стихи начал писать с 14 лет. Среди любимых авторов – Александр Сергеевич Пушкин, Максим Богданович, Николай Некрасов, Джек Лондон, Борис Васильев. В 2011 году выпустил в свет книгу стихотворений и поэм "Тридцать семь". В настоящее время завершает работу над второй книгой.

ДУША И РАЗУМ

Мозг рьяно принимал главенство в схватке
И явно издевался над душою –
Той, что известна равновесьем шатким
И тягою к сознанью небольшою.

Он напирал, усиленно довлея,
И нервы перетягивал узлами,
А та тряслась, стремительно слабея,
Опутанная, словно удилами.

Он насаждал враждебную опеку
Во время этих поединков долгих:
О нравственном устройстве человека,
О чести, о достоинстве и долге.

Он смело обвинял других в уродстве,
Внезапно ставших на мозги тугими,
О собственном заметив превосходстве
Над этою душой и над другими.

А та в ответ – о том, что значит нега,
О том, какие чувства ей встречались,
О внутреннем устройстве человека
И о его божественном начале,

О линиях судьбы, об их природе…
И на ладони провела кривую:
Знай, человек живёт, пока свободен,
А, если не свободен – существует…

О том, что здесь мы – пасынки Вселенной,
И замыслам её великим служим,
О том, что все мы немощны и тленны
И что не истлевают только души.

Так и уснули… Только на исходе
Последних сил пошли на мировую,
Да… Человек живёт, пока свободен,
А, если не свободен – существует.

***

И выпить позовут, но пить не тянет,
И, вроде, пообщаемся о многом…
Мне скучно почему-то с их гостями,
И дома почему-то одиноко.

Я им всё чаще излагаю внятно,
Что важно для меня, а что формально…
У них нормально всё и всё в порядке,
А у меня давно всё не нормально:

Загнал себя в себя дубовым клином,
Родительский очаг – и тот не греет,

И окунаюсь за адреналином,
Чтоб вслед за этим жизнь ценить острее.

И ценности мои, как будто, те же,
И в моих планах их беречь и дальше,
Да только фальшь мой слух всё меньше режет,
А значит, сам своей не слышу фальши.

В обход тропы рублю свою дорогу,
Карабкаюсь по ней куда-то в гору,
Но скоро получается не много,
А много получается не скоро.

Я делаю родным немного больно,
И много боли жду в ответ от близких,
Когда они отметятся довольно:
Кто мелким встречным выпадом, кто низким.

Примерив на себя, теперь срываю
Их постулаты с лоскутами кожи.
И, смяв в кулак рассудок, истлеваю
Глобальным смыслом – что же мне дороже?

Но вот уже мои сомненья реже
На тему, как бороться с этим дальше…
Вот только фальшь мой слух всё меньше режет,
А, значит, сам своей не слышу фальши?..

ВЕЙЗАЖИСТ

Подобные холсту – сегодня лица,
Но именно для них готов мольберт:
Ты им поможешь перевоплотиться,
Добавишь жизни, глубины и черт.

Добавишь мысли тем, кто мыслит туго,
Добавишь страсти тем, чей взгляд поблек.
Воспрянет отпечатанный недугом,
И, может быть, его продлится век.

Пусть их коснётся твой невинный гений –
Мерцаньем звёзд, открытостью лица.
Они в плену успехов и сомнений,
И в бесконечных поисках творца.

Они томятся в ожиданье встречи.
Ты часть души в их образы вложи.
В твоих мазках их судьбы в этот вечер,
А, может быть, дорога в эту жизнь.

Но что заключено в мирках их шатких,
Твоё искусство не даёт ответ:
Ты внешние их скроешь недостатки,
Но души их твой не затронет свет,

Как не добавит проблесков сознанья
Любой мазок косметики густой.
Божественного замысла созданье
Тревожит мир бездонной пустотой.

Призвал меня Господь их души чистить,
Выскабливая серость их умов,
И окунаю собственные кисти
В культурное наследие томов,

Исписанных богатой чистой речью,
Сокровищниц поступков и идей,
Готовых противостоять увечью
Безнравственного облика людей.

И будет нанесён не грим слоями
И обрамлён в изысканный багет –
Встревоженный в своей духовной яме
Вчерашний демон тянется на свет

И трогательно жмурится при этом,
Ошеломлённый тем, чего достиг,
Едва, на миг попав в полоску света,
Поймёт, что это – самый лучший миг!

ЧЁРНАЯ ОСЕНЬ

Не золотая – чёрная листва
Свой хоровод над мостовою кружит,
И облака не отражают лужи,
И сень лесов недвижима, мертва.

Мой мир поблек, и в нём застыло время,
В тревожный миг остановило бег.
И вот уже идёт не человек,
А тень его крадётся между всеми.

Она скользит сквозь трафик городов,
Лишённых звука и лишённых света,
Перетекает в трафик интернета,
Не оставляя видимых следов

Недавнего присутствия. Зависла
Картинка всеобъемлющей сети,
И лишь душа скребётся взаперти
Успешной жизни, вдруг лишённой смысла…

Я с ветром затеваю диалог:
Ворвётся, заскулит, ударит ставней

И затаится, став холодным камнем
На перекрёстке жизненных дорог,

Так и не указав, из них какую
Ещё не укротила западня…
И правит путник своего коня
Туда, где навсегда пропасть рискует.

И я забрёл в тот мир, где тяжек сон,
А пробужденье тяжелее вдвое,
Где низок свод небес над головою
И сумрак утверждает свой закон.

Где лица тусклы, а поступки серы,
И мысли сокрушительно гнобят
Вчера ещё могучего тебя,
Впотьмах в себя утратившего веру.

И я ушёл бы в эту пустоту,
В ней растворившись, стал бы её частью,
Но что-то держит и, возможно, к счастью
Не позволяя подвести черту

Под жизнью таковой. Калёный стержень –
От космоса до самых недр земли –
Меня пронзает, и дышать велит,
И твёрдо на ногах ослабших держит.

ВОЗНЁССЯ ПИК…

Там, где Парнас белеет, свет затмив,
И где Олимп хребтом пронзает тучи,
Вознесся пик, Парнас опередив
И солнце заслонив, Олимпа круче.

Ни музы слуг, ни греческих богов
В число жильцов на гору не попало,
Лишь мизерная кучка чужаков,
Сидящих в соболях на голых скалах.

А скалы, окунувшись в облака,
Уйдя в их сырость, в полумрак колючий,
Не смея возроптать, стоят века,
Не поднимая гребень свой над тучей.

Внушили им, что в камне – жизни нет,
Что камень по-людски дышать не смеет,
Но даст ли ему кто-нибудь ответ,
Так почему ж он, как и все, стареет?

Он к истине стремится, но ответ
Давным-давно потерян под снегами,
Зачем он спрятан в снег на столько лет?
Зачем так прочно скован ледниками?

И скалы потому стряхнуть хотят
Тюремщиков своих на нас, невинных,
И камнепады грохотом шалят,
И снежные срываются лавины.

Но ломятся столы на небесах
От разных яств, от танцев и от смеха,
А там, внизу – лишь молнии в глазах,
И вторит громовым раскатам эхо.

Там чужды наши беды на земле,
Им лишь швырнуть, мы сразу все хватаем,
Пологи покосились, печь в золе,
И злобно смотрит горница пустая.

Мы обратиться жаждем к небесам:
“Отступники, про Господа забыли!”
Но только тучи смога видим там,
И слезы льём от непонятной пыли.

В собольих шубах, в хлопке да в шелку
Сидят отцы на пике иль на круче,
И видится Парнас им, весь в снегу,
Олимпа край – сквозь грозовые тучи.

И мечутся под ними на земле
Все те, кому вершины недоступны.
Краюха хлеба, водка на столе,
А неповиновение преступно.

Нас всех вооружали, нас вели
С их именем кидались в чрево ада,
За счастьем, наступающим вдали.
А нам самим – что, этого не надо?

На чьей земле стоишь ты, чьё зерно
В ладонях, как дитя своё, лелеешь?
Не огорчайся, что всего одно –
Родится поле, коль его посеешь.

И пусть внезапно выпадут снега,
Они-то и спасут зерно от стужи,
Пусть льют дожди, достаточно глотка,
И суховеи завязь не нарушат.

Пусть дуют ветры, их удел таков,
Но наш росток надёжно вплелся в травы,
Развеют бури стаи облаков,
Пусть даже вырвут с корнем все дубравы.

И силы солнце даст лучом тепла,
Родившись вдруг в освобождённом небе.
И промелькнёт, пускай, совсем мала,
Мысль о свободе с думою о хлебе.

ГЛУБИНА

Всегда для нас ты будешь тайной,
В которой мощь заключена,
В своих мирах необычайных
Ты бесконечна, глубина.

Ты всюду: в море, во Вселенной,
Во мраке или же в сердцах,
Грядущий, древний, современный –
Мир, без начала и конца.

Как, человек, ты мал и жалок
Бываешь в сумрачную ночь,
Когда свою тоску устало
Ты ищешь силы превозмочь.

Мерцают звёзды, остывая,
Глядит унылая луна.
Твою я мудрость призываю,
Безжалостная глубина!

Зачем ты смерти моей жаждешь,
Воображение дразня?
Я сыт тобой, тобой и стражду,
Исчезни, пощади меня.

Куда ни глянь, ни ткнись руками,
Они провалятся, как в сон.

Повсюду пустота – веками.
А в пустоте – какой резон?

В нас часто тьма вселяет трепет,
Мы кожей осязаем мрак,
Чтоб слышать свой бессвязный лепет
И жалобный скулёж собак.

И восстаёт из преисподней,
Вновь неприветливо черна,
Всего лишь пустота сегодня,
А завтра – мира глубина.

Пусть захлестнёт меня пучина,
Поглотит бездна пусть следы,
Пускай погибну я безвинно,
Но оттолкнусь от пустоты.

И руки обретут опоры,
И влага освежит уста,
И крикну я, во весь свой голос:
“Ты всё же зрима, пустота!”

P.S. И вот уже крадётся разум
По тёмным лабиринтам снов,
Пусть и дотянется не сразу
Он до незыблемых основ.

Рождённый в самом хрупком теле,
Здесь обретает жизнь и кров –
В твоей бездонной колыбели
Из многочисленных миров.

АФАНАСИЙ БОТЯНОВСКИЙ

Родился 19 августа 1985 года в Минске. В 1992 году пошёл в СШ № 25, в 1993 – в музыкальную школу № 2 на отделение скрипки. В 2003 году поступил в Республиканский музыкальный колледж при БелАМ, который окончил в 2006 году, получив квалификацию “артист оркестра, ансамбля”. В 2006 году поступил в БГПУ им. М. Танка, который окончил в 2009 году, получив квалификацию “преподаватель музыки”. Весной 2009 года издал поэтический сборник “Серебряный голубь”, в октябре 2010 года – сборник стихотворений и поэм “Бездна над головой”.

РЫЦАРЬ ДУХА

Николаю Гумилеву

Я давно не знаю светлой ласки;
Под забралом мир души сокрыт,
Но в отличие от светской маски
Он с открытой скрытностью глядит.

Я сюда пришел из дальних мест;
Очевидный панцирь-промокашка,
Но под ним есть белая рубашка,
И не виден под рубахой крест.

Милостыню раздаю украдкой,
Прячу я рубцы от страшных битв;
Выделен иным я отпечатком,
В мыслях – лишь отрывки из молитв.

Я оставил скуку разговора,
Только у меня во рту полынь;
Синее над головою море,
Пред глазами кактусы пустынь.

Обожглась душа о злобный пламень,
Руки не согрел я об огни;
Я седой, как придорожный камень,
И горят разбитые ступни.

Для меня жалели ласки малой,
Надо мной смеялись злые дети…
Взгляд Пречистой – тихий и усталый –
Лучше всякой розы в этом свете.

ПО ПРОЧТЕНИИ РЕМАРКА

Кто любит войну,
Тот должен любить хирургию,
Могилу, лопату и синий цвет языка.
Кто любит войну,
Тот должен забыть аллергию
На кишки, на кровь, –
Тот должен понять мясника.

Кто любит войну,
Тот должен любить слово “должен”,
А также другие – этому слову под стать.
Кто любит войну,
Тот обязан нежную кожу –
Свою и чужую – бритвой исполосовать.

Трава под ногами и лужи
Нам больше расскажут
О жизни и смерти, чем книга или тетрадь.
Слова облаками летают
И руки нам вяжут,
И могут враги облака наши пулей достать.

Ветра и года
Полощут наши знамена,
Меняются краски, меняются лица. Года
От красного цвета
Отмыли наши ладони,
Но запаха крови, увы, не отмыть никогда.

***

Богатый ест, поёт и пьёт,
А выбрал рай Господень нищий.
Верблюд спокоен: он несёт
В своем горбу питье и пищу.

Не знал я, где река и плот,
Не знал, где верная дорога…
Тем слаще молоко и мёд,
Чем дольше ждёшь в пустыне Бога!

ПОЭТ

Полю Верлену

Он глупым ранам цену ведал,
Безумным оргиям ночей,
И звезды запивал, как беды,
Чтоб стали ярче и теплей.

Вселенское он знал томленье,
И стих пылал в холодной мгле…
Что адские ему мученья?
Он ад изведал на Земле!

Он слушать шёл богослуженье, –
Чтоб стать потом еще пьяней!
К блудницам брёл он в храм забвенья –
Возненавидеть грех сильней!

И, что душа его искала,
Один Господь, наверно, знал…
Над ним любовь звездой пылала,
А он бутылку целовал!

ЗАРИСОВКА

В часах копался часовщик-еврей;
Дышала Вечность, бездною чернела;
Струился по иконе дождь-елей,
Тёк по душе, которая болела.

Шла детвора в трущобы, в серый мел,
В объятья каменные, ледяные;
И Город, словно жертвенник, горел,
И падал день на камни городские.

МОРЯК

Я многое в тени оставил;
Я был как юнга – прям и глуп,
Я идеал бездомный славил,
Хлебая тошнотворный суп.

Что мне озёра и болота
И реки что – вблизи морей?..
Я шёл в пыли средь сна и пота,
Средь мачт и зыбких кораблей.

Я помню – мне наяды пели;
Я чтил груди отлитый блеск;
Я помню ночи, рифы, мели,
Ад кораблей, заката треск.

Навек с друзьями попрощался,
От страшной бездны вдаль уплыв;
Слезами счастья умывался,
Покинув смертоносный риф.

Как Бог-хирург после работы,
В песок под лампой тусклой сев,
Я ощутил веков дремоту
И осветил страданьем хлев…

Я спал и видел сон полипов,
Я слушал песнь сырых ночей,
Под моря яростные всхлипы,
Под стоны павших кораблей…

ОСЕННЯЯ СОНАТА

Ты смотришь и печально, и светло,
Когда тебя целует бледный вечер.
За двери лето праздное ушло,
И вот зажглись сентябрьские свечи.

Свой устремляя бесконечный взгляд
Туда, где растворяются печали,
Увидела ты юности закат,
Услышала, как капли застучали.

Для человека молодость дана,
А вместе с ней возвышенные слоги;

Дождей и гроз, и облаков страна
Нам говорит, что есть ещё и боги.

Нам повествует: есть ещё творцы,
И есть планета для сестры и брата,
И проплывают над Землей венцы,
Как над судьбой осенняя соната.

Во взгляде я твоем увижу грусть,
Но ты мне скажешь просто и устало:
“Пусть осень, пусть дожди и вечер пусть,
Зато дышать мне как-то легче стало”.

МУЖИК

В поле, белом, словно храм,
Навсегда умолкнул звон.
И неслась по небесам
Стая чёрная ворон.

Пьяный старенький мужик
Ехал в поле, замерзая:
Белой головой поник,
Дуб седой напоминая.

Холодом несло могил
От небес большой ладони.
“Эх, зачем я столько пил!
Заблудились мои кони!

Пред глазами – белый мрак,
Звёзды вороны склевали…”
И прилёг мужик-чудак
Там, где сосны замерзали.

Слыша злобный волчий вой,
Кони дергали ушами.
От боязни сам не свой,
Снег мужик глотал кусками.

Но прошел испуг его…
Замерзая в поле диком,
Улыбнулся он светло,
Догадавшись о Великом.

***

Мир разнобок.
Есть страсть одних –
к цветам,
к волне,
к стихам и лирам.
И есть влеченье
у других –
к плевкам,
бутылкам и сортирам.

Ты с детства
выбираешь путь –
сомненья, радости, страданья;
лететь ли вдаль,
в грязи ль тонуть,
в цветах ли
разочарованья…

В конце нас встретит
Цербер-пёс –
больных, и слабых, и атлетов…
И Бог
задаст тебе вопрос,

и будет жизнь твоя
ответом.

СВЯТЫЕ

В столетье горькой пестроты,
В столетье сладкого обмана
Живут монахи, как кроты:
Встают во тьме и служат рано.

Дней наполняя пустоту,
Сурово иноки мечтают;
Доказывая правоту,
Стоят мужи и стих читают.

Но, даже слабость победив,
Победе вряд ли улыбнутся:
Ещё столетья впереди!
Нельзя дубам под солнцем гнуться.

Давно не ведома им дрожь,
И страсть, и сладкая истома,
Перед собой отвергли ложь…
Они уют презрели дома.

Не до весёлых песен им,
Стоят они на службе Духа,
Дней радость – вековечный грим,
Гул игрища не тронет ухо.

Они ведут смертельный бой,
Мгновениям не поддаваясь,
И гаснут медленно свечой,
В иконостас перерождаясь.

Кто скажет, что больны они?
Ведь правда, что они велики…
Живут в столетиях – сквозь дни,
Как веры и надежды лики!

***

И весной, и зимой, и в теплынь, и в морозы
Уважаю я честность – таков мой каприз!
Хотя честность – скорее проблема, чем козырь,
В той азартной игре под названием Жизнь.

Правду ложь подгоняет, как старую клячу,
Обратившись за помощью к другу-кнуту.
Игроков честных мало, и их неудачи
Подтверждают их слабость и неправоту.

Честь теперь не в чести. К сожаленью, в почёте
Стала ложь в этом мире доступных чудес.
Трудно рыцарем быть. Трудно быть патриотом
Не земных барышей, а высоких небес.

Замечает сегодня и старец, и кроха:
Мир похожим становится на казино.
Может, шулером стать? Очень даже неплохо
Шулера поживают: красотки, вино…

Шулера – подтвержденье тому, что без чести
Проще счастье добыть и попасть на пиры.
Всё равно я за честь, потому что бесчестье –
Это путь окаянный, путь в тартарары.

Я бегу от обмана, от век воспалённых,
Я бегу, ощущая томленье и страх.

Не забыть мне ночей окаянных, бессонных,
Не забыть огонька мне в безумных глазах!

ПИСАТЕЛИ

Кто ездит разными маршрутами,
Кто открывает города,
Всерьёз захвачен тот минутами,
Забыв недели и года.

Мир дышит песенкой банальною,
В мешке февральском – серый снег,
А мы несём мечту кристальную,
Забыв про торопливый бег.

С усмешкой нагло-рыжеватою
Ушла пора осенних проб.
Зарей мы дышим розоватою –
На карауле, под озноб.

Стихи опять не пахнут розами,
Но слог, уставший от цепей,
От испытания морозами
Лишь станет чище и сильней!

ЕВГЕНИЙ ВЕРМУТ

Родился 3 апреля 1957 года в Минске. Начал писать стихи с 17 лет. Участвовал в шести коллективных сборниках, увидевших свет в Белоруссии и в России. Активный интернет-пользователь: имеет собственный сайт, где постоянно размещает свои произведения. Не избегает и периодической печати – как белорусской, так и российской. Публиковал свои стихи в газете "Рабочий", в журнале "Немига литературная" и др. Член Международного союза писателей (МСП) "Новый современник". Живет и работает в Минске.

***

А у нас обитает мохнатое счастье по имени Том.
Много лет уже, как мы с ним поровну делим свой дом.
Делим кров и еду, лечим хвори его, а в ответ
Дарит ласку оно и тепло ровно столько же лет.
Что за счастье у нас поселилось, отгадка проста:
Приютили когда-то котёнка мы, нынче – кота.
Как и все, доставлял он немало различных хлопот:
То вазон разобьёт, то стакан, но на то он и кот.
Мы же – взрослые люди, и мы понимаем душой,
Что котята – как дети, нет разницы в этом большой.
Хоть ругает его иногда за проказы жена,
Но, мораль прочитав, тут же рыбку бросает она.
А когда я, уставший, ложусь на диван отдохнуть,
Что-то мягкое прыгает с пола мне прямо на грудь,
И, за шею обняв, тихо дремлет со мною потом…
Вот такое мохнатое счастье вселилось в наш дом.

ТРАМВАЙНАЯ ЛИРИКА

Мы с вами так близки...
В час пик,

В тисках трамвая...
Особенно в жару, когда мы налегке...
Изгибы наших тел так странно совпадают,
Что поневоле мысль приходит о грехе.
Я вами опьянён, но... тает опьяненье,
Я к тесноте привык, но... выходить пора.
Я испытал восторг, но... с ним и сожаленье:
Как тесен мир, увы!
Как тесен мир, ура!

ОДИНОЧЕСТВО

Выдавливая классику сквозь слёзы,
Был вынужден я снова повторить:
"Как хороши, как свежи были розы"…
Но той, которой мог бы подарить,
Я не нашёл.
И вот они завяли…
Я взял топор и с ненавистью куст –
Под корешок,
ПОД КОРЕНЬ!
Но едва ли
Обрел покой,
Ведь дом, как прежде, пуст…

***

Когда вижу тебя, я доволен, как слон,
И таким же, как слон, становлюсь неуклюжим,
И мешает мне свой нерешительный тон,
И ещё не уверен, что я тебе нужен.
Я с тобой, как безусый юнец, и при том
Запинаюсь в словах, постоянно краснея,
И всё время с тобой представляюсь шутом,

Его маску надев, но страдаю под нею...
...К сердцу долго старался я путь отыскать,
Подбирался словами всё ближе и ближе.
Я сегодня смогу наконец-то сказать,
Что грущу без тебя и люблю, да пойми же!
Но не надо вздыхать, если вновь не решусь,
Лучше чуть потерпи – ну, до завтра, хотя бы.
Я морально устал… Всё же, весь соберусь
И скажу, и поймешь, что я вовсе не слабый.
Нерешителен я? Нрав совсем не мужской?
Ты ведь женщина всё же – ты знаешь причину.
Я же – вовсе не трус, и совсем не такой,
Я уверен в себе, как нормальный мужчина.
Я – мечта твоей жизни, и – твой эталон,
Только лишь иногда слишком скромен снаружи.
Когда вижу тебя, я доволен, как слон,
И таким же, как слон, становлюсь неуклюжим.

АПАТИЯ

Завьюжило снова...
Стемнело...
В груди не осталось восторга...
Скучаю со знанием дела,
Дичаю с сознанием долга.
Забыт в тесноватой времянке,
Удобной, пожалуй, для мата,
Уютной для дружеской пьянки
И... для небольшого разврата.

Бурьяном заросшее поле,
Остатки былого болота...
Какие там мысли о воле –
Уснуть бы… Вот это забота!
Как медленно тянутся сутки,

Как давят часы ощутимо...
С оглядкой на странную будку,
Собака протрусила мимо,
Присела опасливо с костью:
Зарыть бы – делов-то, всего лишь...
Сегодня я рад тебе, гостья.
Не бойся, собачка –
Я сторож…

ЭМОЦИИ

Что изменилось в нашем мире новом?
Да ничего, но есть один секрет:
Я вместо водки пью вино и снова
Вхожу во вкус дешевых сигарет.

Я деградант, и в этой странной роли
Вновь возвращаюсь в общество зверей,
И если это делаю по воле,
Могу заверить, что не по своей.

Ну, почему в тот миг, когда я в трансе
Держусь из сил последних на плаву,
Со всех сторон твердят мне иностранцы,
Что я король и лучше всех живу.

Как тяжело, как больно это слышать,
Когда кричу, хоть мне и не рожать.
Который год всё дальше “едет крыша”,
И мне никак её не удержать.

ПОЖИТЬ бы год, но время уплывает,
Летит к чертям всё, чем я дорожу.
Я знаю, кто об этом тоже знает.
Сказал бы вам, но всё же не скажу.

Ну, а пока я снова умоляю:
– За мной, туда, пожалуйста... Скорей!..
Вон там, за стенкой кто-то умирает!..
Я думал – скрип несмазанных дверей...

СТАРЕЮ, ЧТО ЛИ?

М.Ш.

Наконец-то и я поседел – так, что издали видно,
И походку сменил, потому что на пятке мозоль,
Я усы отпустил: говорят – так намного солидней,
И с портфелем хожу, и не важно, что в нём алкоголь.

Я пройдусь, не спеша, мимо женщин – таких же степенных,
Провожаемый взглядом слегка угасающих глаз,
Ну, а сам посмотрю на других, но не-обык-новен-ных:
Мне уже никогда, ни за что не добраться до вас.

Пролетели, промчались, протопали лучшие годы,
Как банальны бы ни были эти простые слова.
Наши песни и мысли давно уже вышли из моды,
И о жизни прошедшей болит лишь у нас голова.

Это кажется только, что каждый отдаст миллионы,
Чтоб вернуться туда, где когда-то свой путь начинал.
А зачем, для чего нарушать неземные законы –
Да, мы можем – с начала, но прежде оформим Финал.

***

Я повешу на крючок душу,
На морозе остужу сердце,
Лягу на пол и начну слушать,
Как сбавляют частоту герцы.

Мне давно пора унять тело –
Отекли от головы ноги.
Мало я хороших дел сделал,
Но зато мечтал о них много.

Совесть где-то в уголке дремлет...
Не желаю зрелищ, лишь – хлеба.
Сколько мне ещё топтать землю,
Сколько мне ещё смотреть в небо?

Не нашел в своей реке брода,
Всё тонул в ней – так и жизнь прожил.
Остальные промелькнут годы,
Но надеюсь, что не зря,
Боже...

***

Я когда-то давно угодил в твою сеть,
Я пытался сбежать, но напрасно.
И тогда захотел я тобой овладеть –
Оказалось, что ты неподвластна.

Так и рвался всю жизнь, а устав, затихал,
Понимая бессмысленность цели.
Нити сети крепки – ни одной не порвал,
Да и сил уже не было в теле.

Но сегодня я понял, что было со мной,
Сам себе со стыдом я признался:
Ты из всех на земле оказалась одной,
В чью любовную сеть я попался.

Может, всё и не так, может, сам захотел,
Безрассудно с любовью играя,

Видел пламя огня, чуял жар, но летел,
Постепенно в тебе догорая.

Выбор сделан, взяла меня жизнь в оборот,
И свобода уже невозможна.
Хода в прошлое нет, остается – вперёд
Безвозвратно, достойно, надёжно!

ИРОНИЧЕСКИЙ ЭКСПРОМТ

Возможно, я еще живой:
Меня грядущее тревожит,
Хожу с больною головой,
Но эта боль по ком-то тоже.
Пока скучаю по отцу
И на душе скребутся мыши,
Неравнодушен к подлецу
И ненавижу его “крышу”,
Пока могу вбить в стенку гвоздь,
Пока могу быть равным в “стае”,
Пока я знаю, что не гость,
А в жизни сам себе хозяин, –
Возможно, я еще живой…

НАИВНЫЕ МЫСЛИ СТАРОГО ДВОРА
Монолог

Старенький двор просыпается рано,
Томно вздыхает и чешется ветром,
Долго потом удивляется странным
Людям на улице в кедах и гетрах:
– Как же смешно наблюдать мне за вами.
Вы же без крыльев, вы вовсе не птицы.
Сколько бы вы ни махали руками,

Вы всё равно никогда не взлетите.
Как вы ни прыгайте, тети и дяди,
Вам ни за что не допрыгнуть до неба.
Выгоды нет (а чего ещё ради) –
Нет вам причин для полёта. Вот, мне бы
Облачка нежность почувствовать травкой
Или в грозу целиком окунуться,
Смыть все окурки и мусор под лавкой –
Может, и юность смогла бы вернуться.
Вдруг бы открылось второе дыханье,
Стал бы похож я на парк или садик,
Радовал мам бы, но утренней ранью
Должен терпеть толстых “тётек и дядек”.
Мне бы смотреть только в детские глазки,
Мне бы сушить для них горы пелёнок...
Вот, наконец-то, и мама с коляской –
Это единственный в доме ребенок…
Что же стряслось с моим маленьким миром,
Что и когда его сделало диким?
И почему раньше в новых квартирах
Слышался смех, а не пьяные крики?
Было веселья у нас – выше крыши:
Дети и взрослые вместе гуляли...
Выросли все, и теперь от них слышу,
Где и кому, и за что “наваляли”…
Старенький двор просыпается рано...

ОЖИДАНИЕ

Все три месяца зря
Я прождал, но не встретились мы.
А в конце ноября
Всё сильнее дыханье зимы,
Всё слышнее дыхание вьюг,
Но тебе я не раз

Говорил, что хочу не на юг,
А на дно твоих глаз.

Я уже в них тонул,
Но прибой меня вынес на мель.
Я бы глубже нырнул,
Отыскал бы твой тайный тоннель.
Я бы частью души твоей стал
И дышал в унисон,
Я бы в ухо любовь нашептал,
А не в злой телефон.

Я звонил, но гудки
Говорили, что занята ты.
Может, там проводки
Перессорились до хрипоты –
Заставляет прижаться к стене
Их отрывистый лай.
Я тоскую, и холодно мне,
Хоть тепла пожелай.

Все три месяца зря
Я прождал, но не встретились мы.
А в конце ноября
Всё сильнее дыханье зимы,
Всё больнее мне, но не кричу –
Боль терпел я не раз,
И, как прежде, измерить хочу
Глубину твоих глаз.

ХЛЕБ ДЕТСТВА

Что-то серое нынче и грустное небо,
Настроение – вспомнить, как в детстве порой
Ты попросишь у мамки горячего хлеба,
И – бегом "добегать" со своей детворой.

А потом – по гостям – по дворам – по оврагам,
Как бы ни были наши дома далеки,
И уже не один ты, а всею ватагой
Уплетаете "чудо" за обе щеки.

Улыбаются нам всюду встречные дяди,
Наблюдая, как мы своей грязной рукой
Мякиш – в рот и жуем, на приличья не глядя:
Ну, откуда им знать, что он вкусный такой!

Я давно не встречаю "бригады" чумазой,
С наслаждением мнущей в руках аромат,
Аромат нашей жизни – той жизненной фазы,
Не вернуть никогда нам которой назад…

Повзрослели друзья, стол имеют богатый,
Перешли все давно на насущный свой хлеб,
Но не тот он, конечно, каким был когда-то,
Да и способ еды его тоже нелеп.

Пригласить бы друзей, рассадить, как попало,
Да из печки достать бы, включив яркий свет,
Хлеб, которого было всегда нам так мало,
Босоногого нашего детства "привет".

Налетайте, родимые, рвите руками,
Превратитесь на час в бесшабашную рать,
Вы забыли давно, как бывало, мы с вами
Ни штанов, ни рубах не боялись марать…

Что-то капнуло вдруг, посмотрел я на небо,
А оттуда мне тучи тревожно кричат:
– Ах, ты, старый дурак, не видать тебе хлеба,
Забирать уже нужно из сада внучат!

ИНГА ВИНАРСКАЯ

Родилась 7 октября 1971 года в Бресте. Окончила филологический факультет Брестского государственного университета по специальности “преподаватель русского языка и литературы и белорусского языка и литературы” в 1994 году. Поэтесса, переводчица, прозаик, публицист. Пишет на русском и белорусском языках. Переводит стихи и прозу с белорусского, польского, французского языков. Стихи и переводы И. Винарской печатались в “ЛіМе”, “Нёмане” (Минск) и в других журналах и газетах, переводы – в журналах “Дружба народов”, “Наш современник” (Москва). Автор пяти книг поэзии: “Вариации на тему любви” (1996), “Превращение в лирику” (1998), “Цветá пламени” (1999), “Через огонь” (2000), “Ночные поезда” (2011). Автор серии книг о предприятиях Беларуси. Член Союза писателей с 2004 года. В настоящее время занимается литературно-издательской деятельностью. Живёт в Минске.

***

Не мы распределяем роли –
Там это делают за нас,
Где вечный свет, где боль без боли,
Где день, как миг, а год, как час.

Казались радужными выси
Покоя, радости в тот раз!
Надежды факелы зажглись, и –
Все для других, а мой погас…

Да, мне опять платить сурово
За вдохновение мечты,
Бежать, оправдываться – снова…
Но слог – в объятьях высоты!

***

Этот запах, едва уловимый,
От безумья рожденных грехов…
И реальное кажется мнимым
За прозрачной вуалью стихов.

Вновь вернулась. Какая удача!?
Снова юной иль старой совсем?
Но не слышно унылого плача
Под колёсами пройденных тем.

Я не помню тех прожитых вёсен,
Что прошли без любви и без строк…
За окошком бессонница-осень,
И трепещет последний листок.

***

Возможно, ты придумала всё это
И ничего на самом деле нет…
Лети, воображение поэта,
Как мотылёк летит на яркий свет.

Пускай ты даже крылышки опáлишь
О прозы жизни адовый огонь.
– Эй, мотылек! Ты жив? – Чуть-чуть, едва лишь…
И – горстка пепла к Богу на ладонь.

Но мысль уже готовит новый кокон –
Явится миру новый мотылёк.
И он умрёт… И ликовать у окон
Тот будет, кто беспечен и жесток.

***

Вновь размышляла о любви,
О вечной разнице во взглядах,
О том, что серы стали дни,
О моде, о деньгах, нарядах.

Перо точила не одно,
Чтобы на подвиги пуститься,
И белое пила вино,
Пытаясь хоть на миг забыться.

Но агрессивен пьяный мозг,
И память он стегает плёткой:
Она бежит, потоки слёз
Уже стекают на бархотку…

О, искажённые черты,
В крови, в остатках макияжа!
Эх, память… Пей со мной и ты…
Молчи! Умрёт, кто правду скажет!

***

В моей комнате вечная осень,
Золотая пора листопадов –
Не наступит зима где-то в восемь
От холодных, недружеских взглядов.

В мою комнату входят поэты,
Разноликие дети столетий,
Мне свои они шепчут секреты
При неярком, мерцающем свете.

А потом незаметно уходят,
Растворяются в синих просторах,
Только ветер задумчивый бродит
В тонких шёлковых палевых шторах.

Терпко пахнет букет позабытый:
Все в дожде, как в слезах, хризантемы…
Что осталось от жизни разбитой?
Слог, лишь слог, отражения, темы…

***

Мои рассветы и твои закаты,
Моя весёлость и твоя печаль…
Мы оба бесконечно виноваты,
И оба правы… Как мне жаль, как жаль…

Не развязать хитросплетённый узел,
Не разрубить, не выбросить к чертям.
О, если б мог, мою бы жизнь ты сузил,
Как юбку-клёш, – в прямую – по бокам!

Как быстро набирает ход столетье –
Летит курьерский, точно зная путь.
А мы с тобой, как маленькие дети…
– Мы повзрослеем? – Да, когда-нибудь…

***

Устремляется век в бесконечность,
И Вселенная робко дрожит.
Боже правый, какая беспечность –
В старом доме вставлять витражи!

Разноцветные стёкла – знамёна
На флагштоках моих кораблей.
Я смотрю на них взглядом влюбленным,
Исчезая на грешной земле.

Что же дальше? Звезда Магомета
И гаремной наложницы роль?
О, судьба моя, радуга света!
В этой роли – я? Нет уж, уволь.

Я хочу просто жить, чтобы руки
Были вольными, мысли, глаза…
Чтоб души моей странные звуки
В новых строчках могла рассказать.

***

Ворох роз, три зажжённых свечи.
Успокой же меня, не молчи.
Хитро-искоса так не смотри,
Говори что-нибудь, говори…
Торопись: уже скоро рассвет
Из окошка шепнет нам: “Привет,” –
И тогда волшебство пропадёт,
И безмолвными станут семь нот.
А сейчас, как водою весна,
Ночь мечтами о счастье полна…
Я пьяна, я люблю, я горю,
Но рождает уж небо зарю…

***

Распахнулись желанные дали –
Оказалась земля так далёко:

Мы с тобою, шутя, рассуждали
О прекрасном, о вечном, высоком.

Ты любил – я лгала тебе тонко.
Ты горел, ты метал в меня стрелы.
Хохотала я, гордая, звонко:
Нет, как ты, я гореть не хотела.

– Милый мой, понимаешь, лишь пепел
Мы получим с тобою в итоге.
Пусть ты будешь свободен и светел –
Не для смерти две наши дороги!

Пусть я буду весеннею птицей,
Белой вестницей, жрицей искусства!
И сегодня нам надо проститься,
Чтобы завтра не стало нам грустно.

***

Фарфоровая девочка-судьба
Танцует под крикливый звук шарманки –
Так пропитанья ищет спозаранку,
Стремится в путь – на вольные хлеба.

Да кто ж ей даст сорваться в этот путь?
И кто оценит красоту стремлений?
Как хочется хоть раз на мир взглянуть,
Где не было бы зависти и лени!

***

Не поймут, не услышат – и всё же, и всё же
Снова чувствую жизнь каждой клеточкой кожи.

И до смерти ещё далеко, и ещё я дышу глубоко.
Снова выпить немного, немного, немного…
И откроется к счастью прямая дорога.
Как же мир мне принять нелегко – до него далеко, далеко…

***

Там тикают часы. Там нет меня.
Там скорбь сменяет часового в полночь.
Там жизни нет, и нет уже огня,
И нет любви, чтоб ею день наполнить…

***

И дом чужой, и сад, и люди,
И мама утром не разбудит…
Так вот, что значит “никогда”,
Так вот, что значит “навсегда”!
Года, года, летят года…

А круг почти уже начертан,
И с совестью конфликт исчерпан.
О, жизни правда не нова:
Была бы целой голова!
Слова, слова, опять слова…

***

Дождевая палевая слабость.
Утро бродит клочьями тумана.
В сладостном плену самообмана
Я живу. Должно быть, в нём состарюсь.

Деревом повеет вдруг из детства.
Кто опилки по земле рассыпал?
Кто любил? Кто ненавидел? Выпал
Первый снег. И никуда не деться.

Тошно. В глубине саднит тревога.
Клавиши укрыты сном и мехом.
Мне б исчезнуть вместе с первым снегом,
Но упрямо катится дорога.

***

Когда-нибудь: не здесь и не теперь –
В другой стране, в другой, быть может, жизни…
Должно быть, стану я ещё капризней –
Иль веселей? В захлопнутую дверь

Не буду так отчаянно стучать –
“Нет” значит “нет”. Не стоит, право, дальше.
Одно лишь знаю: никогда я фальши
Ни в чём вовеки не смогу принять.

***

И стало холодно и больно,
Ведь снова всё пошло ко дну…
Вновь заблуждалась я – невольно,
Наверно, глядя на Луну,

В её магические кольца…
Как хочется хоть раз дерзнуть
И стать на миг подобной Солнцу,
И осветить всем сирым путь,

Как смелый Данко, вырвав сердце!
Да вот зачем? Растопчут ведь.
В кольчугу, разве что, одеться,
В железокаменную твердь?

И никого не слушать больше,
Навек закрыть души окно,
Кутить в России, в Штатах, в Польше,
Жить, умереть – да, всё равно…

***

Прорыдаться в дорожной гостинице…
Глупо: сколько ни выплачешь слёз,
Ничего в домострое не сдвинется
Никогда – ни шутя, ни всерьёз.

Это всё-таки так по-писательски:
Грязь обоев, консьерж у дверей…
И хохочет судьба издевательски
Над свободой избитой моей.

Сколько можно? И надо ли, надо ли?
Достоевский и Чехов молчат…
Сквозь века я любуюсь их взглядами.
Полночь смотрит в меня аккурат.

***

Так хорошо, свободно и легко
Бывает только в снах и в раннем детстве,
Когда боль с ложью не живут в соседстве,
Когда они от дома далеко.

И хочется воскликнуть: “Счастье, ты?!”
Застыть от ощущения полёта,
Вдруг сбросив иго давнишнего гнета,
Примерив крылья лёгкие мечты.

Всю жизнь отдать за несколько часов:
Цветут сады в стране моей унылой.
Ещё вчера она была постылой –
Сегодня в ней весенний бал цветов!

***

Я мчусь в закат и опоздать пытаюсь
К концу, что неизбежен и жесток.
Вновь каюсь, я грешу и снова каюсь,
Продлить отпущенный пытаясь срок.

Вновь жажду и побед, и поражений,
Огня, страстей, ошибок – может быть.
Во мне живет военный дух сражений,
И я не стану по теченью плыть!

Нет, я не стану прятаться и плакать
От страха, боли, от былых обид…
Я прочь спешу. И мчусь в лучи заката,
За что, надеюсь, Бог меня простит.

ВАЛЯНЦІН ВРУБЛЕЎСКІ

Нарадзіўся 6 жніўня 1931 года ў вёсцы Крычнікі Юрацішскай гміны Валожынскага павета Навагрудскага ваяводства Польшчы ў сялянскай сям'і. Быў пастушком. У школу з польскай мовай навучання пайшоў у 1938 годзе. Чатыры класы закончыў у 1945 годзе. Хадзіў у пяты клас Ляпешскай сямігодкі. Аднавіў навучанне толькі ў 1948 годзе ў Эйгердоўскай сямігодцы, якую закончыў у 1950 годзе, а Юрацішскую СШ – у 1953 г. Вучыўся ў Мінскім інстытуце народнай гаспадаркі (стацыянарна), а завочна ў 1961 г. атрымаў дыплом Белдзяржуніверсітэта па спецыяльнасці "настаўнік геаграфіі сярэдняй школы". Працаваў настаўнікам і дырэктарам у Круплянскай сямігодцы, Малабараўскай, Бараўскай СШ, Юрацішскай СШ. Стаж 40 год. Выдатнік народнай асветы. Узнагароджаны Ганаровай граматай БССР, медалямі. Даўно займаецца краязнаўствам. Надрукаваў гісторыю Іўя, родных Крычнікаў, Юрацішак і Юрацішскай школы, тапаніміку Іўеўшчыны і гісторыю яе буйных пасяленняў (Бакшты, Геранёны, Лаздуны, Лелюкі, Ліпнішкі, Морына, Суботнікі, Трабы, Эйгерды і інш.), многа нарысаў пра людзей свайго краю. Аўтар кніг: "Іве – Юрацішкі" (2010 г.), "Гісторыя школы і анамастыка" (2011 г.), "Великий дух Беларуси" (2012 г.).

КАХАННЕ ЕЎРАПЕЙСКАГА КШТАЛТУ, ЦІ БАРБАРА І КАРОЛЬ

Ва ўсім адну распусту бачыць Кракаў.
О, як далася ім Барбара ў знакі!
Барбара... Божа, адхілі замах
На ўсё, што ў сэрцы стала непарыўным.
Згубіць яе... цяпер падумаць страх!
Я ўвесь агнём захоплены прызыўным,
Мне да начы дажыць хапіла б сілы,
На ёй самкнуліся і зрок, і слых...
Раіса Баравікова.
(З маналога Жыгімонта Аўгуста).

Мала ёсць жанчын у свеце, апетых праўдай і легендамі, як наша далёкая зямлячка Барбара Радзівіл, каралева Польшчы. І сапраўды, ад любові да жанчыны нарадзілася ўсё прыгожае на свеце, а таму вышыня культуры вызначаецца адносінамі да жанчыны, – так вельмі трапна паўтараў М. Горкі, справядлівасць слоў якога я хачу даказаць у гэтым нарысе.

Радавод Радзівілаў вядомы з 14 ст., а ў 15 ст. ён стаў самым ўладным і магутным на абшарах ВКЛ. У 1528 г. Радзівілы мелі 70 тыс. падуладных сялян. Бацька Барбары Юры займаў высокія пасады ў дзяржаве: ваяводы, кашталяна, гетмана. Барбара з яго траіх дзяцей была малодшай і на свет з'явілася паміж 1520-1523 гг. у набожных бацькоў. Але іх дзеці і пляменнікі мала часу і ўвагі ўдзялялі рэлігіі. Барбара была вельмі прывязанай да свайго брата Мікалая і вельмі баялася гневу свайго бацькі. Задушэўнымі былі адносіны ў дзяцей з маці. Яны раслі вольнымі, без усялякіх абмежаванняў у дзеяннях. Хадзіла шмат плётак (а магчыма, і рэалій), што Барбара да шлюбу мела каханых, як і яе незамужняя сястра Ганна, а таксама і іх маці, якая не захоўвала вернасці свайму мужу.

Калі Юры Радзівіл да скону свайго не выдаў замуж сваю старэйшую дачку Ганну, то Барбара пры многіх складанасцях і зусім маладзенькай 17 мая 1537 г. стала жонкай навагрудскага (пазней трокскага) ваяводы Станіслава Гаштольда (яму было 30 год), які меў сваяцкія карані з князямі Гальшанскімі і Ягайлам. Па багаццю род Гаштольдаў супернічаў з Радзівіламі і знаходзіўся ў непрыязненых адносінах да нясвіжскіх князёў. Ды на пэўны час наступіла прымірэнне.

Вяселле адбылося ў радавой сядзібе Гаштольдаў, Геранёнах, у будынку ўласнага замка, які месціўся на невялікім пагорку. Шлюбаванне праходзіла ў тутэйшым касцёле святога Мікалая, пабудаваным бацькам Станіслава, Альбрэхтам Гаштольдам, яшчэ ў 1519 г. Бацька Барбары даў ёй у пасаг 8000 коп літоўскіх грошай. Муж падараваў ёй замак Сідараў з памежнымі землямі і пасяленнямі сялян. На вяселлі прысутнічалі замежныя паслы і знакамітыя госці. Такога Геранёны яшчэ не бачылі. Падарункі бацькоў Барбары прывезлі на двух вялізных вазах, у якіх былі запрэжаны белыя коні – старажытная прыкмета шчасця. У першай запрэжцы знаходзілася шэсць коней, у другой – чатыры.

Ды ўсё ж шлюб не стаў шчаслівым, бо, як тады гаварылі, “пані ваяводы хутка знайшла сабе прыяцеляў, якія замянілі ёй мужа”. Падставы для гаворак былі. Станіслаў аказаўся бяздзетным і апошнім у сваім родзе, і сам не быў верным у адносінах да жонкі. Да таго ж, ён быў поўнасцю залежным ад свайго бацькі, што азмрочвала вольналюбівую і ганарлівую жонку. А таму “вялікая распусніца Літвы”, як і яе абраннік, займаліся амурнымі справамі.

У снежні 1542 г. Станіслаў раптоўна памёр, не пакінуўшы нашчадкаў. Згодна літоўскага права, землі і маёмасць Гаштольдаў перайшлі да Вялікага князя Жыгімонта Старога, які ў 1543 г. Геранёны падараваў свайму сыну Жыгімонту ІІ Аўгусту. Але яшчэ жыла Сафія (з багацейшых князёў Вярэйскіх), жонка Альбрэхта, за якой да канца жыцця Жыгімонт і пакінуў усю спадчыну мужа.

Дваццацігадовая ўдава Барбара некаторы час жыла са сваёй маці у Геранёнах. Як піша даследчык Эдвард Рудзкі, “гэты перыяд жыцця Радзівілянкі адзначаны шматлікімі любоўнымі прыгодамі”. У чалавеку закладзена вечнае імкненне да кахання, якое не мае межаў і дае паварот любому лёсу, дае прабачэнне ўсіх грахоў і выклікае жаданне жыць і працаваць.

У 1544 г. адмовіўся ад улады Жыгімонт Стары на карысць сына Жыгімонта ІІ Аўгуста, якому гісторыя наканавала быць апошнім са слыннай дынастыі Ягелонаў. Ён пакінуў вялікі след у нашым краі, бо стаў выдатным дзяржаўным дзеячам, выхаваным на антычнай і рэнесансавай культуры, неапалітанскім гуманізме (маці родам з Італіі). Большую частку свядомага жыцця ён правёў у Вільні. Пры ім быў распрацаваны і прыняты ў 1566 г. другі варыянт статута ВКЛ, праведзена аграрная (валочная) рэформа, вялася настойлівая праца па стварэнню цывілізаванай дзяржавы, недапушчэнню рэлігійных канфліктаў і войнаў.

Яшчэ ў кастрычніку 1543 г. хутка пасля шлюбу з Альжбетай Аўстрыячкай Жыгімонт ІІ Аўгуст наведаў Геранёны, каб вырашыць спадчыну Гаштольдаў. З тае пары пачалося цеснае збліжэнне паміж Барбарай і яе будучым мужам, якога яна сустрэла вельмі ветліва. Вольная ў сваіх звычках і паводзінах, вясёлая і жыццелюбівая, яна адразу прыйшлася даспадобы будучаму каралю Польшчы і Вялікаму князю ВКЛ. Барбара мела рост 160 см, светлыя валасы і моцныя белыя зубы, дасканалыя прапорцыі цела, прывабнае аблічча, цёмныя чароўныя вялікія вочы, слодыч позіркаў і пластычнасць рухаў...

У 1547 г. малады і да таго часу ўжо ўдавец, кароль зноў прыехаў у Геранёны, як у сваё ўладанне. Ён меў намер прабыць тут пару дзён, а затрымаўся на паўмесяца. Прычынай была Барбара. Раман пачаўся адразу ж з вялікай прыцягальнай і ўзаемнай сілай. І ў гэтым нічога дзіўнага няма. Як сцвярджае даследчык З. Куховіч у кнізе “Барбара Радзівіл”, княгіня мела слабасць да мужчын, а малады ўдавец меў не толькі прывабную знешнасць, але і добрую дасведчанасць у спакушэнні жанчын з патаемным характарам. Валодаў нямецкай, італьянскай і лацінскай мовамі. Па адукацыі і выхаванні ён быў нават вышэй магнацка-шляхецкіх родаў сваёй краіны. Любіў гулі і паляванне. Адным словам, цяжка было знайсці больш прывабнага каханка. Барабара адразу ацаніла яго і пусціла ў ход свае чары.

Жыгімонт быў зачараваны і моцна закаханы. Моцна любіць – значыць, забыць пра сябе (Ж.-Ж. Русо), пра сваю каралеўскую вялікасць. Барбару вінавацілі ў “нячыстай сіле” яе чараў. Але ж яна была ў стылі свайго каханка, мела аднолькавыя прыхільнасці. Закаханыя цікавіліся палітыкай, справамі дзяржавы і дынастычнымі клопатамі сваіх сем’яў. Цешыліся здароўем, багаццем, цанілі вясёлае, бестурботнае жыццё. У 1546 г., напрыклад, Жыгімонт на паляванні бавіў 223 дні ў пушчах ВКЛ. Вялікая колькасць бочак з засоленым мясам зуброў, ласёў, тураў, дзікоў адпраўлялася ў Польшчу для войска. Дзеля забаў Барбары былі закуплены лебедзі (птушкі кахання), якіх пасялілі на востраве ў Вільні. Ладзіліся атракцыёны з удзелам навучаных мядзведзяў, ільвоў, вярблюдаў...

Радзівілаўскі замак у Вільні стаяў побач з каралеўскім і вялікакняжацкім, дзе жыў Барбарын абраннік. Хроніка аб гэтым піша так: “А кароль пачаў хадзіць да яе па начах, загадаў зрабіць сабе пераход ад свайго замка да яе двара, а бываў у яе часта, і было аб тым чуваць па ўсёй польскай і літоўскай зямлі”. То было каханне еўрапейскага кшталту, моцнае і непахіснае.

У 19 ст. асобныя гісторыкі ідэалізавалі адносіны каханых, паказвалі іх толькі ў квітнеючым садзе і пры ўдзеле маці Барбары. Паводле меркавання З. Каховіча, маці не толькі не перашкаджала закаханым, а нават спрабавала прываражыць прываротным зеллем

караля да сваёй дачкі. Безумоўна, былі і сустрэчы ў квітнеючых садах, і пранікнёныя словы, але ўсё гэта з’яўлялася толькі аздобай для інтымных дзеянняў. Раман караля і “вясёлай удавы” перарос у вялікае чуллівае каханне. Яны разумелі, што створаны адзін для аднаго.

Спачатку яны не марылі аб шлюбе. Жыгімонт разумеў, што сувязь з каханай, якая не належала ні да аднаго каралеўскага двара, была “ліцвінкай” і да таго ж мела дрэнную рэпутацыю, выкліча гнеў родзічаў і непаразуменні. Жыгімонт успрымаў яе толькі як жанчыну, якой ён патрэбны сам, а не яго тытул. Паслухмяная і пакорлівая Барбара не ставіла ніякіх умоў, ведала, што паслухмянасць і падатлівасць – найлепшыя сродкі прывязаць да сябе караля.

За Барбарай стаяў магутны ў ВКЛ род Радзівілаў. Мікалай Чорны (Нясвіжскі князь) і Мікалай Руды (знакаміты стратэг) успрымалі адносіны паміж закаханымі інакш, чым іх прыгажуня-сястра. Хутка яны зразумелі, што пад уплывам плётак і, ў сувязі з распаўсюджваннем чутак аб гэтым каханні па ўсёй Еўропе, кароль павінен будзе спыніць гэту сувязь. Таму калі аднойчы яны засталі караля ў спальні сястры, то прымусілі яго ажаніцца з ёю.

Да таго ж Барбары здалося, ўто яна чакае дзіця. Надзея мець нашчадка падагнала караля, які паспяшаўся пашлюбавацца з Барбарай. Хронікі казалі аб гэтым так: “Кароль абяцаў Радзівілам не хадзіць да яе, і доўга трымаў сваё слова. Потым ён не змог процістаяць прыроднаму гарачаму поклічу крыві і пайшоў да яе ноччу. А Радзівілы гэта падпільнавалі, з’явіліся перад ім і сказалі: “Міласцівы кароль! Кляўся ніколі не прыходзіць да нашай сястры, чаму ж тут знаходзішся?” А кароль на гэта: “А хто ведае, што не прынясе мой прыход да вашай сястры павелічэнне вашай славы, панавання і маёмасці вашай?” Яны адказалі: “Дай гэта Бог!” І адразу паклікалі клябана, які быў на такі выпадак падрыхтаваны, і павянчалі караля з Барбарай патаемна – так, што з членаў Рады (духавенства і свецкіх) ніхто не ведаў аб гэтым шлюбе, за выключэннем Радзівілаў, ксяндза і прыязнага ім Кічкайлы. Падзея адбылася паміж 28 ліпеня – 5 жніўня 1547 г. Жыгімонту было 27 гадоў, Барбары – 24 (ці таксама 27). Многія лічаць, што шлюб адбыўся не ў Вільні, а ў правінцыйных Геранёнах.

Калі аб шлюбе стала вядома ў шырокіх колах, паднялася цэлая бура. Састарэлы Жыгімонт Стары выклікаў сына да сябе ў Кракаў.

Размова паміж імі невядомая, але пасля сустрэчы кароль выйшаў радасным і аб шлюбе больш не гаварыў. І ў бацькі, і ў сына цякла кроў Вялікага князя-ліцвіна Ягайлы. Стары Жыгімонт, жыццё якога згасла 1 красавіка 1548 г., не мог варожа паставіцца да Барбары. Малады кароль Жыгімонт II Аўгуст зрабіўся поўным уладаром вялікай і магутнай еўрапейскай дзяржавы.

Барбара прыехала ў Кракаў толькі 13 лютага 1549 г. Вялікіх намаганняў каштавала мужу яе каранаваць, бо супраць выступала свякруха Бона. І, тым не менш, каранацыя адбылася 7 снежня 1550 г. Была яна пышнай, з удзелам каралёў, князёў і іншых прадстаўнікоў Еўропы. Гэта быў апошні радасны дзень ў жыцці Барбары. Цяжкая хвароба туліла яе да ложка, і аднойчы яна турботна прамовіла: “Да другой кароны мяне нябесны кароль кліча...” 8 мая 1551 г. яе не стала. У маналог Жыгімонта Раіса Баравікова ўклала наступныя словы:

Хто чуе голас твой прызыўны?
Хілю ў жалобе чорнай галаву...
Даруй, калі я ў нечым, можа, вінны.
З Літвы прывёз і павязу ў Літву.

Згодна з воляй Барбары, яе пахавлі ў Вільні каля касцёла святога Станіслава побач з першай жонкай Жыгімонта Альжбетай. З Кракава да Вільні за труной ехаў яе муж, які ў кожным населеным пункце ішоў пешшу, не абмінаў лужын і балотаў. Хадзілі чуткі, што Барбара памерла ад хвароб унутраных органаў. Але найбольш верагодна, што маладую прыгажуню-каралеву атруцілі. Да нашых дзён дайшло прозвішча аптэкара Монці, які па заданню каралевы-маці Боны Сфорцы замест патрэбных лекаў прыгатаваў атруту, якая павольна звяла квітнеючую Барбару ў магілу.

ВЯЛІКІ ЗМАГАР ЗА НЕЗАЛЕЖНАСЦЬ БЕЛАРУСІ

“Сярод навукоўцаў апошнім часам не-не ды і пачынаюцца спрэчкі вакоя імя і месца ў айчыннай гісторыі спраў і здзяйсненняў Кастуся Каліноўскага. На наш погляд, дыскусіі надуманыя, а доказы, каб “развянчаць міф аб Каліноўскім”, шмат у чым сфальсікаваныя... Няма сумненняў, што Каліноўскі аддаў сваё жыццё за беларускую

нацыянальную справу...” (Анатоль Мяснікоў, дацэнт. “Усё ж ён герой”, “Беларуская думка” № 11 за 2008 г.)

Бязвусым 17-гадовым юнаком Кастусь стаў студэнтам юрыдычнага факультэта Маскоўскага ўніверсітэта, але праз паўгода перавёўся ў Пецярбургскі ўніверсітэт вывучаць юрыспрудэнцыю. У 1860 годзе паспяхова скончыў навучанне. У гэты час у Расійскай імперыі на палітычную арэну выйшла вялікая плеяда рэвалюцыянераў розных чыноў – М. Чарнышэўскі, А. Герцэн, М. Бакунін, М. Дабралюбаў...

Кастусь Каліноўскі быў добра знаёмы з іх творамі і ідэямі. Чытаў «Полярную звезду», «Современник», «Колокол». Асаблівай павагай карысталіся творы Вісарыёна Бялінскага і Мікалая Чарнышэўскага, паслядоўнікам якіх быў Сігізмунд Сеpакоўскі, які стварыў рэвалюцыйны гурток для перадавой моладзі Вільні. У гэтым гуртку ўдзел прымаў і К. Каліноўскі. Разам з рускімі сябрамі гурткоўцы абмяркоўвалі самыя балючыя праблемы: як пазбавіцца царскага самадзяржаўя і прыгоннага права. У 60-х гадах XIX ст. сярод расійскай моладзі было вельмі папулярным і ўплывовым рэвалюцыйнае таварыства “Зямля і воля”, у якім удзельнічаў адзін з самых надзейных і верных сяброў Каліноўскага С. Серакоўскі.

У такіх абставінах не магла не сфарміравацца няўрымслівая асоба змагара, прыродай надзеленага вялікім духам беларуса-патрыёта, адукаванейшага на той час маладога чалавека, які добра ведаў не толькі юрыдычную справу Расіі і Еўропы, але і гісторыю, культуру, мову і побыт свайго народа, які так жорстка прыгняталі чужая ўлада і мясцовыя багацеі.

Нарадзіўся Кастусь Каліноўскі ў сям’і дробнапаменснага двараніна 2 лютага 1838 года (па Грыгарыянскім календары) ў маёнтку Мастаўляны Гродзенскага павета, але дзесьці ў 1850 г. яго сям’я перабралася ў фальварак Якушоўка Ваўкавыскага павета. У 1855 г. Кастусь скончыў Свіслацкае павятовае вучылішча, у той час адзінае прагрэсіўнае на ўсю Гродзенскую губерню. Тут у свядомасці Кастуся быў закладзены трывалы падмурак рэвалюцыянера-змагара, вольнасць думак пра лёс любай Бацькаўшчыны.

17 лютага 1861 г. Каліноўскі стаў уладальнікам вельмі важнага дакумента – дыплома кандыдата права. Праз дзень, 19 лютага, цар Аляксандр II адмяніў прыгоннае права. Але гэтая аграрная рэформа

мела рабаўніцкі характар і таму выклікала магутную хвалю сялянскіх выступленняў, у тым ліку і ў Беларусі. Кастусь вяртаецца на Радзіму разам змагацца са сваімі землякамі. Пра гэта прафесар Іван Лушчыцкі і даследчык Вячаслаў Шалкевіч навукова абгрунтавана апавядаюць у сваіх працах, як і пісьменнік Алесь Якімовіч у дакументальнай кнізе “Кастусь Каліноўскі”, перакладзенай на рускую мову і выдадзенай масавым тыражом у Маскве ў 1976 годзе.

Царскія чыноўнікі добра ведалі погляды Каліноўскага і не прынялі яго на працу нідзе. “Сацыяльна-гістарычныя ўмовы жыцця сфарміравалі Каліноўскага як рэвалюцыянера-дэмакрата, патрыёта свайго народа”, – падкрэсліў І. Лушчыцкі. Пасяліўшыся ў бацькавай хаце, Кастусь пачаў ствараць рэвалюцыйны падпольны гурток. Першымі ў яго ўвайшлі афіцэр Валеры Врублеўскі і каморнікі-землямеры Ільдэфонс Мілевіч, Фелікс Ражанскі (ён жа вядомы беларускі паэт). У праграме дзейнасці гуртка значыліся звяржэнне самадзяржаўя, ліквідацыя прыгонніцтва, барацьба за нацыянальную незалежнасць Беларусі, канстытуцыйны і парламенцкі шлях яе развіцця. Як бачым, тыя мары збыліся ў наш час.

У 1861-1862 гадах Каліноўскі вёў вялікую прапагандысцкую работу, вандруючы па Гродзеншчыне. Ён быў упэўнены, што ў паўстанні рухаючай сілай павінны стаць сяляне, бо памешчыкі на гэта не здольныя. Летам 1862 года гурток Каліноўскага ўвайшоў у склад Віленскага Літоўска-Беларускага камітэта, які перайшоў на нелегальнае становішча. Галоўнай задачай камітэта разам з Цэнтральным нацыянальным камітэтам у Варшаве была падрыхтоўка да ўзброенага паўстання. Гэта быў шлях так званых “чырвоных”, якія ў большасці былі выхадцамі са шляхты, што абяцалі захаваць памешчыцкія землі, але пастунова выкупіць зямлю і перадаць яе сялянам. Таксама прадугледжвалася роўнасць правоў для шляхты і сялян, замена 25-гадовай рэкруцкай службы на 3-гадовую і ў сваім краі, аднаўленне дзейнасці ўніяцкай царквы.

Літоўскі камітэт на чале з Каліноўскім узяў курс на самастойнасць і роўныя правы Віленскага і Варшаўскага паўстанцкіх цэнтраў, перадачу сялянам усёй зямлі і пашырэнне сялянскай рэвалюцыі, ліквідацыю шляхты (“як гнілой і разбэшчанай касты”), за прадастаўленне Літве і Беларусі незалежнасці. Гэтага Цэнтральны нацыяналь-

ны камітэт у Варшаве не мог даравацъ Каліноўскаму і абвясціў сябе Часовым нацыянальным урадам на ўсёй тэрыторыі Рэчы Паспалітай, г. зн., і на землях Літвы і Беларусі. А ў сакавіку 1863 г. да паўстання, якое пачалося 22 студзеня, далучыліся многія буйныя памешчыкі і буржуі ("белыя"). Фактычна "белыя" і пачалі кіраваць паўстаннем. 11 сакавіка Часовы ўрад Літвы і Беларусі быў скасаваны і заменены Аддзелам правінцый Літвы. Каліноўскі пратэставаў пісьмова супраць дзеянняў "белых", як "здраднікаў рэвалюцыі". Але вымушаны быў пагадзіцца з пасадай гродзенскага ваяводскага камісара.

У кароткі час сакавіка-красавіка фарміраваліся паўстанцкія атрады: віцебскія, гродзенскія, магілёўскія і мінскія. Нягледзячы на мужнасць і стойкасць, паўстанцы цярпелі паражэнне ад рэгулярных расійскіх войскаў колькасцю больш чым у 100 тыс. чалавек пехацінцаў, кавалерыстаў з артылерыяй. Паўстанцы-касіянеры мелі мала нават звычайных паляўнічых ружжаў. Беларускія сяляне адмоўна ставіліся да кіраўніцтва "белых", справядліва ўзгадваючы новую ад іх кабалу і прыгон. Царская ўлада і праваслаўная царква гэтую думку шырока прапагандавалі сярод сялянства Беларусі і Літвы. Царскі ўрад аслабіў сялянскі прыгнёт – спыніў "часовую прывязанасць" сялян да памешчыкаў, перавёў іх на абавязковы выкуп, выдзеліўшы даволі значныя надзелы зямлі. А таму не варта здзіўляцца, што ў паўстанні на Беларусі ўдзельнічала ўсяго 18 працэнтаў сялян.

Змагара за незалежнасць Бацькаўшчыны, рэвалюцыянера-дэмакрата Кастуся Каліноўскага нельга аддзяліць ад пісьменніка, паэта, перакладчыка, пралагандыста і адраджэнца беларускай літаратурнай мовы. Ён быў стваральнікам і выдаўцом, пачынаючы з ліпеня 1862 года і да красавіка 1863 года, газеты "Мужыцкая праўда" – першай падпольнай газеты на беларускай мове. Сама назва гаварыла аб яе прызначэнні. У ёй змяшчаўся кліч дабівацца "не такой вольнасці, якую нам цар хоча даць, а такой, якую мы самі, мужыкі, паміж сабой зробім". Газета мела вялікі рэзананс і выклікала зацікаўленасць у падрыхтоўцы паўстання, псавала нервы ўладным чынам. Яе месца друкавання невядома і цяпер. Магчыма, у Белавежскім лесе. Самымі вернымі памочнікамі ў выданні "Мужыцкай праўды" былі паплечнікі і сябры Каліноўскага В. Врублеўскі і Ф. Ражанскі. Выйшла 7 нумароў газеты. Газета чыталася ў Беларусі, Літве, Польшчы і Латвіі. Крытыка

грамадска-палітычных спраў царызму, заклік да змагання за сацыяльнае і нацыянальнае вызваленне, да адзінства ўсіх людзей працы сталі сапраўдным падмуркам новай ідэалогіі. Тэкст газеты быў беларускамоўным, але на лацінцы з подпісам у канцы "Яська – гаспадар з-пад Вільні". Не ўстаноўлены даты выпуску кожнага нумара.

У "Мужыцкай праўдзе", а затым у "Лістах з-пад шыбеніцы" Каліноўскі абвяргаў міф пра цара-вызваліцеля, які прапагандавалі царква і рэакцыйны друк. Ён перасцярагаў, што ніколі наш народ не будзе вольным, пакуль над ім стаіць маскаль, г. зн., цар. Па Каліноўскаму свабода – гэта катэгорыя маральная, бо ўлада не павінна яго, народ, прыгнятаць, а дапамагаць у паляпшэнні жыцця і працы. І цяпер шырока вядомы дэвіз з "Мужыцкай праўды", дзе коратка, але з вялікім сэнсам сказана: "Не народ існуе для ўрада, а ўрад для народа". Газета была першай у бесцэнзурным друку Беларусі, а яе рэдактар і выдавец Кастусь Каліноўскі з'явіўся першым таленавітым прагрэсіўным журналістам і літаратурна-мастацкім дзеячом, на якога вельмі важны ўплыў зрабіў яго старэйшы сябар і калега Уладзіслаў Сыракомля (Кандратовіч). Каліноўскі пераклаў на беларускую мову вядомую патрыятычную песню "Яшчэ Польшча не згінула".

Адыходзячы ў нябыт, мудры і мужны Каліноўскі вучыў, што калі людзі не будуць свабоднымі, то "у нас нічога не будзе, не будзе праўды, багацця і ніякай навукі..." Адначасова ён быў перакананы, што будзе ў нас "вольнасць, якой не было нашым дзецям і бацькам!" Якія цудоўныя прарочыя словы!

У паўстанні прымалі ўдзел пісьменнікі Ф. Багушэвіч, А. Абуховіч, А. Вярыга-Дарэўскі, будучы генерал Парыжскай Камуны В. Врублеўскі, заснавальнік І Інтэрнацыянала ў рускай секцыі Антон Трусаў, грамадскі дзеяч і камандуючы паўстанцкімі атрадамі ў Віленскай губерні Мікалай Чарняк, дапамагаў паўстанцам В. Дунін-Марцінкевіч.

Кастусь Каліноўскі прыняў смерць халасцяком, але ў яго сэрцы засталася моцна каханая паплечніца Марыська Ямант, якая разам з сям'ёй падверглася рэпрэсіям. Наш герой цураўся фістулы тытулаваных і гучных слоў пра сябе. Калі пры чытанні прысуду назвалі Каліноўскага дваранінам, ён з гонарам адказаў: "У нас няма дваран, усе роўныя!" Каліноўскі пераЖыў свой тлен на вякі і на вякі застаўся ў сэрцы беларускага народа.

ІГАР ГРЫЦКОЎ

Нарадзіўся 7 верасня 1963 года в г/п Уваравічы Буда-Кашалёўскага раёна Гомельскай вобласці.

З 1981 по 1984 гг. служыў у пагранічных вайсках КДБ СССР. З 1984 па 2008 гг. служыў у органах унутраных спраў Рэспублікі Беларусь.

З 1990 па 1992 гг. – курсант Мінской сярэдняй спецыяльнай школы міліцыі МУС СССР імя М.Ф. Фрунзэ. У 1997 годзе скончыў Акадэмію МУС Рэспублікі Беларусь.

З 2008 года на пенсіі па выслузе гадоў.

Літаратурай захапляецца з юнацтва. Піша на беларускай і рускай мовах. Аўтар кнігі "Братья" (2012 год: проза).

ЧОРТАЎ ПАДАРУНАК

Аповесць

1.

Хораша слухаць бабуліны байкі, лежачы на гарачай печы ўзімку. Дух ад яе (печы), такі смачны і родны, нібыта ў раі. А аб царстве нябесным, пекле, Сатане і нячыстай сіле я даведаўся ў дзяцінстве як раз з бабуліных баек. Расказваючы штосьці жудаснае, яна заусёды хрысцілася, прыгаворваючы: "Не дай, Божа!"

Вось і цяпер бабка Настасся ў нейкай задумлівасці вядзе гаворку аб сваім дзяцінстве:

– Калісьці ў старыя гады ў нашых мясцінах (на Гомельшчыне) быў дзіўны векавы лес. Яго доўгі гушчар раскінуўся паміж рэчкамі Дняпро і Сож. У шырыню ён цягнуўся аж на польскі бок. А калі ў далечыню пайсці, як Дняпро цячэ, дык няма яму краю. За мяжу, да Чарнігава і аж да самога Кіева цягнецца. Шмат людзей знікла ў тым лесе.

Крыху памаўчаўшы, бабуля прамовіла:

– Хатка нашая стаяла на ўскрайку леса, па дарозе дванаццаць кіламетраў ад мястэчка. А дарога тая, як пасля дажджу ці веснавой распуціцы, – не прайсці. З левага боку ад яе – велізарны луг, далей ён пераходзіць у заліўныя мясціны, а потым – у непрахадное балота. Дзе заканчваецца гэтае балота, ніхто не ведае. Няма туды ходу нікому. Як хто пойдзе – на пагібель. З правага боку ад дорогі – таксама

поле, якое пераразае стары і крывы роў, паросшы лазняком. Ля самага лесу – глыбокія кар'еры-глінішча. Там калісьці бралі гліну для цагельнага завода. Пагаворвалі, што ведзьмакі і ўсялякая нечысць аблюбавалі гэтыя мясціны.

Бабка зноў тройчы перахрысцілася, не забываючы прамовіць:

– Не дай, Божа!

Ціха і паступова яна працягвала:

– Тата наш Якаў, лесніком працаваў: усё ў лесе, ды ў лесе. Нас у маці было трое дзяцей: Варка старэйшая, Гардей сярэдні і я малодшая.

– Як толькі я падрасла, маці з паломнікамі ў горад Кіеў, да праваслаўных святынь падалася. Цэльны месяц пешшу ішлі. Старэйшая Варка ў той час была за гаспадыню. Яна запрыкмеціла, што карова дае мала малака, аб чым паведаміла бацьку, і той стаў прыглядацца. А аднойчы ўначы тата застаў гада, які прысмактаўся да вымя каровы і сцэжваў малако. Ён засёк змея, а з ранку закапаў, каб не бачылі дзеці.

На імгненне бабуля сціхла, корпаючыся ля акенца, потым, глыбока ўздыхнуўшы, прамовіла:

– Нядобры гэта знак.

І зноў сціхла, а потым дадала:

– Уратуй, Госпадзі!

Праз хвіліну яна працягвала далей:

– Маці прасіла тату, каб з'ехаць адтуль, з таго месца, дзе мы жылі ля лесу. І трэба было падавацца да людзей, да сваякоў, а яму (тату) было добра ў гэтай самапабудаванай і абжытай хаце. Казаў, што сваімі рукамі перабіраў кожнае дрэва, калі будавалі. Надзіраў мокры мох і вазамі вазіў, а потым сушыў яго.

Гаворка яе раптам сціхла, у гэты момант бабуля ў акулярах нешта шаптала, намагаючыся ўцягнуць нітку ў іголку.

2.

Ад добра напаленай печы мне пачало прыпякаць у паясніцу. Змяніўшы становішча, павярнуўшыся, я наладжваў месца, каб добра ляжалася. А яна, бабуля, раптам пачала, гэтак сама, як і спынілася:

– Памятую, як у нядзелю на Масленку (так яна і мясцовыя жыхары заусёды называлі свята Масленіцы) ранкам тата нас у мястэчка павёз.

Яна ціха і паслядоуна працягвала свае ўспаміны, нібы паказвала ўсё, як было ў жыцці. Зацікаўлена слухаючы яе, тым часам распа-

рыўшыся на пячы, я добра прадстауляў той час і падзеі, што адбыліся шмат год таму. У думках павольна ўзнікалі вобразы з мінуўшчыны.

Вось бачыцца, як зімовым ранкам у цёплую хату заходзіць у заінелым адзенні ляснік Якаў, бацька траіх дзетак: Варкі, Гардейкі і Настачкі. З ім разам з двара ўрываецца халоднае паветра. Ён паведамляе:

– Цяплей апранайцеся, зараз паедзем у мястэчка.

Узрадваныя дзеці, зрываючыся з месца, бягуць да свайго адзення, а потым скачуць на адным месцы. Бацькі абяцалі адсвяткаваць Масленку ў суседнім сяле.

Перад дарогай малыя выпіваюць па шклянцы парнога малака і пакідаюць цёплую, пахучую хату. Вось дзеці з маці ў санях на душыстым сене. Гаспадар клапоціцца ля кабылы, папраўляе хамут, збрую, потым выцірае холку кабылы і пагладжвае яе па спіне.

– Эх, якое добрае сена, як пахне, сам бы еў, ды Сіўцы патрэбна, – так заусёды прыгаворваў з жартам тата, – пераказвае яго словы бабуля, а мне нібы самому чуваць і бачна ўсё гэта, што адбывалася ў той час.

Вось бяжыць кабылка легкім трушком, толькі пар з ноздраў качае. Вакол снегу наваліла, што толькі на кані і можна дабрацца да мястэчка. Дзеці ад нецярпення, як шчанята, варушацца на сене, пад старым дедавым кажухом.

– Ну, вось і прыехалі, – гаворыць старэйшая Варвара (Варка), выглядаючы з-пад кажуха.

Следам за ёй паказваюцца галовы малодшых дзяцей. Далей кабылка пайшла крокам. І, нібы ведаючы шлях, напрасцяк пасунулася да базарнай плошчы. Яшчэ са скрыжавання дарог відаць: шмат народу, коней з санямі ля плошчы. Паставіўшы кабылку на пастой, гаспадар паслабіў жывёле хамут і падпругу, даў сенца і накінуў на яе пакрывала. Дзеці ўжо паўскоквалі з саней і бегаюць, размінаючы ногі. На плошчы шум і гоман, дзесьці ў канцы яе чуваць звонкі спеў гармоніка, пад які выконваюць, нібы спаборнічаючы, прыпеўкі. З другога канца плошчы таксама чуецца гармонік. На базарнай плошчы і ля яе, нібы ля мурашніку, снуюць людзі.

Ходзяць Якаў з жонкай і дзецьмі між гандлевых радоў, разглядаючы тавар, а дзеці забягаюць наперад і паказваюць бацькам на усялякія прысмакі. Тата купіў ім па ледзянцу на драўлянай палачцы.

Мясцовыя жыхары і прыезджыя з іншых хутароў і вёсак снуюць туды і сюды. Дзеці ніколі не бачылі такой мітусні, для іх тут усё ў дзіва. Вось яны затрымаліся ля самазробленнай каруселі. На кол, што ўбіты ў зямлю, прымацавана кола з воза, да якога прывязаны жэрдкі, а да іх прычэплены санкі. У тых санках весяляцца дзяўчата, а моладцы-хлапчукі раскручваюць іх па крузе.

– Прывітанне, кум! – чуецца голас, знаёмы для ўсёй сям'і лесніка. Лепшы таварыш Якава, які хрысціў яго дзетак, падрыхтаваўся да абдымкаў, падыходзячы з-за спіны. Ляснік пачаў з ім абдымацца, адчуўшы ад кума ўчарашні перагар.

– Чаго ж ты, Піліп, такі пьяненькі? – запытаўся Якаў.

– Вось скажу табе, куме, не паверыш, – адказвае Піліп і цягне Якава ў бок. – Вакол шмат нячыстай сілы. І тут яны, гэтая нечысць, таксама ёсць. Павер мне, праўду кажу.

– Ты што, кум, даўно п'еш? – пытаецца ляснік.

– З Раства, як сваімі вачыма ўсё ўбачыў.

– Ідзі праспіся, як бы гарачка не прыкінулася.

– Вось, як перад Усявышнім кажу, – і ён перахрысціўся. – Сам бачыў і ўсё чуў.

Якаў набраўся цярпення і, перамяніўшы выраз твару, стаў слухаць свайго суразмоўніка.

3.

– Дык вось, – пачаў свой расказ Піліп. – Перад Калядамі працаваў я на двары ў пана Ліпінскага. Пасля працы выпілі па дзве шклянкі гарэлкі. Пан разам з пані паехалі на станцыю да цягніка сустракаць дачку, якая вярталася з Ялты. Яна ў іх хворая на сухоты, кожны год да мора ездзіць. А мяне папрасілі лазню пратапіць. Я затапіў печ, нанасіў і нагрэў вады. А іх усё няма і няма. Прыехалі ўначы, дачку адправілі ў лазню, а самі пайшлі адпачываць. Пан даў мне рубель і запрасіў на кухню. Я павячэраў, выпіў за свята і здароўе пана Ліпінскага. Мне загадалі прыбрацца, калі паненка памыецца.

– Што за парадкі – у святы дзень, ды мыцца? – перабіў расказчыка Якаў.

– Іх свята Раства раней. Яны ж палякі, і каталіцкай веры. Дык вось, пакуль паненка парылася і ванны прымала, я на кухні вячэ-

раў, потым прысеў пасмаліць пад драбінай, дзе дровы. Прыдрамаў маласць. А да паненкі ўсё дзяўчынка бегала, гэтая, што за рэчкай жыве, – дачка Гусака. То квасу прынясе, то прасцінку белую, то люстэркі. А тады заціхла ўсё.

– Ды ведаю я яе і бацьку, – нецерпяліва заўважыў Якаў.

– Вось я і ўбачыў іх варажбу. Паслухай, не проста варажылі: стол скакаў, трэск у куце было чуваць, і ў трубе штосці выла.

– Як скакаў? Адкуль у лазні стол?

– Не ведаю, як. Не ведаю, адкуль стол. Мабыць, прынеслі, калі я драмаў.

– А ты яшчэ піў пасля вячэры? – спытаў падазрона Якаў.

– Потым яны мяне віном крымскім пачаставалі. Я як выпіў, зусім чэрці бачыліся.

– Табе патрэбна кінуць піць. Увесь тыдзень не прасыхаеш, – пачаў раіць сябру Якаў.

– Паслухай, Яша, яны ведзьмакі, яны такое выраблялі…

Але слухач махнуў рукой. Якаў з жонкай і дзецьмі хадзілі па базарнай плошчы, а следам за імі хадзіу з апухшым тварам кум Піліп і працягваў расказваць аб ведзьмаках і чорце, якога бачыў у садзе пана Ліпінскага.

– Ведаеш, кума, сам бачыў, нібы мужык, тады хлопец малады, і рогі ёсць. Ён усе да іх ліпне, просіць: “Зрабіце мне падарунак!” А яны ў яго пытаюца: “А ты нам які зробіш падарунак?”

– Голыя ў садзе плясалі, рукі ўсё ў гору – і смяюцца. Маладая паненка ў садзе нажом снег перарэзала, а тады сабакі так завылі!

Жонка Якава ўвесь час хрысцілася, прыгаворваючы: “Не дай, Божа, уратуй, маці Божая”. Якаў ужо даўно не слухаў баек кума, і каб пакончыць з гэтым, прапанаваў паехаць дадому.

– Запрашаю да мяне ў госці, – сказаў Піліп, – вось і дзеткі там пачастуюцца.

– Паедзем, – згадзіўся Якаў.

Свята Масленкі працягвалася, і было яно ў самым разгары. Ля плошчы гарэла некалькі вогнішчаў, у якіх палілі пудзілы ведьмакоў і лесуноў. Вакол вогнішчаў людзі вадзілі карагоды. Прыхільнікі эстафеты наперагонкі на конях ужо выстраіліся ў чаргу. А з розных канцоў плошчы было чуваць галасістае гучанне гармонікаў. Людзі віталі адзін аднаго, зазывалі да сябе ў госці.

Сонейка ўжо ўзыйшло над галавой і ззяе ва ўсю сваю моц. І людзі, і жывёлы адчуваюць яго цеплыню. Ёсць сярод людзей тыя, хто ўжо паздымалі шапкі. Яны, разагрэтыя цеплынёй сонца і прынятай гарэлкай, – самыя актыўныя на гэтым апошнім, яркім зімовым святе. Ва ўсім бачыцца хуткае набліжэнне вясны. Вось-вось не за гарамі і яна, надыходзячая, са сваімі халоднымі ранкамі, сонечнымі і прагрэтымі дзянькамі, гаманлівымі і хуткімі ручаямі і пералётнымі птушкамі.

4.

Так хораша задрамаў я на цёплай печцы пад паслядоўную гамонку, але шамаценне заслонкі ў печы вярнула мяне зноў у былое. Старая бабуля, шаргаючы па падлозе, адыходзіла ад печы, працягваючы расповед:

– Вясной, як толькі снег знік, вяртаўся тата з лесу і вырашыў выйсці на луг, а адтуль пакрочыць да дому. Ён добра ведаў лес і ўсе сцяжынкі ў ім. Але, выйшаўшы з лесу, ён трапіў на балота і, каб не ісці вакол, вырашыў пайсці напрамкі. Доўга хадзіў па балоце, шукаючы сцежкі, выбіраў арыенціры, спрабаваў выйсці па сонцы. Некалькі разоў правальваўся ў чорную і халодную ваду. Зусім апрытомнеў і прызнаў, што заблукаў, потым падняў уверх стрэльбу і стрэліў два разы. На ягоныя выстралы прыбег наш дваровы сабака, з дапамогай якога нібы надышло прасвятленне і знайшлася сцежка да дому.

– Мабыць, Сатана вадзіў яго па балоце? – сказаў я.

Бабка тры разы перахрысцілася, прашаптаўшы:

– Не дай, Божа, – і працягвала. – Тады мама зноў папрасіла бацьку: “Давай з’едзем адсюль, да людзей трэба падавацца”. Яна настаўляла яго, каб завучыў малітву і чытаў яе ў цяжкую хвіліну. Ён спрабаваў, аднак завучыў толькі некалькі радкоў з малітвы. Тады перапісаную малітву мама паклала ва ўнутраную кішэню камізэлькі таты.

Вось зноў перада мной адкрываецца “карцінка” з таго часу, пра які расказвае бабка Настасся:

–Ужо ўлетку, з раніцы збіраецца ляснік Якаў на службу ў аддаленыя раёны ляснога гаспадарства. Выводзіць са двара Сіўку, сядае вярхом і пускае яе крокам па лясной дарозе. Яшчэ ўсюды раса, з галінак звісае мокрае павуцінне, дзесьці наперадзе стракоча сарока. Увесь дзень ён правеў на дзялянках, адпускаючы будаўнічы лес, кантраляваў вываз на конях бочак са смалой, а потым падаўся на

дальнія хутары. Мясцовыя жыхары, яго памочнікі, берагуць лес, сабіраюць і пастаўляюць яловыя шышыкі, смалу, смаляную лучыну, ягады і грыбы. Толькі яны (мясцовыя жыхары) – яго надзея і апора на далёкіх лясных кардонах. Дзе пешшу, а дзе на кабылцы дабраўся ляснік да сваіх знаёмых на хутарах.

Прыйшоў час, ідуць гаспадар з кабылкай моўчкі па лясных дарогах, спяшаючыся дадому. Не разлічыўЯкаў час, пачало цямнець. Вырашыў тады ён скараціць дарогу і выйсці напрамкі з лесу. Вось выйшлі яны з Сіўкай да глінішча. Стаяць на ўскрайку леса, у яго цені, а перад імі глыбокія чорныя кар’еры, у якіх блішчыць вада. Зорнае неба над галавой, і яркае святло маладога месяца. Дзесьці далёка-далёка відаць маленькія агеньчыкі ў вясковых акенцах. А яму патрэбна мінаваць гэтыя кар’еры, і ўздоўж лесу – каля шасці кіламетраў да дома.

Вось Якаў, прытрымліваючы Сіўку за аброць, пачаў разам з ёй спускацца да кар’ера, але тая штосьці не пажадала ісці. Думаецца, што кабылка баіцца вышыні і не жадае спускацца ў цемень. Тады ён мацней дзерганув за павады і пацягнуў яе да сябе, але кабылка ўпёрлася ва ўсе капыты і захрыпела ў ноздры. Яна стала задзіраць галаву ўгару і касіць вачыма на гаспадара. Якаў павярнуўся да Сіўкі, падыйшоў бліжэй і пагладзіў яе па холцы. Кабылка ўся трэслася. У гэты момант з кар’ера пачуліся галасы. Якаў заціх і стаў выглядваць праз гушчар лазняка, якім парасло глінішча. Прабіраючыся бліжэй, каб нешта разгледзець, ён выпусціў павады з рукі. Кабылка так і засталася стаяць на сваім месцы. Якаў прасунуўся на пяць крокаў, убачыў вогнішча і, нібыта, чалавечыя цені.

Ён ужо хацеў выйсці з парасніку лазняка, як убачыў каля вогнішча аголеную жанчыну. Яшчэ там мітусіліся нейкія цені. Маладая, уся аголеная жанчына, у коле агеньчыкаў нажом спрабавала затушыць іх, пры гэтым штосьці гаворачы. Да яго данеслася:

– Я, Магда, заклінаю цябе, дух Асмадэй, імем айца нябеснаго паказацца мне ў выглядзе духа чалавечага. Калі ты не з’явішся, то не будзе табе ахвярапрынашэння ад мяне.

Ляснік дрэнна зразумеў яе далейшыя словы, аднак нешта ўсё ж пачуў і запамятаваў:

– Прыйдзі і здзейсні маю волю.

Жанчына падняла ў неба рукі, у левай руце блішчэў нож, якім яна гасіла агеньчыкі.

Па глінішчы прайшла лёгкая хваля ветру і, узмацніўшыся, рэзка перарасла ў буру. Пыл, лісце, галінкі, жмуткі травы віталі ў паветры. Да твара Якава данеслася сухая трава, якая нібы прыклеілася да яго. Ляснік мог разабраць асобныя словы:

– Ліпні да мяне, раб Асмадэй, да майго цела, да маіх ног, да маёй пажаднасці. Быць табе маім, а мне – тваёй у гэты момант і час.

Яна нажом загасіла апошні агенчык, падняла штосьці з-пад ног і пайшла да вогнішча. Там яе стала абціраць белай прасцінкай іншая маладая жанчына.

Якаў пазнаў іх, ён быў у вельмі спуджаным стане, і ў яго галаве пранеслася толькі адна думка: “Няўжо тое, што казаў Піліп, і ўсё гэта зараз – на самой справе... Дык што гэта, варажба?”

– Цяпер ты, – пачуўся яму жаночы голас.

Якаў стаяў, маўчаў і глядзеў. Ён не мог паверыць сваім вачам. Жанчыны, памяняўшыся месцамі, працягвалі, як па сцэнарыю, свае замовы, сваю варажбу. Якаў вярнуўся да Сіўкі, якая, панурыўшы галаву, стаяла, нібы сонная. Ён памацаў стрэльбу, падвязаную да сядла, і, аслабаніўшы шнурок, узяў стрэльбу ў рукі і ціха прашаптаў жывёліне ў вуха:

– Пайшлі, мілая.

Абыходзячы бокам тое месца, дзе адбываліся дзіуныя падзеі, Якаў напаследак азірнуўся.

Унізе кар’ера, у чорнай вадзе пляскаліся жанчыны з нейкім чалавекам.

“Адкуль ён? Хто гэта?” – бударажылі галаву лесніка думкі.

Якаў стаў хрысціцца, чытаючы малітву:

– Жыві ў дапамозе Усявышняга,
У крыві Бога Нябеснага адварыся,
Мовіць Гасподзь: Заступнік мой
І прыстанак мой, Бог мой,
І спадзяюся на Яго.

Рукой ляснік спрабаваў памацаць кішэню, дзе заусёды была малітва. І тут узгадаў, што яна ў кішэні камізэлькі, якая даўно вісіць у кладоўцы.

Ідучы да хаты, Якаў запрыкмеціў, што бура прайшла так жа хутка, як і ўзнялася. Увесь час у дарозе ён аглядваўся назад, асяняў сябе крыжом і шаптаў тыя радкі з малітвы, што памятаў. Ужо на падыхо-

дзе да хаты ён трохі супакоіўся, але думкі пра тое, што яму давялося ўбачыць, не пакідалі ягоную галаву.

5.

Прайшло лета, за ім восень, пачалася снежная і суровая зіма. Якаў з сям'ёй на Каляды затрымаліся ў мястэчку. Ён з жонкай апрануліся ў цыганоў, забрудзілі сажай твары. Пасавалі ім і дзеці: прыцямнілі воскам твары, намазалі сажай бровы, скачуць і спяваюць на цыганскі лад. Па чарзе завіталі яны да кума Піліпа. Пад акенцам яго хаты Варвара, Гардзей і маленькая Настачка запыталі ва ўвесь голас:

– Гаспадар, спяваць?

Вось яны заспявалі пад акенцам, паступова пераходзячы ў хату:

– Як у пана, пана, так і ў Піліпа
Свечачка стаяла, а хто ў той свечачкі?
Сам Гасподзь купаўся, у рызу апранаўся.
Святы вечар, добры вечар!
Святы вечар, добры вечар…

Дзяцей адцягнулі ад спеваў усялякімі прысмакамі. Пасля святочных прадстаўленняў усе расселіся за доўгім драўляным сталом. А на стале – салёныя гуркі, квашаная капуста, салёныя грыбкі, халадзец. З печы падалі боршч, бульбу, затушаных кур. Як толькі старэйшыя выпілі па чарцы гарэлкі, Піліп запытаў у Якава:

– Ці памятаеш, кум, як я ў пана на Каляды лазню тапіў?

Якаў паглядзеў яму ў вочы, затым у вочы сваёй жонцы і, праглынуўшы мякіш хлеба, які застраў у ягонай глотцы, ціха прамовіў:

– Ага.

– Дык вось, я ўсё думаў, які яны падарунак прасілі, аб чым размаўлялі. Яны ад яго, – Піліп падняў угору ўказальны палец і прадоўжыў, – дзіця прасілі.

– Як гэта, дзіця? – спытаў Якаў.

Дзяцей запрасілі пагуляць у другім пакоі, а кум Піліп працягваў:

– Зараз яны абедзьве цяжарныя: і паненка маладая, і дачка Гусака. А хто бацькам будзе, ніхто не ведае. Гэтыя Ліпінскія ўтойваюць усё, нікуды паненку не выпускаюць, гавораць, што яна ўсё хварэе.

Якаў слухаў і маўчаў, маўчаў і думаў. Успамінаючы той вечар, калі стаў нявольным сведкай таго, што выраблялі гэтыя жанчыны ў глінішчы. Аб сваім бачанні ён расказаў толькі жонцы Хрысціне.

Папрасіў яе зноў напісаць яму малітву, якая аберагае ад ворагаў і злога духу. Цяпер Якаў сядзеў і моўчкі слухаў, а рукой ціха нашчупваў у кішэні аркуш з запісамі малітвы.

У гэтым жа годзе ў канцы зімы памерла маладая паненка Ліпінская. Ніхто так і не пазнаў, ад чаго і на што яна хварэла. Пахавалі паненку Магду ў сямейным склепе, што на ўзгорку пры выездзе з мястэчка. Замуравалі склеп каменнай кладкай і прывалілі вялізарным чорным камнем, на якім штосьці напісана па-польску.

Прыйшла доўгачаканая квітнеючая вясна. Хутка сыйшоў снег, і паплылі па рэчцы крыгі. Пасля Вялікадня і Радуніцы зазелянела свежая трава. Больш за ўсіх рады цёпламу надвор'ю былі дзеці і птушкі. Іх звонкія галасы і гоман чуваць было ўвесь дзень.

Дваццацічатырохгадовая дачка мясцовага дядзькі па прозвішчы Гусак нарадзіла хлопчыка, якім была вельмі задаволена. Дарэчы, задаволена была толькі яна адна. Па мястэчку пайшлі чуткі, что яна і маладая паненка займаліся варажбой і мелі зносіны з нячыстай сілай. А з нараджэннем дзіцяці, якога ў народзе празвалі "чортаў падарунак", аднавяскоўцы адкрыта вялі размову пра гэта. Пайшлі чуткі пра "чортаў падарунак" далей і праз гады.

6.

Нейкі час пасля ўспамінаў бабулі ў пакоі захоўвалася цішыня, адчувалася шарганне яе стомленых ног у другім пакоі, бліжэй да кута, дзе заўсёды адбываюцца набажэнства.

Неўзабаве ўсё зноў з'яўляецца ў маіх думках, нібыта ў чароўнам сне. Яшчэ не стары, яшчэ моцны гаспадар Якаў, ягоныя азартна-гаманлівыя дзеці, аматар крэпкіх напояў Піліп, чароўная і важнецкая паненка Магда, дзяучына-прыслужніца – дачка Гусака з немаўляткам, якога па гавэндзе за вочы празвалі "чортаў падарунак".

– Сапрауды гэта было? – пытаюся ў сваёй бабулі праз нейкі час.

– А як жа, вось так і пражыў з гэтай мянушкай. Цяпер ужо пажылы. Бядуе і ўсё жыццё расплочваецца за грахі сваёй маці. Не дай, Божа, пазнацца з нячысцікамі. Грэх, вялікі грэх. За ўсё адказ трымаць перад Усявышнім.

І зноў вакол застаецца цішыня, толькі праз некалькі хвілін чуваць ціхі голас старой бабкі:

– Не дай, Божа…

ВЯЧЕСЛАВ ДАНИЛОВ

Родился 31 августа 1970 года в Минске. По образованию – бухгалтер. Пишет стихи с 16-ти лет. Участвовал в 11-ти коллективных сборниках, в том числе в "Антологии современной русской поэзии Беларуси". Состоит в редколлегии альманаха "Панядзелак", в котором ежегодно публикует свои произведения. Печатался во многих республиканских газетах и журналах, среди которых "Неман", "Немига Литературная" и др. Автор книги стихов "На ладонях тишины" (2008 год).

***

Я совершаю от уныния побег.
А новый день уже вступил в свои права.
Душа так ждёт, когда вокруг растает снег
И оживёт в лесу зелёная трава.
Когда деревья расцветут, растает лёд,
Очнутся звёзды, наконец, от зимних снов,
На небо радуга весёлая взойдёт,
Игриво спрячется в перине облаков.
Хочу в руках своих подснежник отогреть,
Услышать смех шальной красавицы Весны,
В глаза её хотя бы мельком посмотреть,
Уснуть спокойно под плащом из тишины.

***

День догорел, а мы с тобой молчали.
На платье ночи грустный был узор.
Вино в бокалах с привкусом печали.
В глазах твоих – обида и укор.
Дома укрыты темнотой, и холод жгучий,
И мёртвый блеск неоновых огней,

А завтра утром солнце скроют тучи,
И я покину город злых теней.
С волною чувств едва ли совладаю.
Их спрятать не получится от всех.
Уйду туда, где бабочки порхают
И музыкой звучит весёлый смех.

***

Я жду, когда цветное вдохновенье
Отыщет взор в подтаявшем снегу,
И, с Божьего на то благословенья,
Я написать хоть что-нибудь смогу.
Лучи его сольются в белой точке
С названием простым "бумажный лист",
И явятся на свет такие строчки,
Что до сих пор ещё не родились.

***

Каким-то воздух стал тяжёлым,
И стало трудно мне дышать.
Ещё недавно был весёлым,
А что случилось – не понять.
Вдруг изменилось настроенье,
Вонзился в небо тусклый взгляд.
Ищу хоть в чём-нибудь спасенья –
Я ничему теперь не рад.
Меня не радуют закаты,
Душа не чувствует тепла,
А та, кто в этом виновата,
С Апрелем под руку ушла.

***

Хмурое облако в небе летело,
В зелени трав засыпали цветы,
Ночь на опушке у камня сидела,
Звёзды развесив, как будто мечты.
Плакала роща берёзовым соком,
Ветер по ней утомлённо бродил,
Думал о вечном, о чём-то далёком,
Прожитый день не спеша хоронил.

***

Непрошенно в душу прокралась хандра,
А тополь стоял величавым и грозным.
Рассвет раздувал в небе пламя с утра,
Оно только хмурилось – было серьёзным.
У печки котёнок, зевая, скучал,
И флюгер не мог ото сна пробудиться,
Речная вода целовала причал,
Летели на юг перелётные птицы…

***

Отражается солнце в бутылке пивной
И играет лучами на гранях стакана.
Эй, дружище, послушай, ты выпьешь со мной?
Я сегодня хочу быть весёлым и пьяным.
Расскажу тебе, друг, я о жизни своей,
Об успехах ненужных, о горьких потерях.
Только лишь не обмолвлюсь ни словом о ней –
Той, что утром ушла и захлопнула двери.

***

Присев поближе к приоткрытому окну,
Я наблюдал, как ночь у клёна за спиной
Вплела в прическу ярко-жёлтую луну,
Трамвай уставший проползал по мостовой.
Звезда сорвалась, утомлённая, с небес,
Асфальт нагретый отдыхал от суеты.
И в предвкушении предутренних чудес,
Душа надеялась, что сбудутся мечты.

***

Опять этот город безропотно замер
И ловит дожди на прогнившие крыши.
Я снова расстанусь навечно с друзьями
И больше тебя никогда не увижу.
Дыхание ветра почувствую рядом
И где-то в листве тополей затеряюсь,
Окину уснувшие улицы взглядом,
И сразу во всём, как обычно, раскаюсь.

***

Выпью одиночества и скуки,
Выкурю десяток сигарет…
Слушая, как в море тонут звуки,
Плещется в волнах его рассвет.
В комнату проникнет свежесть бриза.
Больше не скажу тебе “люблю”.
Тополь чуть касается карниза.
Я в бокале чувства утоплю.

***

В объятьях клена покраснела вишня,
И скрипнул ставнями, увидев это, дом.
А ночь на сцену серых улиц вышла,
Красуясь в чёрном, как принцесса за окном.
Её на танец ветер приглашает,
Склонясь в глубоком реверансе, до земли.
Он до восхода прогуляться с ней мечтает
Туда, где дремлют перед штормом корабли.

***

Спрятав свет луны в котомке тощей
Я смотрел на то, как звёзды спят.
Молния оставила свой росчерк –
Там, где днём кружился листопад.
Пальцами стуча по крышам чёрным,
Ветер разломал сюжеты снов.
Бережно хранящим мудрость клёнам
Всю листву сорвал.
И был таков.

***

Забываю, как гневаться, спорить.
Душу злобой на всех разрушать.
Обучаюсь безмолвию вторить
И ветрами над полем дышать.
Заблудившись в некошеных травах
Я учусь никого не судить,
Не искать виноватых и правых,
Верить в чудо и просто любить...

ВЯЧАСЛАЎ КОРБУТ

Нарадзіўся 2 ліпеня 1972 года ў Слуцку. Скончыў філалагічны факультэт Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта ў 1994 годзе, юрыдычны факультэт Белдзяржуніверсітэта – у 2000 годзе. Паэт, празаік, публіцыст. Піша па-беларуску. Вершы друкаваліся ў газетах “Чырвоная змена”, “Наша Ніва”, “Літаратура і мастацтва”, “Сям’я”, “Беларуская ніва”, у часопісах “Маладосць”, “Вожык”, “Першацвет” і інш. Аўтар чатырох мастацкіх кніг: “Цар-алень” (1997 год: вершы), “Начны мастак” (2000 год: вершы і апавяданні), “Чаму ўсміхаецца сонца?” (2005 год: вершы і паэмы), “Байкі дзядзькі Лапатуна” (2010 год: сатырычная паэма, байкі, гумарыстычныя апавяданні). Друкаваў свае творы ў некалькіх калектыўных зборніках. Член Саюза пісьменнікаў з 2000 года. Аўтар серыі кніг, прысвечаных прадпрыемствам Беларусі. У цяперашні час працуе на літаратурна-выдавецкай ніве. Кіраўнік літаратурнага аб’яднання “Экватар”. Жыве ў Мінску.

ПРАДАЖНЫМ

Што вы яшчэ не прадалі?
Зямлю, саборы, неба, скверы,
Магілы продкаў, рэшткі веры,
І ШТО Б ВЫ НЕ ПРАДАЦЬ ЗМАГЛІ ?

СКАРЫНЫ кніжкі ці Праспект,
Мастоў гарбатых дрэвы-плечы,
А можа траўня цёплы вечар,
Ці юны, здольны інтэлект?

І час, нажаль, такі прыйшоў,
Што прадаюць ужо тут гуртам
Душу і глебу, думак гурбы,
Дзеля хвілінных, дзікіх шоў.

Дзядоў папрок, нібыта соль,
Пасыпле, можа, вашы раны:
Куды падзелі наш вы боль,
Нашто наеліся падманаў?

Ужо, нажаль прадажны люд
Не чуе гэтых сумных словаў.
Так, абяздушаны народ,
І ён прыцiх амаль няўлоўна.

І хто прадаў вясковы дом
За гарадскі той кут утульны,
І роднасць мовы, што крылом,
Вас болей, можа, не атуліць.

Што аб’яднала нас усіх,
Пакорлівых і хітра-сквапных?
Цынізм! Ён ненажэрны псіх,
Вам моцна паціскае лапы.

ДУМА ПРА БЕЛАРУСАЎ

Вялікія рэкі, і рэкі з імжою,
Загублены горы, абсягі тугою,
Не плача адна толькі кнігаўка ў полі,
Ці мы, беларусы, нявольнікі волі?

Змагаемся самі з бязвер’ем бацькоўскім,
З матуліным страхам і болем дзядоўскім,
Зямлю падзялілі сваю на квадраты,
Хто мы, беларусы, – душы сваёй каты?

О, так і катуем мы мову самотна,
Яна ж у астрозе сумуе маркотна,

І мова то плача, то горка смяецца,
А з нашымі душамі штосьці дзяецца.

Хто мы, беларусы, – снапкі лугавыя?
А нашы дзяды – то дубы векавыя!
Забыліся іх, іхняй крэўнай надзеі.
Што стала з народам сталёвым і дзейным?

Хто мы, беларусы, – надзея тыранаў,
Служакі нячыстых, закланных баранаў?
Сябе неахайна губляем у свеце,
А кім стануць нашыя ўнукі і дзеці?

Пачварамі ці дылетантамі часу,
Быллём на прасторы без сіл і прыкрасаў?
Усцешуся тым, што па згубленым плачу
Вялікім народзе, што жыць мог іначай.

Не веру ў бяду, што згрызае планету,
І нас паглынае з бяздушным імпэтам.
Таму, каб застацца навек беларусам,
Не трэба губляць мовы-маці абрусы,

Якія ад водару хлеба хмялелі,
Ад спеваў народных упарта смялелі.
Ад статнасці гэтай народ ажывае,
І годнасці сцяг над сабой узнімае!

Я ВЕРУ ЛЮБАЙ БЕЛАРУСІ

Я веру любай Беларусі,
У волю дужага народа,
Што жыць у годнасці імкнуўся,
І выжыў пад васцём нягодаў.

Я веру ў росквіт Беларусі,
У беларускасць нашай долі,
Краіны, што душой крануўся,
І з ёй я не памру ніколі.

І не шукайце ранаў болей
На целе велічных абсягаў,
Зажылі раны яе долі,
І ёй не быць ужо бадзягай.

Я веру ў славу Беларусі,
З вялікай прагай жыць праўдзіва,
Яе я сынам назавуся,
Яна ж маіх натхненняў дзіва!

ЗАПАВЕТ

Давайце, людзі, сябраваць,
Давайце будзем мы братамі
Ці сёстрамі – нас не разняць,
Калі мы будзем разам самі.

Тады ніхто, ні ў якім сне
Нам не дазволіць быць слабымі,
Далонь сяброўская кране
Плячо – не будзем больш чужымі.

Давайце, людзі, жыць мудрэй
І шанаваць мацней старэйшых,
Не гнаць малодшых ад вачэй,
І паважаць – за нас, смялейшых.

Давайце, людзі, бараніць
Свабоду, веру і надзею,

Каб чалавек мог болей жыць
У кожным з нас, і не халдзеем.

Давайце будзем дараваць
Сябрам сваім усе памылкі,
Каб не прыйшлося пахаваць
Вялікіх дасягенняў крылкіх.

Давайце берагчы наш дом –
Найпрыгажэйшы ж у сусвеце!
Каб ён з-за нас не йшоў на злом,
Каб ён застаўся нашым дзецям.

***

Жаўцеюць палі, каласы наліваюцца,
Па хвалях азёр, быццам з мовай сяброў,
Зноў лета лісліва ў гулі збіраецца,
Бліжэй да купальскіх ідзе галасоў.

У небе туга па-за хмарнага стрэлу,
Начной навальніцы чакаецца баль,
І лета гукае, хто стрэнецца смелы,
Хто шчасце адолее сэрцам прыдбаць?

Ужо пераспела чарэшня ў тым садзе,
Яе паспрабуе свавольніца ноч,
А хто пераможа ў купальскім нарадзе
Сярод прыгажунь? Толькі іх не суроч.

Мне лёгка і цяжка, таму я ўсміхнуся,
Пад пырскі дажджу падстаўляю далонь,
Ён хуткі і цёплы, па ўсёй Беларусі
Ад спёкі астудзіць гарачую скронь.

І моцны касцёр запалае, бы востраў,
І песні абудзяць рамонкавы луг,
А папараць ледзь нахінулася росна,
І знічкай згарэла, ды ў тысячах рук.

ДВА ПАЭТЫ

Івану Пераверзіну

Дровы не спачатку запалалі,
Лёд не растапіўся з першых слоў,
І ракі замоленыя хвалі
Не знайшлі спакой ля берагоў.

Людзі не прыходзяць на хвіліну,
Словы не змаўкаюць назаўжды,
Мы ж з паэзіі – адной краіны,
Дзе не замярзаюць гарады.

– Ты жывы, за гэта дзякуй небу!
– Ты таксама, і мацнейшым стаў!
– Прага перамогі – водар хлебу.
– Сіла чалавека – волі сталь.

Размінуцца нашыя дарогі,
Пыл клубамі рвецца да нябёс,
І Пегасы панясуць, як богі,
Да вышынь – у кожнага свой лёс.

Толькі, як жыццё вапрэцца рогам,
Ведай, што мая рука, мой меч,
Будуць нечаканаю падмогай
Сярод бітваў, рубішчаў і сеч.

***

Інзе Вінарскай

Наш новы дзень, як новае святло
Жыццё вірліва мкне да гарызонтаў,
Маё крыло кране тваё крыло,
Адчуюць сэрцы зноўку пекнасць зораў.

Чыясьці прага стане лебядой,
Чужыя мары змерзнуць на арбітах
А нам з табой не знацца век з бядой,
Яе каметамі ўжо здаўна сыты.

Ты не шкадуй, што лёс расплавіў трон,
Што нам дастаўся ад былых паэтаў,
Мы ведаем: жыццё – не кліч варон,
А порах, што рассыпаны з імпэтам.

І мы падпалім гэты цуда-скарб,
Каб пасвятлелі вочы – у народа.
Жыві, свабода! А народ – не раб,
А волат, што мужнее з асалодай!

ЯК АБ’ЕЎСЯ НАШ СЯБРУК
Байка

Раз у госці завітаў
Стары, добры наш сябрук,
І, як трэба, запытаў:
– Есці будзем ці каюк?
Гаспадар прамовіў хаты:
– Ёсць вяндліна, галубцы,
Пару свежанькіх салатаў

І пухнатыя блінцы!
А таксама бульба з мясам,
Рыба трох, відаць, сартоў,
З лепшай крамы ёсць каўбасы,
Стос салёных агуркоў.
Наш сябрук міргнуў шчасліва,
– А пітво якое ёсць?
– Дарагі, сядай імкліва
І глядзі – ты ж званы госць.
Вось на стол нясуць гарэлку,
Піва бутляў, можа, сем –
Наш сябрук, нібыта грэлка,
Стаў свабодным ад праблем.
Кроў гарачая пульсуе –
Вось які тут пачастун,
Госць ужо, бы конь, гарцуе,
Замурлыкаў кот Баюн.
І, запрошаны да столу,
Наш сябрук – жаданы госць,
Не хінецца ён да долу,
Зніклі боль, адвага, злосць.
Не пярэчыць, без сумневу.
Не цягацца, хто смялей,
Наліваем, п'ем без гневу,
Піва льецца, бы алей,
У бакалы, далей – страўнік.
Ён стрывае, дайце жыць.
Наш сябрук такі забаўнік,
Можа добрым хлопцам быць.
Тост за творчасць і натхненне,
А пасля за апетыт,
Да відэльца пруць саленні,
Мяса маніць, бы магніт.
Час гарэлкі падыходзіць,
У кампаніі мандраж,
Чорт ліхі за чуб не водзіць –

Нас не стрэне сабатаж –
Горкай студзяцца настроі,
З салам, хлебам і гурком.
Пасля сёмай – мы героі,
І амаль што пад сталом.
Наш сябрук і тут, як волат:
Ён талерку халадцу,
На дыван сцягнуў, бы молат,
І даеў, нібы пацук.
Крык пасля раздаўся ў хаце:
– Хопіць! Болей не магу!
Трэба адпачыць нам, браце,
Каб падняцца на нагу!
І зваліўся госць удала
На канапу, быццам штык,
Не даеўшы рыбы з салам,
І прыснуў, прыціх, бы знік.
Засапеў сябрук магічна,
Быццам выканаў загад,
Паспытаў усё практычна,
Быў таму бясконца рад.
Заўтра гэта не ўзгадае –
Ранкам голад пазаве
Да сталу, дзе так чакаюць,
Галубцоў талеркі дзве!

ГУСЬ І КОНІ

Байка

Набыў аднойчы гусь сабе машыну –
Памчаў той лімузін абы куды.
Свісціць наш гусь – маўляў, цяпер я слынны,
І розныя пабачу гарады.
Паехаў…
Тут з-за павароту коні,

Шлі пехатой павольна па шашы.
– Эй, вы там, сваякі замежных поні,
А ну, дарогу саступіце для машын!
Мой Божухна, ды вас ужо тут зграя!
– Дзюбаты, пачакаеш – лепш жывеш,
Мы – на пікнік, там вып'ем і зайграем,
Прыходзь да рэчкі – з намі лепш паржэш!
І гусь, табун вясёлы прапусціўшы
Да хаты даляцеў у крок адзін,
А жонцы, фрак свой лепшы нацапіўшы,
Сказаў:
– "Абмыць" мне трэба лімузін.
Вярнуся – завязу цябе да мора,
У рэстаранах там прысмакаў шмат!
– Ляці хутчэй, гусінае ты гора, –
Крычала жонка, клюючы шпінат.
І вось наш гусь, як пан, сядзіць ля рэчкі,
Табун ужо цягае восьмы тост,
Кабылы п'яныя ляжаць, як грэчка
Пасля віхуры, жруць з саломы торт.
Прызналі коні гусака адразу
Стакан віна налілі да краёў.
– Я за сяброўства п'ю капытных разам
З вандроўнікам нябесных берагоў!
Пасля ў адказ без аніякай злосці
Напажадалі коні рознага гусю,
Частуюць траўкай скошанаю госця,
І за машыну новенькую п'юць.
Наш гусь цяпер (з кудлатаю хахолкай) –
Цэнтральная фігура пікніку,
І кажуць коні:
– Пракаці нас з толкам,
А то мы нацягаліся плугоў.
У лімузін залазяць, хто як можа,
І ён трымае коней тых ледзь-ледзь,
І пнуцца, як у вырай чэрці, гожа –

Трашчыць машына, шкло, жалеза, медзь.
Улезла мо пяцёра, ржуць кабылы,
– Да перашага слупа вам, хлопцы, шлях!
Кіруе гусь, што мае сп'яну сілы,
А сілы мала – едуць па гаях.
І раптам яр… не вырулiў кіроўца,
Машына йдзе накатам да нізін,
Даў дзёру гусь, б'е крылам роўна,
Перакуліўся з конямі лімузін.
Разлаяліся тыя, капытамі
Пад п'яны гам машыну датаўклі,
А гусь, бы здраднік, з мутнымі вачамі
Да вёскі ледзь даплёўся па раллі.
І з той пары машыны аблятае,
Гарэлкі ў рот ён не бярэ зусім,
Ну, а каня заўважыць – уцякае,
Нат калі йдзе за плугам конь адзін.

______

Сяброў шукайце – хай вас лёс шануе –
Не па законе сытага стала,
А па плячы сяброўскім, што ратуе,
Калі шалёна мчыць бяды страла.

ВЯЧАСЛАЎ МАКУЦЬ

Нарадзіўся 1 лістапада 1953 года ў Ваўкавыску. Першы паэтычны вопыт зрабіў у 6 класе, першыя крокі на сцэне – у 7-м. У 1969 годзе паступіў у Гродзенскае музычна-педагагічнае вучылішча і адразу ж прыйшоў у тэатр да выдатнага рэжысёра і педагога Абрама Міхайлавіча Гільварга. Гэта і паслужыла выніковым рашэннем у абранні будучай прафесіі.

Пасля заканчэння Гродзенскага музычна-педагагічнага вучылішча працаваў у роднай школе настаўнікам музыкі і спеваў. Потым служыў у войску, дзе былі напісаны першыя апублікаваныя у далейшым вершы. Пасля службы – зноў праца ў школе. Але тэатр і творчасць аказаліся мацнейшымі за чыста педагагічную дзейнасць.

Рэжысёр Заслужанага аматарскага калектыва РБ тэатра драмы і камедыі “Славуціч” Ваўкавыскага раённага Дома культуры з 1985 года. Паэт, кампазітар, сцэнарыст. Член Союза тэатральных дзеячаў Рэспублікі Беларусь. Аўтар паэтычных зборнікаў “Калейдоскоп жизни” і “Избранное”. Друкаваўся ў перыядычных выданнях. Увайшоў у анталогію “Современная русская поэзия Беларуси”, у зборнік “Творчество работников культуры Гродненской области”. Аўтар гімну горада Ваўкавыска.

БЕЛАРУСКАЯ МОВА МАЯ
Акраверш

Беларуская мова, ты – лепшая ў свеце.
Ефрасіння калісь размаўляла на ёй.
Ланцугамі закоўвалі, кідалі ў смецце,
Абвяшчалі цябе непатрэбнай, старой...
Рабавалі цябе, раздзімалі, як попел
Узурпатары мовы, “культуры бажкі”.
Сілай ператваралі ў пацеху Еўропе.
Кабалой абкладалі, бы дурняў якіх,

Але ж мы не памерлі, прайшлі праз стагоддзі,
Яснай песняю беды мы перамаглі.

Маладзіцай зноў мілай жывеш ты ў народзе,
О, цудоўная мова цудоўнай зямлі!
Векавечная ты – душы век цябе помняць,
Аб’ядноўвай дзяцей зноўку ў розных краях!

Мару я, каб любоўю заўжды была поўнай,
Апантанасць у спевах нясу салаў’я:
Я цябе зноў пяю, поўны мары чароўнай!

ДОБРАГА РАНКУ, КРАІНА!
Акраверш

Дзякуй Богу, ночка неяк пракульгала...
Ох, і цяжка з ёй змагацца мне ў бяссоні.
Быццам бы нячысцік на мяне кагалам
Раптам па душы праехаў, нібы коні.
Азнабіўшы маё сэрца ліпкім страхам,
Гадкім сном мяне хацела ноч спалохаць...
Адарваўся ад падушкі, як ад плахі,

Растапіўшы ў сэрцы чорны лёд Малоха.
А за шклом аконным благадаць такая:
Неяк, быццам сарамліва, сонца ўсходзіць,
Калаўротам птушкі ў небе кувыркаюць,
Уцякае крот ад свету ў агародзе...

Кожны ранак прасынае ўсё жывое,
Распачаўшы новы дзень святло, бязвінна.
Ах, прырода, нас, здаецца, толькі двое,
І, канешне, мая матухна-краіна.
Назаўжды я ёй жадаю добрых ранкаў –
Абуджацца чыстай, светлаю заранкай!

НАРАЧАНСКІ АКРАВЕРШ

Ноччу думкі-птушкі ў галаву прыходзяць,
Ажно вось успомніў зноў пра акраверш.
Распачну я песню новую ў лагодзе:
Асалода-Нарач, ты мяне завеш.
Чараўніцай-марай маніш-заклікаеш,
Абуджаеш сілы ад хваробы-сна...
Назаўжды жывая ты, любоў людская,
Сонечная, быццам ластаўка-вясна.
Калаўротам зорак закружыла Нарач
І вярнула ў сэрца зноў юнацтва мары...

Азірнуся ранкам, усміхнуся сонцу,
Калыхнецца хваля каля ног маіх,
Распахнецца далеч – шчырая, бясконца...
Апантана спевы дораць салаўі...
Веліч Беларусі, гонар і пяшчота,
Ейнае багацце, радасць, боль і сум...
Расчынёным сэрцам да цябе я ўпотай,
Шчасця ў пажаданні зноў сваім нясу.

РОДНАЙ МОВЕ

Забываюць мову, забываюць...
Забываюць сэрцам, галавой...
Забыццём Радзіму забіваюць, –
Бо без мовы будзе як жывой?

Дзе пачуеш сёння: “З добрым ранкам!”?
І знікае недзе: “Добры дзень”.
Словы гэтыя ясней заранкі,
Чыстыя, як блікі на вадзе.

Дык чаму ж яе не чуць у хатах?
У садках дзіцячых не чуваць?
Скажуць мне: “Двухмоўем мы багаты!”
Нешта мне “двухмоўя” не відаць...

Радыё – амаль усё – па-руску!
Тэлек – там таксама – дзе-нідзе!
Размаўляючых па-беларуску
Вельмі цяжка адшукаць людзей!

“Песні роднае зямлі” гучалі –
І краіна моваю жыла.
Адспявалі – зноў душа ў адчаі,
Зноў над мовай роднаю імгла.

Так! Квітнее Беларусь, як сонца.
Ведаюць яе ва ўсіх краях...
Хай гучыць і шырыцца бясконца
Мова беларуская мая.

Беларусы ёсць на ўсёй планеце,
Мову нашу там паўсюль чуваць.
Дай жа, Божа, родным нашым, дзецям
Роднай мове оды зноў спяваць!

МАЛЕНЬКІ ВЕРШЫК

Калі да шлюбу кліча хлопец дзеўку,
А тая верціць, нібы вол хвастом,
Што, быццам, рана!
Быццам – маладзенька!
Тай не гатова шчэ за “шлюбны стол”...
Цярпення трэба хлопцу набірацца,
Каб першая прамовіла:
“Люблю...”

А потым у сваёй душы дазнацца:
“Ці ёсць тут сэнс,
З такой ісці “у шлюб”?

ДА ЛАТЭРЭІ НА КІРМАШЫ

Дзед прыехаў на кірмаш
Са сваёю бабай!
Грошык вынь – білецік маш, –
Будзе грэць не слаба.
Як жа быць на кірмашы
Ды без латэрэі?
А прызы – ой, ад душы!
Ах! Як сэрца грэюць!
Час прыйшоў распачынаць
Розыгрыш білетаў.
Можа нешта атрымаць,
Хто пайшоў на гэта.
Рыбка – з Росі.
З Лозаў – сыр!
З птушкафермы – яйкі!
Бульба з Воўпы – для красы
І для “смакатайкі”!
Мёд – з Няверавічаў вам!
Бурачок – з Талькоўцаў!
Падыходзь, дзівіся сам:
Счырванеў, як сонца!
Яшчэ з Шылавіч – мука!
З Вярэек – капуста!
Хай шчаслівая рука
Зробіць дома густа!

ЮРЫЙ МЕЛЬНІКАЎ

Нарадзіўся ў Мінску 10 лістапада 1976 года. Закончыў сярэднюю школу № 69 у 1994 годзе. Працягваў навучанне ў сталічным Дзяржаўным педагагічным каледжы № 1, дзе атрымаў кваліфікацыю “настаўнік беларускай мовы і літаратуры” ў 1997 годзе. Далей вучыўся на вячэрнім аддзяленні факультэта беларускай філалогіі і культуры ў Беларускім дзяржаўным педагагічным універсітэце імя Максіма Танка да 2001 года, дзе атрымаў кваліфікацыю “выкладчык беларускай мовы і літаратуры”.

Працаваў педагогам-арганізатарам ў мінскай сярэдняй школе № 86, настаўнікаі беларускай мовы і літаратуры, супрацоўнікам паштовага аддзялення, загадчыкам гаспадаркі на прыватным прадпрыемстве. На дадзены момант працуе кладаўшчыком у камерцыйнай фірме.

Размяшчаў свае творы на старонках газет “Раніца”, “Наша Слова”, “Наша Ніва”, “Настаўніцкая газета”, “Беларуская Ніва”, “Народная газета”, “Минский курьер”, часопісаў “Вясёлка”, “Першацвет”, “Роднае Слова”, у альманаху “Панядзелак”. Публікаваў навуковыя матэрыялы ў зборніку “Святое Евангелле. Праблемы перакладу на беларускую мову”. Аўтар кнігі прозы “Калі сны здзяйсняюцца…”

КАЛЕКЦЫЯ ПРЫЗНАННЯЎ

Апавяданне

В.І.

Вольга сціпла радавалася жыццю, збег абставінаў якога выглядаў паступова і разважліва, а прыступкі лесвіцы ўдачы набліжалі яе да здзяйснення самых неверагодных мрояў і дасягальных мэтаў. Дзяўчына спакойна аглядалася навокал, добра асэнсоўваючы безліч здольнасцяў і талентаў, якімі яе ўзнагародзіў Госпадзь Бог.

Наша гераіня заўсёды заставалася аптымісткай: атэстат з адзнакай і залатым медалём за сярэднюю школу, чырвоны дыплом за навучанне ў Эканамічным універсітэце, набыты сумленнай руплівай

працай, выдатна абароненая дысертацыя па простых і ўскосных падатках са звычайных грамадзян, малады ды вясёлы калектыў, у якім Вользе пашанцавала стаць намесніцай галоўнага бухгалтара адной салiднай арганізацыі.

Канешне, знешне прыцягальная і абаяльная, кандыдат эканамічных навук ведала і цудоўна размаўляла на некалькіх замежных мовах, у прыватнасці, на англійскай, французскай, іспанскай, польскай. Не абыходзіла сваёй пяшчотнай увагай беларускую, украінскую, рускую. З незвычайным цярпеннем магла растлумачыць зацікаўленым работнікам прадпрыемства нюансы крэдытавання праз банк, колькі і каму налічана заробку і прэміяльных, як правільна размінуцца з падаткавікамі і іншымі рэвізорамі, – адным словам, адчуваўся сапраўдны прафесіяналізм у яе адмысловай дзейнасці.

Яна вылучалася адметным розумам, не шкадавала часу на зверку лічбаў у плацёжках, зрэдку кансультавала былых выпускнікоў ВНУ па эканамічных пытаннях...

Таксама ў вольны час Волечка цікавілася класічнай літаратурай і фалькларыстыкай. Яе захапленнем была кніга Яна Баршчэўскага “Шляхціц Завальня”, “Альбом” Арцёма Вярыгі-Дарэўскага, прачытала яна багата і іншых твораў таямнічага XIX стагоддзя...

Заўважым, знешнасць вабнай дзяўчыны не пакідала да яе абыякавымі аднакласнікаў, аднакурснікаў, калег па службе, сяброў. Здавалася, ад ласкавай усмешкі зіхацела сонейка, ад мяккага голасу сыходзіла дабрыня, пасля яе палымянага позірку хлопцы і мужчыны вылечваліся значна лепш, чым пасля агляду дактароў. Гнуткі стан адлюстроўваў сапраўднае хараство маладосці, сваімі зграбнымі, пяшчотнымі ручкамі яна не саромелася працаваць як з рознымі фінансавымі паперамі, так і выраблядь цудоўныя шэдэўры на кухні.

Яна таксама збірала кампліменты і прызнанні. Яшчэ са школьнага часу завяла сшытак, куды запісвала тыя шчырыя словы ад хлопцаў. Канешне, не аднойчы прапанавала на чыстых аркушыках пакінуць свае думкі маладым людзям, якія ёй чымсьці спадабаліся. Зразумела, калекцыя Вольгі пакрысе папаўнялася новымі занатоўкамі – дзе вершаванай мовай, дзе празаічнай. Вытрымкі з лістоў займалі пачэснае месца там. Тонкія сшытачкі ахайна падшываліся ў агульныя. З цягам часу лік рукапісных незвычайных зборнічкаў мог пацягнуць ужо на

сур’ёзны фаліянт. Як ні дзіўна, ад гэтага трапяткога занятку Оля не адмаўлялася. Часам яе прыяцелькі скептычна ставіліся да таго, што ёй няма куды траціць вольныя ад працы і вучобы хвіліны...

– Навошта табе гэтая няўдзячнасць? Усё роўна твае мемуары не пабачаць чытача!

– Ці не паб’юцца за цябе твае прыхільнікі? Раптам прачытаюць, і чакай тады хвалі рэўнасці, непаразумення!

– Не перажывайце, усё будзе добра, калісьці пераканаецеся, што я раблю правільныя крокі, – абаранялася дзяўчына. – Крыху цярпення, і ўсё будзе выдатна!

Сапраўды, Вольгу ніколі не пакідаў добры настрой. У дзяўчыны аптымізм ярчэў загадкавай вясёлкай. Наша гераіня ведала: запісаў прызнанняў не варта спыняць, а лепш пацяху займацца любімай справай. Акрамя таго, прыгажуня з цягам часу збіралася апублікаваць вынікі фальклорных здабыткаў. Калі пасміхнецца шанец, тады пад адной вокладкай, калі ўзнікнуць часовыя нязручнасці, можна і па частках. Пачатак пакладзены, а што да цяжкасцяў, каго ў іх не бывае, усё роўна яна іх адолее. Волечка вырашыла яшчэ раз сама праверыць магчымыя хібы, каб потым даць пачытаць рукапіс дасведчанаму філолагу. Зразумела, яна марыла адносна будучага выдавецкага праекту прыкладна так: няхай прадмову да зборніка кампліментаў напіша хтосьці больш-менш знакаміты ці свядомы прафесіянал у галіне літаратуры. Тут пекная бухгалтарка баялася верагодных памылак ці звычайнага ліха, павярхоўнасці аглабельнай крытыкі ці іншых нязручнасцяў.

Таксама кандыдат навук шукала адказу на некалькі цяжкіх пытанняў: ці пакідаць аўтарства ў прызнаннях, ці прыводзіць прыклады пяшчоты, не называючы імёны і прозвішчы тых хлапцоў і мужчын, што яе падтрымлівалі. У адным выпадку калекцыя шчырых слоў будзе заснавана на фальклорным матэрыяле, у іншым – на літаратурным. Абодва варыянты яе задавальнялі. Канешне, ласкавая дзяўчына чула драматычныя гісторыі аб драпежніках цэнзурных, якія маглі зарубіць і загубіць самы цудоўны рукапіс сваімі гарачымі абцугамі. Колькі празаікаў, паэтаў, драматургаў, гумарыстаў гэткія доўбні палохалі без усялякіх прычын. Аднак натхненне інтэлігенцыі толькі павялічвалася і творчасць не спынялася.

Дзіўна, мала хто згаджаўся ўзяцца за дапамогу нашай гераіні ў такой пачэснай справе... Оля ўжо збіралася пакласці ў шуфляду ўласныя задумы, пачакаць да пэўнага часу, каб ёй паспрыяла. Спяшыць не заўсёды трэба. Але марудзіць не варта. Раптам яе захапіла цудоўная ідэя: спачатку шукаць падтрымку на працы, а далей – як пашанцуе.

Яна паціху прыглядалася да калег па працы, да работнікаў з іншых аддзелаў і служб прадпрыемства. Волечка няспешным шляхам даведалася, што ў Сяргея, маладога чалавека з гаспадарчага аддзела, два дыпломы, адзін з якіх філалагічны, вопыт працы ў педагогіцы, навуковай і творчай дзейнасці, што хлапец мае публікацыі, паціху піша прозу... Яшчэ і паслухмяны халасцяк, што не часта сустрэнеш. Канешне, сціпласць Сяржука часта была прычынай загадкавых дзявочых усмешак, задум, фантазій і артылерыйскай атакі таямнічымі вочкамі. Сапраўды, ад такой павышанай увагі прыгожай паловы чалавецтва хлапцы і мужчыны толькі лепей разважаюць і дасканала рупяцца, у якіх экстрэмальных умовах яны не апынуліся б.

Канешне, дзяўчына ведала, што малады чалавек зможа вырашыць яе, здавалася, неверагодна заблытаную праблему. Праўда, калі Сяргей аддаў ёй месячную справаздачу па гаспадарцы, красуня прыкмеціла бездакорнае выкананне і правільныя лічбы. Адчувалася, што хлапец не баіцца адказнасці і цяжару праблем. Не самотнік, не гуляка, не выпівоха, не гультай, не авантурнік...

А Сяржук у шапку не спаў, а час ад часу ўзнагароджваў Волечку падарункамі, прычым рабіў гэта з эстэтычным густам і шчырасцю. Нейкім чынам дазнаўся наш герой, што бухгалтарка пакуль яшчэ не замужняя. Значыць, шанец ёсць удалы сябе паказаць ды пачуцці незгасальныя праявіць...

– Сярожа, трэба Ваша парада, мяне палохае...

– Оля, гатоў дапамагчы Вам, толькі скажыце, у якой галіне. Не хвалюйцеся.

– Ці хопіць часу напісаць прадмову да навукова-папулярнага зборніка, знайсці потым рэцэнзентаў, а далей выдаць...

– Калі дазволіце пагартаць Ваш тэкст, тады можна рухацца наперад.

– Мой дружа, тэкст, мабыць, мяне датычыць, толькі аўтараў багата...

– Не разумею. Нейкі парадокс.

– У жанры лірычным, па форме – прызнанне, па змесце – сяброўскія зычэнні.

– Цікава. Такога яшчэ нідзе не змяшчалі.

Малады філолаг з радасцю ўзяўся за адмысловую тэму. Мінулі тры тыдні, і прадмова была складзена на адным дыханні. Праўда, Сяргей без асаблівых турботаў і клопатаў пераканаўся ў сардэчнай цяплыні Вольгі.

– Колькі табе заплаціць за руплівасць? – зацікавілася дзяўчына.

– Грошы браць не магу, гонар не дазваляе... Я цябе кахаю! – прызнаўся ёй хлопец. – Нядаўна размаўляў з будучымі рэцэнзентамі: адзін – прафесар літаратуры з Універсітэта, другі – акадэмік з Акадэміі навук. Спадзяюся, напішуць пазітыў, што і патрэбна было даказаць...

– Ты, Сярожка, за мяне так багата выканаў, я перад табой у неаплатным даўгу. Дзякуй за першыя крокі да неверагоднага пачуцця радасці!

– Жадаю зрабіць цябе шчаслівай. Думаю і разважаю, як...

Дзякуй Богу, рэцэнзенты станоўча паставіліся да творчых задумаў бухгалтаркі Вольгі. Водгукі былі складзены ў двух варыянтах: ці мала якія праблемы ўзнікнуць далей, лепш падрыхтавацца да іх, чым пакутваць ад турботаў.

Нечападзяванка прыляцела, адкуль яе не чакалі ні дзяўчына, ні хлопец. Не кожнае выдавецтва згаджалася рэалізаваць цудоўную ідэю Волечкі. Адмаўлялі, не тлумачылі прычын, лічылі калекцыю прызнанняў у гонар лепшых чалавечых пачуццяў дзявочай фантазіяй, а не рэалістычным, навукова-папулярным творам. Адзін нейкі звышпільны наглядчык адкрыта заявіў:

– Калі апублікаваць асобнай кнігай тое, што Вы сабралі, будуць ў сучаснай літаратуры і грамадскім жыцці Беларусі рэвалюцыі, бунты і грамадзянская вайна адначасова. Вас цікавяць наступствы?

Сяржук заступіўся за сяброўку і калегу:

– Тады чакайце ад мяне па неапублікаваным матэрыяле дысертацыю. Спяшацца не будзем, паглядзім, на чыім баку перамога. Калі

жанр прызнання лічыць небяспечным, тады маем справу з Вашай недасведчанасцю, вартай гумарэскі для “Вожыка”!

Вольга не засталася абыякавай да размовы:

– Абяцанкі аб падтрымцы здольнай моладзі чуем на кожным кроку. Увачавідкі – усё наадварот.

Палагоднеў адказны чалавек, сцішыўся, даў дазвол на друк на першы варыянт. Няхай сабе з боем, з цяжкасцю, аднак нашы героі дасягнулі таго, пра што марылі.

Доўга думалі хлопец і дзяўчына над назвай зборніка. Прыйшлі да высновы: “Калекцыя прызнанняў. Фальклорныя запісы”. Канешне, давялося бухгалтарцы Вользе яшчэ тры-чатыры месяцы прычакаць, калі цалкам усе праблемы знікнуць у нябыце. Некалькі дзён набірала тэкст на дыск, Сярожу даверыла цалкам перадвыдавецкую падрыхтоўку. Сябар не спалохаўся – ён дастойна давёў да ладу ўсялякія складанасці.

Гартаючы аркушы карэктуры, наша гераіня думала аб будучыні: “Здавалася, лёгка назапасіць кампліменты, ды цяжка іх пусціць у свет, да чытачоў... Запісаў багата... Так я ўдзячна Сержуку за тэкст прадмовы, за знаных рэцэнзентаў, ды і рэдактара ён таксама парэкамендаваў. Хлопца шкада: трэба яго пазбавіць пачуцця адзіноты, інакш яшчэ болей цяжкасцяў сустрэне. Здрада яму немагчыма. Адчуваю: у маім сэрцы да яго нешта вялікае, шчымліва-вясёлае, раднае, і тым хачу падзяліцца з ім. Толькі з ім...”

Малады чалавек паспяваў як па службе, так і выратоўваць з бяды розных небарак, не здатных да навукі. Не саромеўся абавязкаў, калі трэба падставіць плячо сваё, каб гаспадарка квітнела. Пры неабходнасці мог і грузчыка падмяніць, і дэталі экспедытарства засвоіць...

У вольныя хвіліны ён разважаў: “Доўга гляджу на Волечку. Цікава з ёй. Інтэлектуалка, красуня, разумніца. Майстрыца з залатымі рукамі і трапяткой душой. Ды і ў філалогіі зрабіла першыя крокі, і адразу ўдалыя. Можа, Божанька тут рады дасць. На яго спадзяюся, каб даслаў мне дбайную жонку...”

Нейкім чынам думкі нашых герояў вузельчыкамі спагады спляліся. Цяпер яны разам крочуць па віхурным жыцці, ратуюць адно аднаго ды хваласпеў маладосці ствараюць...

КАСЬБА

Эсэ

Нядаўна бачыў рэкламу, дзе вялася гаворка пра тое, што звычайную касу-дзюймоўку, ці літоўку, варта аддаць на захаванне ў музей. Спрэчнае пытанне! Здзівіла мяне гэтая тэма, пакольккі каса ў любога разумнага гаспадара ляжыць не далёка: у куце ці пад дашкам, – і заўжды скарыстоўваецца па прызначэнні.

Прагрэс у тэхніцы ў XXI стагоддзі паспяхова рушыць наперад... Не супраць я электракасы ці больш магутнай яе сястры – бензакасы. Згаданыя вышэй рэчы ўзаемадапаўняюць адна адну і могуць дзейнічаць паасобку. Іх магчымасці нельга не заўважыць і недаацэніць. Прынцып дзеяння ўсё роўна адзін. Маючы досвед з літоўкай, нескладана засвоіць і косы з электра- і бензарухавіком. Сапраўды, горш не будзе. Вядома, цяпер энерганосьбіты занадта дарагія, аднак ручная праца шанавалася ва ўсе часы і, адпаведна, аплочвалася. Акрамя ўсяго, дзякуючы касьбе і іншым гаспадарчым заняткам, з’яўляецца натхненне ў беларусаў. Апошняе ўзнікае з Божай ласкі і пад уплывам астатніх фактараў, пералік і характарыстыка якіх зойме багата часу і месца на паперы.

Для мяне касьба звычайнай касой – сапраўдная мужчынская праца, ад якой ніколі не адмаўляюся і якой абсалютна не саромеюся, не цураюся. Гэта і выдатная фізкультура, пасля чаго набіраюць моц мышцы, і жыццёвая неабходнасць: навошта кагосьці прасіць, калі і сам спраўляюся, – можа, не надта хутка. Але спяшацца – людзей смяшыць. У дадзеным выпадку якасць і хуткасць суадносныя. Адказнасць тут вялікая, аспрэчваць згаданую тэзу няма прычын, а задавальненне багата: цудоўны настрой, амаль дасканалы парадак на лецішчы ды вопыт лішнім не бывае.

Хочацца ўспомніць гады майго дзяцінства і юнацтва. Вельмі мне падабалася, як мужчыны знаходзяць агульную мову з гэтай прыладай. Адносна спакойна і ўпэўнена ў касавіцу ладкуюць побач з уласнымі сядзібамі. Ад кожнага ўзмаху касы трава кладзецца роўнымі радкамі. А радкі падобны на доўгія шнуры, цягнуцца ўздоўж і ўшыркі, а палеткі чысцюткія і дыхае водарамі наваколле. Дзесьці

ў трынаццаць-чатырнаццаць год упершыню паспрабаваў, як трэба правільна касіць. Адразу прыйшлося цяжкавата, аднак надзею не страціў. Першая спроба не заўсёды бывае ўдалай. Імкнуцца да дасканаласці ніколі позна не бывае.

Вельмі я ўдзячны дзядулі майго сябра – Івану Дзмітрыевічу Мікалаеву. У шаноўнага суседа гадаваліся трусы, дзесятак ці крыху болей. А колькі мяхоў сена з’ядалі гэткія блізкія сваякі лясных зайцоў, аднаму Богу хіба толькі вядома. Таму Іван Дзмітрыевіч і яго ўнук Сяргей, мой лепшы сябар дзяцінства, а таксама і аўтар гэткіх успамінаў, прывязвалі да рамы ровараў косы і накіроўваліся ў ваколіцы Падгор’я за травой. Хвілін праз дваццаць-трыццаць, калісьці і крыху меней, і мы на месцы. Канешне, рэльеф мясцовасці быў розны: дзе ўзгоркі, дзе роўнядзь, а дзе іх мешаніна. Аднак адступаць няма куды: у характары беларуса цяжкасці жыццёвыя прыходзяць і мінаюць, але іх палохацца не варта. Сілай у тры касы вельмі хутка патрэбныя мяхі гатовы. Помню, як Іван Дзмітрыевіч жартаваў: “Навошта, каб мае зайцы з галадухі лапкі выцягнулі, зробім ім запас харчоў і на сняданак, і на абед, і на вячэру! Няхай сабе жывуць і памнажаюцца!” На адваротным шляху веласіпеды важаць значна болей: разам з косамі вязем дадому і сена ў мяхах. Прыемныя адчуванні і радасць ад паездкі надоўга застаюцца ў нашых сэрцах.

Сама касьба нагадвае мне атлетычную гімнастыку ў найлепшым выглядзе. Кожны новы ўзмах не дае розным групам мышцаў расслабіцца, паслядоўнасць рухаў касцоў дазваляе пазбегнуць букету хваробаў у будучыні. Канешне, адразу вялікія аб’ёмы касавіцы ў непадрыхтаванага чалавека могуць выклікаць ныючы боль у спіне і плячах, незалежна ад узросту і фізічнай падрыхтоўкі. Аднак не надта любяць касцоў хваробы – бягуць напрасткі да гультаёў, лайдакоў, пустадомкаў, зломкаў...

Зразумела, раз-пораз касу трэба вастрыць. Перакульваеш яе дагары нагамі, абавязкова робячы ўпор у зямлю. Ахайна водзіш мянташкай па лязу, з абодвух бакоў загастраеш. Тут таксама дзейнічае прынцып: не падмажаш, не паедзеш. Лепш карыстацца заўсёды вострай касой, чым тупой прыладай. Апошняе потым бачна па пракосе: незавостранай касой куды горшы вынік працы, а якасць здзіўляе і

пакідае ў вялікім роздуме. Раз закрануў абслугоўванне касы, трэба быць уважлівым да пяткі, якая пры няўважлівасці можа наладзіць уцёкі, а потым шмат часу пойдзе на аднаўленне яе. Навошта лішні галаўны боль? Лепш знайсці калоду, адной рукой трымаеш касу, другой – малаток, некалькі ўдараў якім ставяць пятку на адпаведнае ёй месца, каб не брыкалася і не свавольнічала. Хапае праблемаў і з ручкай касы, што можа быць нетрывала замацавана. Тады не хопіць часу, каб паспяхова адолець пракос. Каб яе давесці да ладу, патрэбна хвілін дзесяць-пятнаццаць пацягацца, але потым варта не хвалявацца. Ёсць яшчэ праблема з ёй: калі лязо не наладжана, як мае быць. На роўнай паверхні стала, варштата, у каго што маецца ў гаспадарцы, лязо прымацоўваецца ў спецыяльнае прыставанне, падобнае на ціскі, і ахайна малатком выпраўляецца. Працэдура гэтая нескладаная, парады вопытных майстроў таксама не страцілі карысці і ў XXI стагоддзі...

Пах і водар толькі скошанага сена паляпшаюць здароўе чалавека шматкроць.

Сцягванне сена ў копны і стажкі – занятак дужа спакойны, хіба патрабуе вялікага цярпення і ўмельства трымаць у руках граблі, досыць лёгкі ў карыстанні прадмет. Колькі хвілін і гадзін руплівасці, і сенакос завершаны...

Калі ўзгадаць мінуўшчыну Роднага краю, без чаго нельга ўявіць будучыню, выснова лагічна просіцца сама на паперу. Няма нічога дзіўнага ў такім гістарычным факце: асноўнымі відамі зброі ў паўстаннях за волю, свабоду, незалежнасць служылі косы, вілы, сякеры, граблі, стрэльбы і іншы рыштунак, што да пары, да часу, прымяняецца ў адносна мірных прафесіях любой эпохі, але хутка становіцца рэальнай пагрозай для размаітых акупантаў. Няма прычын рушыць на беларусаў з мячом: можна неспадзявана і зухавата атрымаць па карку. Так што не трэба потым скардзіцца на ваяўнічы характар нашага народа.

Упэўнены: касьба не знікне з аграрных і культурных традыцый беларускай нацыі. Эвалюцыя касы таксама будзе працягнута. У мяне няма нагоды для сумневу...

ТАЯМНІЦЫ ПАЧУЦЦЯЎ

Кароткае апавяданне

Водар харaства акрыляе нашы сэрцы, кожная хвіліна размовы злучае нашы мяцежныя душы. Пастутова вечар адкрывае таямніцы самых шчырых пачуццяў. Непаўторныя спадзяванні даюць адчуванне пяшчотнай раніцы здзейсніць неверагодны цуд маладосці, трапяткой любові, чароўнага, мілагучнага і вернага кахання.

Колькі памылковых сцяжынак было перасечана, колькі расчаравання давялося агарнуць, каб знайсці цябе, маю сціплую беларускую разумніцу, прыгажуню і ласкавую сяброўку... Недарэмна шматкроць прасіў Госпада Бога, каб ён мне даслаў шчырую дзяўчыну, з якой разам адолеем жыццёвыя нягоды, няўдачы і ланцужкі праблемаў.

На змену доўгаму чаканню, размаітым выпрабаванням, шэрагу пакутаў, горычы і болю адзіноцтва няспешнай хадою наблізілася шчасце, згода, цярпенне і дабрабыт. Каханая, як без цябе самотна і цяжка...

Думкі хіба скіраваны, дзе на добры лад зарабіць капейчыну, паратунак ад цяжкасцяў паглынаецца самаадданай працай, але ненадоўга.

Тваё з’яўленне ў маім жыцці – не збег абставінаў, не выпадковасць лёсу ці нейкая там недарэчнасць, а заканамернасць, памножаная на шчырасць, досвед, аптымізм, бадзёрасць духу і незвычайнае перакананне на блізкую перамогу над адзіноцтвам.

Адчуваю радасць, нават зухаватасць, някідкую, знаходзячыся побач з табой, дарагая, пяшчотная, мілая... Ты натхняеш мяне, спагадліва ставішся да маіх меркаванняў, пазіцый, адгукаешся гронкамі цудоўных вершаў і здзіўляеш безліччу фатаграфій...

А нашыя спатканні падобныя на гамонку духавога аркестру, дзе паважліва гучаць альт і гарэзніца-жалейка, дзе трубы ўзгадваюць мелодыі дзівака Мендэльсона, дзе ззяе адказнасць за далейшыя крокі...

Гэта сапраўднае каханне, якому мы давяраем, як адно аднаму... Мы давяраем гэтай любові ўсе нашы планы...

Няхай жа здзейсняцца ў рэальнасці тыя неверагодна-бласлаўлёныя задумы, што плаўна пераводзяць жаночае і мужчынскае адзіноцтва ў трывалае сямейнае шчасце.

ЛЮДМИЛА МИХЕЙКИНА

Родилась 18 марта 1955 года в Минске. В 1981 году окончила Белорусский государственный институт народного хозяйства им. В.В. Куйбышева по специальности “планирование промышленности”, получив квалификацию “экономист”. С 1972 по 2010 годы работала на Минском моторном заводе. Занимала должности распреда в инструментальном цеху, инженера-нормировщика, инженера-технолога, экономиста, начальника бюро ценообразования, заместителя начальника планово-экономического отдела. С юности увлекается литературой, пишет стихи и прозу. Автор книг: “Дорогами любви” (2011 год: проза), “Такая большая короткая жизнь” (2011 год: стихи), “Неизведанное тепло” (2012 год: проза).

ЗАБЫТЫЕ УДОЧКИ

Рассказ

В выходной день муж и жена собирались на дачу. Муж пригнал машину со стоянки и поставил её у подъезда. Жена наполнила сумки продуктами, прочими необходимыми мелочами, одела спортивный костюм и кроссовки, аккуратно уложила в пакет сменную майку для мужа и постиранное после рыбалки любимое его трико. Но несмотря на внимательное и заботливое отношение к нему, она забыла одну очень важную вещь, из-за которой и произошла эта удивительная история.

Охватив четырьмя руками многочисленную поклажу, пара вышла из квартиры и, спустившись с третьего этажа вниз, направилась к машине.

Муж, укладывая сумки в багажник, обнаружил вдруг, что среди прочих вещей нет его удочек. Ему пришлось снова подняться к себе на этаж, а жена осталась дожидаться его в машине. С терпением и любовью относился он к супруге, поэтому не стал обвинять ответственную за сборы половину в таком серьезном промахе.

Из подъезда вышла соседка. Женщина решила выехать в центр города, чтобы пройти по магазинам. Пришла пора сменить свой про-

шлогодний гардероб. Она очень внимательно следила за капризами моды и старалась соответствовать. Простучав каблучками по асфальту, она поздоровалась с сидевшей в машине женщиной, приветливо взмахнув округлой ручкой с разноцветными коготками, сверкнув колечками. Та открыла дверцу и поинтересовалась, куда она направляется, и поскольку её путь совпадал с движением машины, предложила подвести до первого магазина. Соседка с удовольствием согласилась и поудобнее устроилась на мягком сидении. За короткое время, пока не было мужа, жена узнала от нее о множестве удивительных событий, произошедших в их доме, а также восхитилась ярко-рыжим цветом ее волос, окрашенных средством из последнего рекламного ролика.

А в это время муж дома искал удочки. Он не сразу нашёл их. В последний раз, когда он отгонял машину на стоянку, место им определила жена. Измученный догадками, он очень обрадовался, когда, наконец, обнаружил их на лоджии за шкафом и, поставив в углу коридора, забежал на кухню, чтобы стаканом воды снять стресс, полученный в процессе активного поиска. Мимоходом он выглянул в окно, где его взору открылась возмутительная картина. Большая рыжая кошка, взобравшись на багажник машины, полностью покорив ее высоту, вальяжно разлеглась на крыше в лучах утреннего солнышка. Играючи, она водила коготками по гладкой краске автомобиля, словно кого-то ловила там. Муж, что было мочи, крикнул в открытую форточку:

– Катя, убери с машины рыжую кошку, – и, подхватив удочки, опрометью бросился по ступенькам вниз.

Женщины переглянулись. Резко открыв дверцу, соседка выскочила из салона и, подняв вверх блестящие перламутровые веки, метнула в окно молниеносный взгляд:

– А с виду приличный мужчина, – и под воздействием сильных эмоций направилась не в сторону остановки, а в сторону подъезда.

Не далее, как вчера вечером, этот невежа забыл ключи от квартиры и коротал время до прихода своей жены у неё, сидя на кухне и попивая чай, а она заваривала ему крепкий напиток и была сама любезность, предложила ему даже рюмочку чего-нибудь посущественнее, но мужчина, как ни странно, отказался, с нетерпением выглядывая из окна на улицу, где должна была появиться его жена. Соседка была одинокой и привлекательной женщиной, но сосед почему-то не замечал ее явных преимуществ и неотразимого халатика расцветки "калибри". Он выпил три больших кружки чая и не проронил ни одного комплимента, а когда увидел через окно свою простоволосую жену с развевающимися волосами – не чета пышному соседкиному произведению искусства необычного цвета, – то словно совсем ошалел, вскочил с табуретки и бросился на выход.

– А спасибо?! – возмущенно крикнула ему вдогонку Зина, так звали соседку, определив свои округлые кулачки с блестящими коготками в бока халатика расцветки "калибри".

– Ой, Зин, конечно же, спасибо, извини.

Сосед выходил из подъезда, придерживая удочки одной рукой и открывая дверь другой. Первое, что он увидел в нескольких шагах от себя – очень даже нелюбезное лицо соседки. Угрожающе сверкая искусно выведенными ярким сердечком губками, она гневно бросила ему в лицо:

– Это я рыжая кошка? А ты кто?

Не давая мужчине опомниться и одновременно подыскивая подходящие слова, она сделала еще один бросок:

– Пёс верный. Вот ты кто.

Надо сказать, когда соседка Зинка была в сердцах, она говорила без церемоний и не искала слишком долго слов в своем словарном запасе, поэтому это выражение в её устах прозвучало почти как комплимент, но кошка, сидевшая на крыше автомобиля, не была знакома с Зинкой, поэтому от таких слов молниеносно очнулась и стремглав бросилась с крыши вниз. Слово "верный" было ей незнакомо, не кошачье это дело, а вот слово "пёс" она хорошенько знала. Рыжеволосая женщина быстро исчезла за углом дома вслед за кошкой того же окраса. Расстроенные супруги бросились на машине вслед за ней, опередив подъезжающий к остановке троллейбус и остановившись у обочины дороги. Мужчина, с улицы наблюдавший за погоней, попытался им помочь и задержал яркую женщину, но, получив оплеуху, выпустил её из рук, после чего та быстро скрылась в открытой дверце троллейбуса. Примирение пришлось отложить на более отдаленное время.

Муж сказал своей взволнованной жене:

– Ты бы, Катя, присмотрела Зинке мужика. Многих своих подруг в хорошие руки пристроила, а вот Зинку никак не можешь.

– Да что-то не получается. Слишком уж хороша она, боятся её мужики.

И вдруг, что-то вспомнив, засветилась, как солнышко за окном:

– А твой друг Стёпка, он же опять неженатый. Может, попробуем?

– А, Стёпка? Из Зинкиных коготков не выпорхнет. Давно пора. У Зинки не забалует, – сказал своё веское слово муж, которое для Стёпки оказалось судьбоносным.

Пара получилась. Жили они долго и счастливо, и по сей день живут!

ПЕСНЯ

Рассказ

На маленькой сцене военного госпиталя стояла светловолосая девушка с открытым лицом и гладко зачесанными волосами, в простом платьице, туфельках с закругленными носами на широких каблуках. Из туфелек выглядывали белые носочки с тонким ободком.

Девушка сказала:

– Я исполню для вас песню, которая давно стала легендой.

“Синенький скромный платочек…” – прозвучали первые строки песни, заполняя её серебряным голоском небольшое пространство тихого зала. Песня звучала нежно и трогательно и, казалось, проникала в самые потаённые уголки души. “Ты провожала и обещала скромный платочек сберечь…” – продолжала петь девушка.

В зале сидели бойцы. У кого-то была перевязана голова, у кого-то рука, нога, рядом стояли костыли. Бойцы, казалось, смотрят на сцену. Вначале они и в самом деле смотрели на девушку, но по мере того, как лились простые и задушевные слова песни, сосредоточенность в их глазах исчезала. Они словно уходили в свой внутренний мир, в котором у каждого было своё: родной дом,

мать, жена, любимая девушка, мирное время, которое казалось уже таким далёким.

В палате лежал раненый боец. Слова песни долетели до его сознания, и он очнулся. С трудом он открыл глаза, вслушиваясь в слова и звуки. Потом, напрягшись, медленно сел на кровать. Неимоверным усилием воли он встал и, опираясь на костыли, медленно стал продвигаться к выходу из палаты. Его белые одежды сливались с белыми бинтами. Он проделал тяжелый и долгий путь через коридор от палаты в зал и остановился у входа, опираясь о стену, чтобы отдохнуть. Закрыв глаза и охлаждая горячую голову о холодную, окрашенную бледной краской плиту, он словно что-то вспоминал. Потом он продолжил свой путь уже между рядами бойцов, продвигаясь всё ближе к сцене. Бойцы с уважением расступились перед ним, образовав узкий коридор. Внезапно песня прервалась. Замелькали коричневые туфельки и белые носочки по ступенькам сцены. Девушка стремительно бежала ему навстречу. Она обняла его обеими руками, как птица крыльями, и замерла, напоминая собой статую – памятник любви и верности.

Я наблюдала эту сцену с экрана телевизора. Песня продолжала звучать в воображении. Она не имела времени. Она тревожила душу, как и много лет назад. Она не была подвержена понятиям моды. Нелепым рядом с ней прозвучало бы слово “несовременная”. “Кто же ее исполнил?” – думала я. Лицо девушки было мне знакомо, и в то же время казалось, что вижу я ее впервые. И вдруг меня осенило. Я узнала в ней известную белорусскую певицу. В это мгновение я забыла всё, что раньше слышала в её исполнении, да и раньше не особенно помнила. Песни уходили с исчезновением изображения телеэкрана.

Это исполнение девушкой песни я не забуду никогда...

ГАЛИНА МИШНЁВА

Родилась 2 августа 1937 года на Гомельщине в семье сельского учителя. Окончила Белорусский лесотехнический институт в 1960 году. Биолог, преподаватель, научный работник, кандидат сельскохозяйственных наук.

Долгое время вместе с мужем жила в Армении и работала там в лесной отрасли. По возвращении в Беларусь работала в Минске в РПП "Беллесозащита", в БГУ и УП "НПО "Центр".

Пишет с детства (с 12 лет) стихи и прозу на русском и белорусском языках. Живёт в Минске.

ПОДВИГ МАТЕРИ В ГОДЫ ВОЙНЫ

Отрывок из документальной повести

Памяти матери моей посвящается

Когда началась Великая Отечественная война, наша семья: отец, Бусел Фёдор Сазонович, мать, Устинья Даниловна, и мы, четверо детей, старшей из которых было одиннадцать лет, а младшей, мне, не исполнилось ещё и четырёх, – жила в деревне Оспин Домановичского района Полесской области (ныне Октябрьский р-н Гомельской обл.).

Отец работал заведующим Оспинской начальной школы, а мать временно была домохозяйкой, ибо растила нас, четверых детей: трёх дочерей и одного сына.

Первое яркое воспоминание об отце запечатлелось в моей памяти на всю жизнь тогда, когда отец уходил на войну. Помнится повозка, на которой мы ехали, провожая отца за околицу, и тот момент, когда, прощаясь с нами, он крепко поцеловал меня в щёчки, высоко поднял над головой, а затем передал в руки плачущей матери, наказав: "Береги детей!" Так мы проводили отца на войну и остались все только с матерью.

Затем вспоминаются все ужасы жизни на оккупированной территории, в деревне, где немецкие фашисты начали налаживать свой "новый порядок" через полицаев – этих предателей и извергов, для

которых не было ничего святого. Страшно нам было жить в тех условиях: староста и полицаи – в деревне, набеги партизан по ночам, стрельба и крики голосящих женщин.

В одну ночь партизаны убили в деревне за предательство нескольких полицейских во главе со старостой. В отместку те расстреливали мирных жителей, и однажды схватили двух наших женщин-односельчанок: Ульяну и Арину – по подозрению в связи с партизанами, вывезли их за деревню и расстреляли на виду у всех. У обоих осталось по трое детей. Вся деревня плакала от боли и страха, но чем поможешь?.. Все боялись произвола предателей, убивающих людей без суда и следствия. И лишь беззвучные людские проклятия сыпались вслед полицаям…

Наш дом тоже обстреливался по ночам, так как полицаи подозревали, что к нам из лесу наведывается мамина сестра – наша тётя Федора. Она же действительно ушла в лес и воевала в отряде легендарного Тихона Бумажкова с первых дней организации партизанского движения в Рудобелке, которая стала в те годы центром "партизанской республики".

Когда начинался обстрел нашего дома, бедная мама хватала нас, спящих, с постелей и бросала на пол под стол, под кровати, вдоль стен, чтобы уберечь от возможных выстрелов по окнам. Поскольку нас, детей, родители до войны не успели покрестить в церкви, то староста и полицаи обзывали нас «иудами» и грозились расстрелять всю семью. Тогда мама поспешила покрестить нас у приезжавшего по случаю в деревню священника, только бы мы остались живы.

А однажды пьяные полицаи средь бела дня ворвались в наш дом и забрали всё, что было в мамином сундуке: собираемое приданое для нас, трёх дочерей, папину одежду, мамину швейную машинку. К нашему счастью, осталась хоть корова, которая в то время была в поле, и кое-что из одежды, ранее закопанной мамой в огороде.

Затем на нас обрушилось новое несчастье: я заболела тифом. Мама дни и ночи сидела у моей кроватки, выхаживая меня, а затем и среднюю сестру Зоню. А ведь не было никаких лекарств, спасал лишь свекольный квас, который давали нам пить и им же смачивали голову, да мёрзлая клюква, собранная мамой по осени.

Это было первое мамино испытание, а потом они сыпались на её бедную голову без конца, будто из рога изобилия. И старшие сестра и брат делили все трудности с мамой, взрослели не по годам, были послушными и работящими. Им многое приходилось делать по хозяйству, чтобы мама могла ухаживать за больными младшими детьми.

Так прошло два года. В 1943 году в нашу деревню понаехало много немцев. Они заняли и наш большой дом, захватили всё лучшее, что было в доме, а нас с мамой выселили на улицу. Мы ютились у соседей, спали на полу вповалку на сене в доме тётки Улиты. Там же, в чистой горнице, жили и расквартированные немецкие солдаты. И мы, дети, боялись играть или громко разговаривать,чтобы не привлекать их внимания. Приговор их мог быть однозначным – выселение из дома зимой, в холод или того хуже – расстрел ради забавы. Мы, дети, не вполне понимали это, но каково было нашей бедной матери, охранявшей, как наседка, сон своих четверых цыплят?! Но Бог нас пока миловал.

Когда же положение на фронте менялось не в пользу фашистов, они становились злыми, кричащими, и лучше было не попадаться им лишний раз на глаза. А когда в деревню начали привозить с места боёв убитых немецких солдат, фашисты начали расстрелы местных жителей в отместку за каждого убитого. Особенно свирепствовали в качестве карателей венгры (мадьяры), которых у немцев в ту войну была целая дивизия. Немцы выгнали нас из дома на улицу совсем, и мама спрятала нас в погребе соседки, где мы только ночевали, а днём скитались по двору.

Начались повальные облавы, и однажды вместе с другими людьми немцы схватили и нашу маму. Мы плакали ночью в погребе одни и не знали, что нам делать, куда и к кому идти. Старшая сестра, которой было уже тринадцать лет, успокаивала нас, как могла. Но под утро прибежала мама, убежав из-под стражи с риском для жизни, так как вслед ей слышались выстрелы. Но, к счастью, в темноте враги не попали в неё: видимо, Бог миловал беззащитную женщину, мать четверых детей. Другая женщина тоже решила убежать вслед за нашей мамой, но была застрелена часовыми. Немцы еле вырвали у неё из рук крепко прижатого грудного ребёночка и бросили его в сарай на сено, где находились схваченные жители. Кто-то приютитл бедное дитя, о чём нам потом рассказали очевидцы этого случая.

Облавы становились частыми, и мама решила увести нас в другие, более безопасные края, поскольку жить нам стало негде. Незаметно вечером мы перенесли наши скромные пожитки в заброшенный сарай, где на старой соломе провели ещё одни сутки. Страшно было вокруг: запомнилось пламя пожарищ в соседней деревне, отрывистые лающие немецкие команды, плач детей, выстрелы, крики людей. До сих пор помнится ужас той пережитой ночи, а ведь минуло уже семьдесят лет… До чего цепкая детская память!

А наутро мы с другими беженцами, покидающими свою деревню, захваченную немцами, тащились в сторону деревни Радков, а оттуда – в Любань, где нас приютили мамины дальние родственники и поселили в постройке для хранения овощей, так называемой «стопке». Мы спали прямо на картошке, засыпанной в закрома, застелив её сверху каким-то тряпьём, а обогревались горячими углями, которые приносили в ведре из дома хозяева, топившие печь. В их доме тоже стояли расквартированные немцы.

Маму и старшую сестру Шуру немцы днём выгоняли вместе с другими жителями рыть окопы, строить укрепления, а мы с сестрой Зоней и братом Вовой сидели в темноте, дожидаясь их прихода, боясь выходить на улицу и лишний раз показываться на глаза немцам. Вечером наших родных пригоняли жандармы с бляхами на груди, и они, бедняги, усталые, грязные валились без сил на тряпьё. Мама намеренно одевала старшую сестру в рваную одежду, вымазывала ей личико сажей, чтобы она не привлекала внимания, так как молодых красивых девушек, и даже девочек, жандармы тут же хватали, чтобы отправить в Германию.

Питались мы, в основном, сваренной в печи хозяевами картошкой в мундирах (благо, что хоть она была), а также капустой, свеклой, доставшимися от хозяев и их соседей, иногда приносивших нам даже хлеба или молока. Так мы рано взрослели, лишённые войной детства, привыкали переносить трудности. Но всё же мы росли, постоянно ощущали голод и просили у матери хлеба. А она отворачивалась и смахивала слёзы, потому что ей нечем было накормить нас. Бедная мамочка, как она жалела нас, лишённых всего необходимого!

Так прошла зима 1943 года. А потом, помню, в небе стали появляться наши советские самолёты, а немцы из зениток стреляли по ним. Мы следили за белыми облачками разрывов в уже голубом по-

весеннему небе и молили Бога, чтобы зенитчики не попали в цель. Но однажды на наших глазах был сбит советский самолёт со звёздочками на крыльях. Оставляя хвост дыма, он упал за лесом. Мы плакали, забившись в свою каморку, чтобы нас не увидели во дворе немцы. Нам было жаль погибшего нашего лётчика.

Это уже был 1944 год. В марте мать повела нас из Любани в деревню Некраши к своей матери, к нашей бабушке Степаниде, чтобы вместе смотреть за нами, детьми. Было слякотно, грязно, раскисшая дорога, и на ней – обозы с отступающими немцами. Удивительно, как только мы не погибли в этой кошмарной неразберихе. Видно, Бог был милостив к нам и помог добраться до бабушки. У неё мы переночевали, а наутро немцы выгнали всех нас из домов, собрали в одну колонну и погнали голодных, усталых людей пешком на Рудобелку (Октябрьский). По бокам колонны – полевая жандармерия с бляхами на груди и с овчарками на поводках.

Идти было невыносимо тяжело в старой, разорванной и разбухшей от воды обуви. За плечами у нас были котомки, где было немного сухарей, одеяла от бабушки и кое-что из уцелевшей одежды, которая могла быть обменена на хлеб. Люди в колонне то и дело отставали и падали без сил, их били палками, травили овчарками, жандармы кричали «шнэль!» (быстрее!), а кто совсем не мог подняться, тех пристреливали. Меня попеременно несли на спине мама и старшая сестра, боясь, чтобы я не отстала от всех. Бабушка осталась дома, укрывшись в сарае. Сама я смогла пройти лишь два километра и устала. Не доезжая немного до места, нас, детей, взяли на возы обозники и довезли до пункта сбора.

Помню, что нас привезли к какому-то большому сараю и всех детей выгрузили. Мы плакали от страха, звали наших мам, сестёр, братьев, мы были голодные и сильно замёрзли, долго сидя на сырой земле. И только спустя некоторое время подогнали колонну уставших беженцев, и наши мамы с радостным плачем разобрали нас. И как же они были счастливы, что нас не увезли от них неизвестно куда!

В деревне Лески жандармы согнали нас в длинный колхозный сарай на ночлег, а утром всех выгнали, погрузили в несколько машин и повезли в сторону Косарич. Река Птичь уже разлилась. Машины остановились на мосту, и среди перепуганных людей пронёсся слух,

что здесь нас всех сбросят в реку. Поднялся неимоверный гвалт, крики, плач – ужас охватил людей во всех машинах. И только когда мы благополучно миновали мост, вздох облегчения вырвался у многочисленных беженцев. Река Птичь осталась позади, нас не сбросили в неё, слава Богу!

Вечером нас всех выгрузили в деревне Погорелое. От скученности на полу в тесной избе больных и здоровых мама сразу же слегла с тифом и болела очень тяжело. Нас, в числе других безнадёжных семей, обречённых на вымирание, перевезли в деревню Бережки Глусского района.

Старшим сестре и брату приходилось заботиться обо всех нас, ходить в поле с другими беженцами, доставать из буртов закопанную хозяевами на зиму картошку, собирать щавель, крапиву и кормить нас, поддерживать нашу жизнь. Поскольку все переселенцы спали вповалку на полу на соломе и были неухоженные и истощённые, у нас начались и другие болезни: малярия, чесотка, фурункулёз.

И снова наша мужественная мама, едва оправившаяся сама от болезни, самоотверженно борется за наши жизни и выхаживает нас. Она остригла нам волосы, где-то в деревне у людей разыскала берёзовый дёготь, которым ежедневно смазывала наши болячки. Мы были чёрными, как негры, и на худеньких личиках блестели одни голодные глаза. Чтобы мы не умерли с голоду, мама – мастерица на все руки – ходила в Бережках ткать сельским женщинам полотно взамен на какие-либо продукты. Когда было очень голодно, маме приходилось менять на хлеб кое-что из тех вещей, которые мы носили везде при себе в узелочках. Там были очень яркие шерстяные шали с цветами и бахромой для нас, трёх дочерей (синяя, зелёная, чёрная), платья, ткани, папина одежда и др. Кое-что из этого мы обменивали у сельских жителей на хлеб, сало, свеклу, капусту и этим питались. И, слава Богу, мы выжили, несмотря на все перенесённые страдания.

Но пришла другая беда: по ночам к нам стали наведываться мародёры – мужчины из этой деревни и окружающих. Днём они прятались в лесу, а вечером приходили в свои хаты, чтобы взять продуктов, а заодно потрясти и ограбить бедных беженцев-переселенцев.

Так прошла весна, начиналось лето, и голодные люди ринулись в лес в поисках щавеля, грибов, ягод. И помнится, один старичок

из беженцев собрал, сварил и съел самых ранних грибов (видимо, сморчков или строчков) и, отравившись ими, скончался прямо на улице, на виду у беженцев, корчась от боли и прося помощи. Но никто не смог помочь ему, так как в той деревне ни врачей, ни лекарств не было, а люди были брошены на выживание.

Жизнь в деревне становилась неспокойной. По ночам партизаны минировали дороги, по которым передвигались немецкие машины с боевой техникой и живой силой. А немцы, в свою очередь, «отыгрывались» на мирном населении, в том числе и на нас, беженцах. Часто по утрам немцы собирали стариков, женщин и детей из прилегающих деревень, впрягали их в бороны и заставляли бороновать проезжую часть дорог. Много раз эти несчастные люди взрывались на минах. Жизнь и здесь была не безопасной.

И снова мама, с таким трудом и Божьей милостью сохранившая пока нас всех живыми и дрожавшая за наши жизни, увела нас, как уточка свой выводок, из этих неспокойных мест в направлении города Глуска. По дороге она зашла в чудом уцелевшую больницу и попросила серной мази, чтобы долечить нас от чесотки. Мы пришли в деревню Калатичи (недалеко от Глуска) и остановились в ней.

Там была речка, и она очень скрасила нашу жизнь, оздоровила её. Мы наконец-то отмылись от дёгтя, болячек, грязи. Мама пошла в домработницы к зажиточной польке – пани Шкиндеровой, имеющей большой собственный дом, высокий, как костёл, с большим садом и огородом при нём. Мама убирала в этом доме и полола грядки, давая мне погрызть морковку или пожевать зелёного лучка. Других детей она тоже отдала в работники, чтобы они смогли хоть как-то прокормить себя. Брат пас сельских лошадей с одним старичком, заядлым рыбаком дедушкой Афанасием, и ловил с ним рыбу в речке, часто принося и нам для семьи кое-что из улова. Дедушка рассказывал брату, что у него немцы сожгли невестку и внуков. Он в это время был на речке, но когда подплыл к деревне, увидел, что немцы всех жителей согнали в сарай и подожгли. Он спрятался под лодкой и чудом остался жив.

Сёстры были в других семьях, смотрели за малыми детьми. Вечером они приносили домой всем нам хлеб и молоко. И только ночевали мы все вместе в холодном пустующем здании бывшей столовой при мастерских МТС (машинно-тракторной станции), не

приспособленном для жилья. Это было уже лето 1944 года, когда советские войска усиленно наступали и громили фашистов на всех направлениях.

Помню, как однажды налетели наши самолёты со звёздами на крыльях и стали бомбить скопление замаскированных немецких машин, укрывшихся на улице под густыми зелёными липами. Там же была развёрнута и временная полевая немецкая кухня, где работала в тот день и мама в числе других пригнанных туда женщин. А с мамой была рядом и я, как самая маленькая из детей, хотя к этому времени мне уже было около семи лет. И мы попали с ней в самый центр бомбёжки, в самое пекло. Хорошо помню рёв снижающихся самолётов, страшный свист и грохот сбрасываемых и разрывающихся бомб и летящих осколков, градом сыплющуюся вниз отсечённую зелень лип, панику среди разбегающихся немцев, лающие, отрывистые команды, лязг гусениц, рёв машин и нас, маленьких, мечущихся людей, убегающих из этого ада.

Никогда не забуду, как мама, пробежав со мной несколько домов, засунула меня в стоящий за домом фанерный шкаф без дверцы и закрыла собой проём. Таким образом, в горячке, она «спрятала» меня. И всё же там мы укрылись и переждали бомбёжку. Сбросив бомбы, наши самолёты улетели. К ночи всё стихло, и мы собрались в столовой при мастерских, где ночевали раньше. Слава Богу, никто из нас не пострадал, все остались живы, но страх от пережитого днём не давал нам уснуть. Мы сгрудились в дальнем тёмном уголке столовой за ящиками вокруг мамы, лежали на своих узелках и ожидали наступления утра. Идти нам было больше некуда, так как не было своего угла. Где-то недалеко уже гремела канонада, что-то бухало, рвалось, земля дрожала от рёва множества машин.

Как окажется потом, это был знаменитый «бобруйский котёл», устроенный нашими войсками немцам. Перед вступлением советских войск в Калатичи они всю ночь бомбили шоссе на Слуцк, по которому отступали немецкие войска, обречённые на поражение.

И в ту страшную ночь в той же столовой на глазах у нас пьяные немцы и полицаи, не видя выхода из создавшегося положения, пили, орали, дрались и стрелялись, а мы, приютившиеся в уголке столовой, за ящиками, с ужасом смотрели на всё это. И как только

они не заметили и не расстреляли нас, когда для них уже всё было кончено и безразлично, когда отсутствовал разум и человеческое сострадание, – одному Богу известно. К полуночи пьяные враги куда-то убрались.

Только сверхъестественные силы помогли нам спастись, выжить в этом аду. Наверное, кто-то из нас был оберегом для всей семьи, везучим человеком. Возможно, нас оберегали ангелы-хранители, которые подсказывали маме правильные решения, потому что в тех ситуациях, в которые попадали, мы частенько бывали на волосок от гибели.

И снова наша неутомимая мама, как птица, почуявшая и угадавшая инстинктом, что её птенцы в опасности, начала уводить нас подальше от беды. Мы перебрались в другую деревушку, за лесом, и попали к каким-то людям, пережидавшим начавшийся обстрел в убежище – обыкновенной, вырытой в земле, солдатской землянке. И наша мама в момент затишья, стоя с нами наверху возле землянки, радостно заявила: «Ну, теперь я уже ничего не боюсь, мы – в безопасности, наши гонят немцев и скоро будут здесь». И вдруг повыше её головы со свистом пролетел снаряд и с грохотом разорвался где-то поблизости в лесу. Мама, в горячке обхватив всех нас, с такой силой столкнула в глубину землянки, что мы, падая вниз, сильно ушибли руки, коленки и даже лбы. Потом растирали их и плакали от боли. Но мама и на этот раз спасла всех нас, так как за первым последовали и другие снаряды, и осколки от них, угодившие в ближайшие деревья, могли бы накрыть и нас на земле. Своими жизнями мы были обязаны (уже в который раз!) её чутью, её материнскому инстинкту.

Наступление наших войск продолжалось. Их артиллерия била из-за реки Птичь, и мы, спасаясь в той, последней деревушке, чуть было не угодили под снаряды своих. Вскоре наши войска очистили Калатичи от немцев и заняли их. Мы вернулись назад со своими узелками и пошли к мастерским, где мы жили раньше, но они оказались разрушенными при обстреле. Тогда мама временно поселила нас внизу в доме-“костёле” пани Шкиндеровой, поскольку хозяйка дома бросила всё и бежала на запад с отступавшими немцами, желая вернуться, наверное, к себе, в Польшу.

Деревню заняли бойцы Красной Армии, и в нашем доме они тоже остановились в других комнатах. Мы ликовали от счастья, мы обнимали друг дружку и плакали от радости, что нас “отбили”, спасли от немцев! Вокруг были свои, советские солдаты и офицеры со звёздочками на погонах, которые по-русски говорили с нами, детьми, шутили, смеялись, кормили нас на своей кухне.

Брат вспоминает об этом периоде: “Мама часто водила нас к переправе на реке в надежде увидеть среди красноармейцев нашего отца. А мы, мальчишки, днями просиживали у шоссе, по которому день и ночь перегоняли в тыл немецких военнопленных”.

Мы ещё некоторое время пожили там, но вскоре маме удалось разыскать в Озаричах тётю Федору, свою сестру, бывшую партизанку. Она жила в то время в деревне Казанск Домановичского района, где после освобождения территории Белоруссии от немецких захватчиков в 1944 году, как активистка, работала председателем местного Совета. Всю войну она, находясь в партизанском отряде знаменитого командира – Бумажкова Тихона Ивановича, воевала в наших местах – легендарной Рудобелке, объявленной в годы войны “партизанской республикой” на захваченной врагом территории, имела награды. А теперь, пока мужчины всё ещё находились на фронте, женщинам приходилось восстанавливать разрушенное войной народное хозяйство. Тётя, узнав, что мы все живы, предложила переехать ближе к ней.

И вот на попутных солдатских машинах мама и четверо нас, детей, отвоёванных ею у болезней, голода, холода, страха, убережённых от лагерей, бомбёжек, обстрелов, со своим нехитрым скарбом переехали в деревню Казанск, поближе к своим местам. Нас встретила тётя, кое-чем помогла на первых порах, нашла для нашей семьи съёмное жильё в уцелевшем большом доме одной женщины с тремя детьми, муж которой тоже был на фронте.

Начиналась новая жизнь на освобождённой от врагов земле. Но сколько страшного смертоносного оружия оставила после себя война на наших полях, болотах, в наших белорусских лесах! Сколько мирных людей, собирающих грибы, ягоды, травы ещё погибнет на оставленных минных полях, сколько жизней унесут взорвавшиеся патроны, снаряды и бомбы...

ТАТЬЯНА НЕСИФОРОВА

Родилась 3 января 1952 года в городском посёлке Октябрьский Октябрьского района Гомельской области. Окончила среднюю школу по месту жительства, а затем уехала в столицу Беларуси, где успешно окончила Минский техникум советской торговли (сегодня – Минский торговый колледж). С тех пор живёт и работает в столице. Литературой увлекается с детства. Стихи начала писать в 1995 году. В настоящее время активно продолжает свои изыскания на литературном поприще.

***

Хотелось мне, чтоб было всё иначе,
Чтоб Вас встречать с улыбкой по утрам,
Чтоб Вы при встрече, взгляд от всех не пряча,
Смотрели так, как будто двадцать нам.

Увы, реальность жизни посложнее:
В заботах Вы о женщине другой…
Смириться мне? Конечно, так вернее…
Но больно так от этого порой!..

***

Окно открыто, дождь идёт,
А я смотрю на эти лужи.
Как хорошо, что ты мне нужен:
В душе моей – подъём и взлёт!

Чтоб чуточку хоть быть нежней,
Ты нужен мне, – чтоб жить и верить,
И счастье чтоб шагнуло в двери –
Познать любовь, иметь друзей.

И пусть стучит по крыше дождь –
Когда-нибудь он перестанет.
В душе теплеет от сознанья,
Что я нужна, что ты придёшь…

***

Всё от черёмухи белым-бело,
И снегом сыплются с неё цветы,
Природа улыбается светло
Весенней прелестью и свежестью мечты.

Рассыпан одуванчиков ковёр –
На придорожном светится лугу,
Как будто солнце бросило в упор
На землю искры, что ко всем бегут.

***

Как нищая с протянутой рукой,
Прошу у неба я благословенья:
Коль не даёшь мне счастье и покой,
Так дай мне, Господи, великое терпенье,

Чтоб не сломаться, чтобы не упасть,
Чтоб не согнуться ни душой, ни телом,
Когда кругом всё уплывает вспять,
Что так лелеяла, за что всегда радела...

***

О, если б крылья за спиной, и нам взлететь,
Чтобы на землю с высоты небес смотреть,

Парить в безоблачной дали, как два орла,
Забыв мирскую суету, забыв дела.

Берёшь ты высоту, я – за тобой,
Кружишь ты над землёй в мечте лихой.
Когда устану, к твоему прильну плечу,
Крыло подставишь – я опять взлечу.

Вновь кружит голову простор небес,
Мы под собой увидим речку, лес.
И солнце будет нам глаза слепить,
И будет сердце с сердцем говорить.

***

Какая боль в душе моей –
Незаживающая рана.
И кровоточит всё сильней,
Но я терплю – уж как ни странно.

А что ты сделаешь с судьбой,
Что для неё ты, бедный, значишь?
Я у судьбы прошу покой,
А получается иначе…

***

Мне говорят, что мой удел повыше,
Что не моё – простое ремесло,
Но кто-то должен ведь крутить задвижки,
И должен кто-то людям дать тепло.

Тепло души – о, если б можно было,
Вложила б в тепловую магистраль,

Чтобы тепло там души осветило,
Где поселились холод и печаль.

И, глядя в показания приборов,
Я вижу, что превысила режим,
Знак это, что меж разговоров
Согрет хоть кто-то и теплом моим.

***

Жизнь моя – моё сопротивленье,
В этом мире подлости и зла.
Выношу обиды, оскорбленья,
Но душа по-прежнему светла.

Злом ещё никто не мог согреться.
На судьбу свалилось, на одну, –
Всё, что можно вынести, – на сердце,
Что нельзя – скопилось в седину.

***

Поговори со мной, мне плохо очень,
Печально мне и слишком одиноко,
На сердце – грусть, а на душе – смятенье,
Я вызов бросила, а не смирилась.

Ты, как и я, сейчас не спишь, возможно, –
С бутылкой разговариваешь скупо…
Ты плохо обо мне, прошу, не думай,
В душе я знаю то, чего я стою.

Нас время лечит – всё пройдёт, я знаю,
И боль вином залью в осенний вечер…

Нет, о тебе не думаю с пристрастьем –
С тобой узнала только счастья цену…

***

Сегодня меня предали жестоко.
И кто бы мог подумать? – Лучший друг,
Которому я столько доверяла,
Но пренебрёг доверием он вдруг.

Преподнесён урок? – И по заслугам.
Наивность – вот источник моих бед.
Когда на мир смотреть я перестану
Наивным взглядом юношеских лет?

Я столько раз обманута судьбою
Была – жестокой правдой будних дней.
И столько раз мне обжигали сердце
Обман и ложь, предательство друзей!

Теперь я в одиночестве, в раздумье...
Душой и сердцем истово молюсь:
О, Господи, спаси меня от друга –
Я от врагов сама уберегусь!

***

А нынче ночью хоронила я любовь.
Проститься с ней пришли воспоминанья.
У изголовья я поставила свечу –
Как символ смерти, страсти и желаний.

Слезами боли оросила я цветы,
Которые к груди моей припали,

Но ожили мои цветы в тиши ночной
И имя твоё с нежностью шептали.

Но вдруг услышала я странный тихий звук.
Я вздрогнула. Но всё ж мне не согреться…
Зачем любовь моя воскресла к жизни вновь?
Чтоб боль вернуть в измученное сердце?

***

В сей час торжественный,
когда вокруг друзья,
Банальных слов мне
говорить бы не хотелось.
Но разреши теперь
поздравить мне тебя
И пожелать того,
чтоб в жизни всё имелось.

Чтобы всегда
Надежда, Вера и Любовь
С тобою в жизни
сосуществовали рядом
И силы придавали,
окрыляя вновь и вновь,
А слёзы твоего
чтоб не касались взгляда.

Чтобы Надежда
силу жизни придавала,
Чтоб Вера снова
укрепляла сердца круг,
Чтобы твоя любовь
тебя не покидала,

Когда всё в жизни
даже рушится вокруг!

***

Увы, ночей понадобилось столько,
Чтоб разгадать твой жизненный секрет.
Чтобы понять: друг другу мы – чужие –
Мне много так понадобилось лет!

Как внешне всё у нас благополучно:
Обеды, ужины, театры и кино,
Спор иногда по жизненным вопросам,
Но говорить о главном не дано.

Твои признанья голову не кружат:
Признанья были сказаны другой,
Ты отдал ей все клятвы, обещанья,
Всегда ты с ней – и сердцем, и душой.

Душа твоя – как панцирь черепахи,
Мне заглянуть в неё не суждено,
Но знаю я, что там любовь и верность
Для той, которой нет уже давно.

Кого мы любим – те не умирают,
А тело наше – это прах и тлен.
Любовь жива в бессмертных душах наших,
А тело – наш земной несчастный плен.

Себя для вас я ощущаю лишней,
Лишь ублажаю вас я в нужный срок.
Я развлекаю вас на жизни склоне,
Что губите меня – вам невдомёк.

И кто я вам, чтоб вы меня любили?
Кто я, чтобы меня боготворить?
Я в доме вашем – что-то вроде гейши:
Души не надо, надо лишь кормить.

Финал пришёл, и я прошу прощенья,
Что занесло нелепо к вам судьбой.
За всё, что внесено мне в банк мой личный,
По всем статьям плачу сполна – с лихвой.

***

В июньский день мы шли с тобой вдвоём,
И было солнечно, и мы смеялись.
А женщина сидела под кустом.
Мы подходили ближе, поравнялись.

Она, окликнув, попросила закурить
И, что-то про статью нам объясняя,
О чём-то всё пыталась говорить,
Всем своим видом жалость вызывая.

И будто всё померкло – не пойму.
Душа, как будто бы, отяжелела.
Ну, почему всё так? Ну, почему
Падению такому нет предела?

Как много раз я видела таких:
Раздавленных, униженных в ненастье.
Не мне судить, но знаю: вопреки
Всему они хотели в жизни счастья.

А сколько женщин есть, не павших ниц,
Упрямо на колени не упавших,

Детей растивших крыльями синиц,
Всегда любимыми так быть желавших.

Живём, как вдовы, – при живых мужьях,
И каждый день мы в бой вступаем смело,
Как победить нам боль свою и страх?
Что говорить… Да разве в этом дело?

Чтоб там, где надо, в жизни устоять,
Ведь не у каждой есть характер строгий, –
Чтобы достоинство не потерять,
Чтоб не упасть на жизненной дороге.

Тот факт и я должна, увы, признать –
С той горечью в душе, как на чужбине:
Дано возвысить нас иль растоптать
Лишь в этой жизни сильной половине!..

***

Поговорить я с обществом хочу:
И пусть меня за это осуждают.
Я не боюсь, но сердцем трепещу –
Коль сердце говорит, всё замолкает.

С экрана смотрят детские глаза,
Глаза ребёнка, брошенного мамой.
Взывает к милосердию слеза –
Да, на ТВ – не только лишь реклама.

И сколько ж это брошено детей?
И сколько ж их, что ждут чужую ласку?
И где ж найти родных их матерей,
Кому они рассказывают “сказки”?

Куда они растратили тепло?
Сердца сожгли или, быть может, хуже?
Чтобы забыть родное существо,
Зачем себе вытравливают души?

Хотела бы увидеть я, друзья,
Не детский лик с таким тоскливым взором,
А ту, что матерью назвать нельзя,
Её глаза, покрытые позором.

Так что случилось? Я смотрю окрест.
Что изменилось в нашем поколенье?
Забыв Христа, поправ мораль и честь,
Мы нравственно идём к уничтоженью.

Когда же кончится растление всерьёз,
Мир перестанет мчаться очумело?
Когда ж не будет больше горьких слёз
И дети улыбнутся миру смело?

ВИКТОР ПАВЛОВ

Родился 16 июля 1949 года на Смоленщине (РФ). После окончания в 1972 году высшего военно-политического училища проходил службу на различных должностях по работе с личным составом. Вышел в отставку в звании подполковника. С 2009 года – председатель общественного объединения ветеранов войны и военного строительства. Награждён несколькими медалями. Один из авторов книги “Для обороны, победы и созидания”, посвященной военным строителям Беларуси. Автор многочисленных статей и публикаций о людях военных строек. В 2007 году удостоен Благодарности Митрополита Филарета, Патриаршего Экзарха всея Беларуси за усердные труды во славу Святой Церкви и на благо Отечества.

В июле 1972 года после окончания высшего военного училища мне довелось побывать в гостях у своего дяди Павлова Владимира Федоровича в г. Москве. В присутствии его боевого друга и земляка Героя Советского Союза П.М. Михайлова, я стал участником разговора о спасении раненых американских лётчиков в годы второй мировой войны. Об этом написано и в книге П.М. Михайлова “Сто ночей в горах Югославии”.

ПИЛОТ “БОЛЬШОГО “ДУГЛАСА”

Так в 1944 году на авиабазе союзников в итальянском городе Бари прозвали советского лётчика, Героя Советского Союза Владимира Федоровича Павлова. За время войны он на транспортном самолёте “СИ-47-Дуглас”, которые поставлялись в СССР по ленд-лизу из США, сделал 350 боевых вылетов за линию фронта. В крайне сложных ситуациях ему приходилось доставлять оружие и боеприпасы белорусским партизанам и польским патриотам. В составе полка авиатранспортной дивизии была создана особая группа лётчиков, которая была предназначена для помощи Народно-освободительной армии Югославии. Над морем и горами советские лётчики, прорываясь через зенитный огонь и заслоны истребителей, доставляли партизанам вооружение и боеприпасы, а обратно вывозили раненых. На аэродроме Бари днём и ночью гудели моторы. В небо постоянно поднимались бомбардировщики и истребители союзников, шли тяжелые бои. Среди летчиков союзников были потери, многие из них были сбиты над военными объектами Австрии и Румынии. Спасшись на парашютах, они, порой тропами, пробирались в Италию и выходили к югославским партизанам.

Ближе к осени 1944 года отряд югославских партизан в Сербии попал в окружение, боеприпасы были на исходе. Заодно надо было помочь экипажу самолёта Николая Трифонова, потерпевшего аварию при посадке из-за неправильно выложенных посадочных знаков. В этот день погода была нелётная, приближался мощный грозовой фронт, и самолёт лейтенанта В. Павлова был единственным, вылетевшим в ту ночь с авиабазы г. Бари. В союзническом клубе “Империал” было заключено пари на три бутылки виски, полетят русские или не полетят. Ставивший на русский экипаж, выиграл пари. Самолёт Павлова, снижаясь, погрузился в туманное месиво, пробил облачность и точно приземлился по посадочным знакам, размещённым самим Трофимовым. На площадке в Бойнике югославские партизаны быстро разгрузили самолёт, фашисты были совсем рядом. Командир отряда отвёл Павлова в сторону и сказал о тяжёлом положении партизан. Дело осложнялось тем, что в отряд стекались американские лётчики, чьи самолеты были сбиты во время боевого вылета. Нужно было срочно вывести всех измученных и раненых лётчиков. Из темноты на свет костров к лётчику В. Павлову подошёл пилот ВВС США капитан Карриган. Он передал просьбу союзного командования – вывезти летчиков в Бари. “Нас всего тридцать два, – сказал он, – поэтому полетят только больные, раненые и те, кому выпал счастливый жребий, а это двадцать один человек, сколько мест в “Дугласе”.

Американские лётчики начали посадку в самолёт. Взлётная площадка внушала серьёзные опасения. Павлов попросил партизан свалить несколько деревьев и откатить назад самолёт. Глядя на измученных лётчиков, а некоторые были с забинтованными глазами, сказал: «Грузитесь все!». Тридцать два человека разместились в само-

лёте – кто как мог. Несмотря на возражения капитана Карригана, что это опасно и самолёт перегружен в полтора раза, советский лётчик Павлов решил рискнуть и взять всех сразу. Ранее летая к белорусским партизанам, он брал на борт “Дугласа” до тридцати раненых бойцов. Но здесь горы и сложная метеорологическая обстановка. Но взлёт прошел нормально, тяжело гружёный самолет вовремя ушёл от надвигающейся возвышенности, и лег на курс – в Бари. Бортовой радист Шевцов передал на авиабазу, что на борту находятся американские авиаторы со сбитых “летающих крепостей”, “лайтнингов”, “либерейторов”.

Однако впереди новая опасность ждала экипаж корабля. Самолёт, продолжая движение вверх, попал в океан непроницаемых облаков. Перед самолётом встала чёрная стена грозового фронта, полыхающая вспышками молнии, которую нельзя было обойти или пролететь над ней и под ней. Неведомая сила бросала самолёт вверх и швыряла вниз. Порой казалось, что самолёт разломится надвое. Пилотажные приборы вышли из строя, носовая часть корабля словно горела, узлы и детали искрились, настолько они были наэлектризованы. Волосы у командира, сидевшего в кресле, шевелились и напоминали сияющую корону над головой. Прямые удары молнии образовали две зияющие, словно выжженные автогеном, пробоины в хвостовом оперении самолета. Командир корабля Владимир Павлов в свои 26 лет поседел. Двадцать пять минут самолёт трепала гроза, уже двигатели стали давать перебои, но центр грозовой тучи был пройден. Распахнулось звёздное небо. Путь к аэродрому был открыт. Встречая уже считавшихся пропавшими без вести своих соотечественников, представители командования союзников устроили экипажу самолёта незабываемую встречу. “Это что новый “большой “Дуглас”,” – сказал один из штабных офицеров авиабазы, насчитав тридцать два человека, вышедших из самолёта.

Всю многочисленную колонию союзнической авиалинии облетели слова “большой “Дуглас”. Жены спасённых американских лётчиков на авиабазе Бари и даже местные итальянские мальчишки уважительно стали называть Владимира Павлова пилотом “большого “Дугласа”. 28 августа генерал Твининг, командир авиачасти в Бари, вручил Павлову и членам экипажа Шелкунову, Лисину, Князькову,

Шевцову благодарность за спасение американских лётчиков. На товарищеский ужин в гостиницу “Империал” пришли все тридцать два лётчика – даже те, кого уложили в госпиталь. На встрече все восхищались, как советские лётчики прорвались сквозь такую грозу.

Владимиру Павлову и его товарищам приходилось участвовать в спасении и английских летчиков – вывозить их на перегруженном самолёте с ранеными польскими патриотами из лесов Люблинского воеводства. Ставший впоследствии Героем Советского Союза и кавалером орденов и медалей других государств, летчик В. Павлов на Балканах совершил несколько десятков боевых вылетов, доставил бойцам более 60 тонн боеприпасов, вывез из тыла противника свыше 300 раненых, доставил в отряды 213 солдат и офицеров.

После войны до 1977 года Владимир Федорович Павлов летал на международных авиалиниях, был командиром лайнера ИЛ-62, всего прослужил в авиации 36 лет, налетал 22 тысячи часов. В день его похорон, в апреле 1998 года атташе по вопросам обороны Китом У. Дейтоном в соболезновании была выражена “благодарность за героическое спасение американских лётчиков из нацистского окружения” и подчеркивалось, что Владимир Фёдорович “был героем для 32 вызволенных им американцев, для членов их семей и для всех, кому было известно о его героическом поступке”. Его фамилия упоминается в книге Н.А. Якубовского и В.Н. Якубовского “Крылатые помощники партизан”, рассказывающей о вкладе в победу и о помощи авиаторов белорусским партизанам. Так медаль “За отвагу” он получил за полёт в феврале 1944 года к белорусским партизанам в крайне сложных погодных условиях. Практически в таких условиях не летают. С нескольких заходов была совершена посадка самолёта с боеприпасами. Раненые партизаны были благополучно доставлены в тыл.

В годы войны лётчики совершили к партизанам Белоруссии около 6 тысяч самолёто-планерных вылетов, доставили 2403464 кг различных боевых грузов, переправили в тыл противника 2626 человек, десантировали с посадкой 1534 человека, вывезли из тыла 8986 раненых, больных, стариков и детей. Среди отличившихся авиаторов – Герои Советского Союза Б.Г. Лунц, П.М. Михайлов, В.А. Шипилов, С.Н. Анохин и многие другие лётчики.

РАИСА ПАВЛЮЧУК

Родилась в Брестской области 3 февраля 1955 года. Окончила МЭСИ (Московский университет экономики, статистики и информатики). В настоящее время работает в Минске, в Академии наук Республики Беларусь. Литературой увлекается с детства. Первое стихотворение написала в 2000 году. Активно продолжает свои изыскания на литературном поприще.

МОЕМУ ДРУГУ

Пещера скорби – позади,
Любовь и счастье – впереди:
Ты к ним смелей, мой друг, иди.
Пусть солнце озарит твой путь!
Что радость наполняет грудь,
Сказать Вселенной не забудь!
А песня, что звучит сейчас,
Пусть гимн любви создаст для нас!
Любовь и верность – наш оплот
И к новой жизни поворот!

Весь свод стоит молитвами Отца –
Печаль не тронет моего лица.

В ПОДРАЖАНИЕ У. ШЕКСПИРУ

Не будь его, не знал бы вечный мир,
Что хочет говорить всё испытавший Лир!
У. Шекспир

Остановись, любимая, послушай,
Прошу, свой дерзостный порыв умерь,

Возьми же у любви великодушье
И не захлопывай надежды дверь.

Мечтал сыграть мелодию на скрипке,
Прекрасную, как сказочный цветок,
И майский сад, он расцветал в улыбке,
А ты плела из алых роз венок.

Хотел согреть тебя я у камина,
Своей заботы развернув шатёр,
Ты улыбнулась, явно или мнимо,
Душой весёлой разожгла костёр!

Ты соткана, любимая, послушай,
И из огня, и из великодушья!

ВОСХОДЯЩЕЕ СОЛНЦЕ

В тумане солнце дивное всходило –
С небес его любовь земле светила.
И любовалась солнцем я прекрасным,
Казалось в жизни чистым всё и ясным.

А шар блистал, оттенками играя –
Явление божественного рая:
Корона вся в оправе золотистой,
О, солнце – бриллиант, огромный, чистый!

Как будто солнце душу раскрывало,
И жителям Земли любви желало:
Да, жизнь опять рождалась на Востоке,
И музыка лилась с небес потоком.

ВМЕСТЕ МЫ

Я – сурок, и ты – сурок,
Дверь закрыта на замок.
Всё простив давно друг другу,
Позабыв про снег и вьюгу,
Так хочу, душа моя,
Быть всегда с тобою я!
Больше ничего не надо,
Вместе быть – уже награда!
Разве большее возможно?
Всё вне дома – очень сложно,
Вот тебе моя рука,
Будем вместе на века!

Я – сурок, и ты – сурок,
Вот он – верности урок.

ПРОЩЕНИЕ

Парень девушку прощал,
Нежно за руку держал:
“Дай дождя небес напиться,
Чтоб чудесно исцелиться!”
А Вода ему в ответ:
“Я прощаю белый свет,
Освежаю степи, горы
И небесные просторы.
Освящаю свой завет:
“Защити её от бед!”

Парень девушку прощал,
Ветер кудри всё трепал…

ПРИШЛА ВЕСНА

Пришла весна, настал апрель,
И снова в мыслях канитель!..
Пришел апрель, а с ним весна –
И стало людям не до сна!..

О, как хорош наш друг апрель –
Азартных мыслей карусель!..
И славлю я его с утра:
Ура-ура, апрель! Ура!

ТЕБЕ, ЛЮБИМЫЙ, ПОСВЯЩАЮ

Ко мне пришел, чтоб сделать явью
Мой мир души из сказки снов!
Тебе подвластно царство славы,
Цветенье райских кущ, садов!

Ты – смысл любви и море счастья,
Ты – поцелуй мечты земной,
Защита мне в часы ненастья,
Моя душа всегда с тобой!

Власть нежности и нежность власти –
Ты явлен в мир, чтоб ярко жить!
Счастливый, радостный и страстный –
Желаю вечно рядом быть!

РОЖДЁННЫЙ СЛОВОМ

Спасённый песней искреннего Слова,
Омытый чистой женскою слезой,

Он каменел незримой волей снова
И шёл за ней, за ней – как за звездой…

Он шёл сказать приветливое Слово,
Мечтал увидеть вновь весёлый взгляд,
Но жизнь распорядилась с ним сурово
И не дала сменить зимы наряд…

Но был спасен её заветным Словом,
Молитвой, верой и теплом в глазах,
А сердце, что весь мир любить готово,
Она омоет в ласковых слезах…

ОГОНЬ МЕЧТЫ

Не гаснет никогда огонь мечты,
В нём сотни искр живут и жгут меня
Желаньем поделиться тем огнём
С любимым, космосом, Землёй моей –
Всем людям я дарить огонь хочу!
Одна есть тайна у огня мечты:
Тот сможет на себя его принять,
Кто сможет лень свою преодолеть –
Тот в эру Водолея устремится!
Гори, огонь божественных желаний!
Гори, огонь, всем людям истину дари!
И пусть огонь желанья исполняет,
Достойные божественной мечты!
Мысль будет править в эру Водолея:
Горю уже, чтоб силы накопить
Огню другой мечты, другой эпохи…
О, ожиданье будущих чудес –
Но «манна» к нам с небес не упадёт:

Всё чудо – в ваших трепетных руках,
И в ваших пламенных сердцах, конечно!

Горите. Делайте. Идите и творите.
И верьте, и любите – всё так просто!

ШИПОВНИК И РОЗА

В саду волшебном Роза расцветала,
Нежнейшим в мир дышала ароматом.
Стихи с восторгом пылким посвящали,
Воспели лепестки прекрасной Розы.

О, Роза! Ты цветок любви и мира,
Цветы где расцветают, так прекрасны,
Живут где гармонично в счастье люди,
Друг другу радость дарят и удачу.

Когда решила ты прийти на Землю,
Дать людям вечный свет зари бездонной,
То попросила ты земной кустарник
Поддержкой стать твоей в суровом мире.

Шиповник скромный с небом согласился,
Без памяти влюбился сразу в Розу,
В слезах он преклонил пред ней колено,
И стал для Розы навсегда опорой.

Любить, решил он, Розу будет вечно,
Несёт из космоса любовь что людям,
Посланнице небес стихи слагает,
И Розу славит в песнях он чудесных!

ХОЧУ ЛЮБИМОЙ БЫТЬ

Хочу любимой быть твоей,
Любимой спутницей навечно
И грусть твою считать своей,
И целовать тебя сердечно.

Хочу с тобою быть всегда,
С тобой идти по жизни рядом.
Как путеводная звезда,
С небес сиять лучистым взглядом.

Художник у любви в долгу –
Я про мыслителя родного.
В любви творца узнать смогу –
Желанья в мире нет другого.

Хочу быстрее злобы быть,
Быстрее пули для поэта,
Чтоб грудь родную защитить
От злого умысла, навета.

В Михайлов день живу мечтой,
Живу мечтою к Михаилу,
живу,
кричу,
молчу –
с тобой,
Я знаю, скоро буду – с милым.

ОБРАЩЕНИЕ К ЖЕНЩИНЕ

Ты – загадка и сюрприз без края,
И не разгадать тебя вовек!

Знает, надо жить, всё украшая,
Женщина – как каждый человек!

Ты умеешь в грусти быть счастливой,
Знаешь, как счастливой быть, любя,
Пусть проходят дни твои красиво,
Грусть пускай обходит всё ж тебя!

Рада добротою поделиться
С тем, кому нужна в его пути!..
Помнишь: надо много потрудиться,
Чтобы зажечь огонь, чтобы дойти…

Жизнь для близких – вот твоё призванье,
Это понимаешь ты вполне.
Отвечаешь за свои желанья,
Все желанья зреют в тишине:

Хочешь быть любимой и красивой,
Вовлеченной в радость бытия,
И Любовь представить полной силой –
В замыслах Творца и бытия!

Ты – само вселенское волненье,
Чудеса пусть будут для тебя!
Знаешь ты своё предназначенье:
Воспевать и восхищать, любя!

ПРИВЕТСТВИЕ СОЗВЕЗДИЮ РЫБЫ ОТ СОЗВЕЗДИЯ ВОДОЛЕЯ

Нежно Рыбку обнимая,
Всего лучшего желая,

Пожелаю, друг ты мой,
Быть всегда в ладу с собой!
Смех любить, веселье, радость,
Быть самой себе не в тягость,
При желанье – без труда
Брать себя же из пруда!

Я, как “Лейка”, пропою:
“Рыбка, я тебя люблю”!
Рыбка – космоса вода,
Я же – небо, и всегда
Тебя рада поддержать,
Стань источником опять.
Космос нас объединил
И кувшин с водой вручил!

Рыбка! Просьба у меня:
Одолжи мне на три дня
От души, без состраданья –
Нежности и обаянья.
Поношу, не обману –
А потом сполна верну.
Все долги я возвращаю –
Все кругом про это знают.

Шлю тебе я пожеланья,
Сердца верного признанья:
Чтоб здоровой быть могла,
Чтобы чистою была
Вся вода, что льется с неба!
А к воде – святого хлеба!
Я люблю тебя, мой друг,
Без тебя – снега вокруг…

Нас с тобой не разольёшь –
Приколи на лацкан брошь!
(Кто же на кого похож?)

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Баю-баю, мой малыш,
Все уснули, ты не спишь.
Баю-баю, засыпай,
Дверку в сказку открывай…

Посмотри, летает в ней
Стая белых голубей,
Белка прыгает в дупло –
Сон стучится к нам в стекло.

Спят и птичка, и сверчок,
Мышка, ёж, бурундучок.
Детки спать хотят опять,
Чтобы солнышко встречать

Летом, в мае, в сентябре,
Рано утром – на заре.
Баю-баю, засыпай,
Дверку в сказку закрывай…

АЛЯКСЕЙ ПАЛАЧАНСКІ

Нарадзіўся 26 сакавіка 1992 года ў Мінску. Скончыў ліцэй Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта ў 2009 годзе. Зараз вучыцца на факультэце радыёфізікі і электронікі БДУ, студэнт 4 курса. Піша на беларускай мове вершы і прозу. Друкаваў свае творы ў часопісе "Верасень", у зборніку "Мільён непатрэбных гукаў". Жыве ў Мінску.

ДАЛЁКІЯ АГНІ

Аповесць

1.

Анатоль выпхнуўся з цёплай хаты на двор, узяў рукі ў бакі і моцна ўздыхнуў. Доўга стаяць было зімна і цёмна, таму ён хутка зрабіў сваю справу, не сыходзячы з ганка, і павярнуў назад. Потым, узгадаўшы, пляснуў рукамі і, ныючы сабе пад нос, пацягнуўся ў прыбудоўку. Вярнуўшыся, скінуў перад грубкай ахапак дроваў, прысеў, ледзь не рыпнуўшы, ды пачаў грэбці ў топцы. Гарачыя водблескі скакалі па твары, потны шчарбаты лоб выглядаў, як апельсін. Анатоль прычыніў дзверцы, падышоў, зрабіў сабе радыё. Перадавалі вячэрнія навіны. Анатоль сядзеў у куце ды згодна прымаўляў: "Во, правільна. Яны там усе сабе разам..."

Стары Анатоль збіраўся паміраць. Няма чаго было яму рабіць, асабліва ўзімку, хадзіў толькі з кута ў кут ды чакаў. Спачатку нерашуча, з болем, шкада было ўсё ж нажытага, а потым ужо амаль абыякава. "Хай сабе нябыт, хай сабе жыццё вечнае, хто яго ведае, усяго дачакаюся," – думаў Анатоль. Ды нешта зачакаўся ён ужо. Адна зіма мінула, другая, а ён усё гэтак жа хадзіў, слухаў, круціў радыё. Людзі збіраліся, святкавалі, прэзідэнты паднімалі кошты, кожны дзень быццам нешта новае, але ўсё тое ж. А стары Анатоль сядзеў пад прымачом ды пазяхаў, хоць спаць і не хацеў.

Надумаўся Анатоль перад самым сном яшчэ раз вылезці на ганак – ненадоўга, бо надта ж марозна было.

Неба чыстае, густа зоркамі пасыпанае. За друзлым плотам – прасторы цёмныя, таямнічыя, ды лес сцяной. Халодна на сам оце. А за полем, далёка-далёка, агеньчыкі слабыя, адзін ля аднаго – жытло. Штук дзевяць пра сябе налічыў Анатоль: "Дзевяць хат. Цёпла ім там... дружна". Ён уявіў, як тыя жыхары не спяць увесь вечар, а ходзяць адзін да аднаго, вітаючца: "Кірыл! Ну, як ты?" А яму: "Нічога! Заходзь, сусед, на блінцы". І сусед ужо бярэ і жонку, і дзяцей, і ідуць яны ўсёй грамадой у госці, і сядзяць аж дапазна, бо зіма, нікуды рана не трэба. Іншым вечарам сусед і лазёнку выцяпліць, і пляшку паставіць, і сала наскрыліць, і халоднай цыбулі начэша. А як возьме ў рот, дык прасмокча задаволена: "Аж-ж-жажжж…" А потым плясне сябра па плячу – куды ты ўжо, маўляў, назад пасунешся – кладзіся, давай, тут, у прылазніку. Пакуль цёпла, паснуць мужыкі, а жонка сярод ночы ўсхопіцца, узніме вэрхал, пачне п'яных дамоў з прастылай лазні цягнуць, усю вёску перабудзіць... так марыў сам сабе Анатоль на старасці. "Каб хоць…"

Узгадаў стары, што даўні яго прыяцель, Аўген, жыве ў тых аганьках, калі не памёр, вядома. Даўно не бачыліся старыя, ад самай працы на колішняй лесапільні.

Анатоль ужо павярнуўся ды ўзяўся за клямку, але загледзеўся на далёкія агні. "Зірк! Зірк!" – мігцелі яны і трымцелі ад холаду. Нібыта каралі, рассыпаліся па полі, раскаціліся і сумна заўсміхаліся. "Міко-о-ла!" "Пілі-і-п!" – так і карцела пачуць з таго боку, але поле захоўвала нішчымную цішу. Стары правёў сухой рукой па твары.

"А што мне – памерці? Наўрад яшчэ хто сюды прыедзе. Ды па радыё ўжо нічога не скажуць. Пайду..." – падумаў – і спужаўся. Куды ўжо яму ісці, яшчэ чаго – вылазіць! Лепш ужо дасядзець сваё ў цяпле, а тыя хай сабе ходзяць у сваіх аганьках. "Нібыта мяне чакаюць там, яшчэ чаго..." – прашыла ў галаву думка.

Але з маладосці Анатоль быў такі, што калі ў галаву што якое залезе, дык абавязкова спраўдзіцца. І хоць стары раздражнёна замкнуў дзверы, плюнуў у печ і залез з галавой пад коўдру, каб хутчэй паснуць, ён ведаў, што нічога не выйдзе. Праз паўгадзіны ён ужо, нездаволена гугнячы сабе пад нос, усцягваў на кашчавыя ногі валёнкі, хутаўся ў старую ватоўку без гузікаў і, сыходзячы з ганка, скардзіўся:

– Ну, Пане Божа, Твая Воля…

А далёкія агні вабілі яго і цягнулі праз марозную ноч і калючыя сумёты.

2.

Стары Анатоль блукаў. Увесь час правальваўся пад снег, а сляды блыталіся самі з сабой. Завея круціла яго па колу, і па колу круціліся чатыры звяглівыя думкі: “Ну і не сядзелася старому дома... Спаў бы зараз, ужо дзесяты сон бачыў. Не – цягнула ўсё, цягнула... Дзе цяпер тыя твае агні?” Дарэмна ўглядаўся стары праз густы снег: ні накірунку не ведаў ён, ні адлегласці. Куды занесла? “Я ж усё дарогі трымаўся”.

Анатоль убіўся ў калючыя хмызы, ледзь выбраўся – і адразу пад нагой трэснуў лёд. Стары тут жа ўмлеў і палез задам праз кустоўе. “Рэчка… добра ж я ўбок даў…”

Ён прыгадаў зусім як бы і недарэчы, як усё жыццё хадзіў на гэтую рэчку. Дурэў з сябрамі, ныраў на глыбіні, даставаў да дна, цягаў рыбу з бацькам. Пазней, як бацькі не стала, то і рыба ўся перавялася, але ён прыходзіў і неяк журботна сядзеў на беразе з вудай, потым проста прыходзіў на змярканні і стаяў... Вось ужо колькі год ён тут не быў...

Замяло... Усё прастора навокал – куды ісці?

Логіка, чалавечая логіка дапамагала старому, падказвала, што мусіць быць дарога, дый памяць нешта згодна мармытала ў паўсне, але завея гнала сваё. Ад моцнага ветра цяжка было засяродзіцца. На кожны крок дзед падаў у снег. Пустэча, здавалася, сама рухалася, і не вядома было, што наступнае выпаўзе з цемры. Вось дрэвы сталі перад ім, ускінуўшы ўгору вецце. “Зусім як бы валасы дыбам, – нечакана здрыгануўся стары. – І як я раней не заўважаў?” Заварушылася шапка на галаве. Нешта цягнула яго ўвагу.

Пачынаўся лес. Але лес ад рэчкі адступаў самае малое кіламетры на тры-чатыры, а дзед прайшоў усяго метраў сто. Ён прасунуўся паміж ствалоў, дзе вецер быў спакайнейшы. “Нешта зусім тут не тое, – соп стары, – нешта я зусім... Хто гэта стаіць?..” Ірваныя сосны нахіліліся на тле густой хмары.

Анатоль гукнуў два разы. Рэха пракацілася па ствалам і сышло ў цемень:

– Ні-ко-га?

– Ні-ко-га…

Раней было ўсё па-іншаму. Анатоль памятаў.

Поле перад лесам таемна шарэла і знікала ў завеі. Стары ўглядаўся ў яго ў надзеі пабачыць які далёкі водбліск. Але чым даўжэй ён глядзеў, тым больш баяўся пабачыць тое, чаго там быць не магло. Гэтак ноччу на пустой дарозе часам здаецца ціхі падарожнік. Але нікога няма – усё сядзіць у самім чалавеку.

“Бацька? Што, калі бацька з’явіцца... О, гэта ж будзе... Бацька!” – нечакана падумаў стары.

Анатоль адвярнуўся і пайшоў у іншы бок. “Бацька” як бы заставаўся на мяжы. “І я быў бы рады набіць свой страўнік ражкамі... – пранеслася ў галаве. – Божа, няўжо я так заблукаў?”

Было б куды ўцячы... Але выразна было зразумела, што не туды прыйдзе стары, куды направіцца, а туды, куды снег завядзе. Стары прыхіліўся да дрэва.

“Акалееш пад кустом. Усё жыццё цягнула кудысьці – ну, во і выцягнула...” – калола думка.

Раптам завея неяк суцішылася, абляглася. Лес падаўся яшчэ больш пакінутым, гулкім, як старадаўняя каланада. Зверху за павуціннем хаваліся нябесныя фрэскі. Нешта рыпела.

Настаў спакой, нібы ўсе пытанні адмёрзлі. Анатоль захінуў крысо ватоўкі, сцепануўся і пазяхнуў. З разадраных хмар вылез месяц і ўсміхнуўся ва ўсе зубы. “Хораша, хоць і халодна. Зоры... – прадумаў стары, апускаючыся па ствале ў снег, пад самы камель. – Хораша, і хай так будзе... заўсёды”.

3.

“Колькі наймітаў... гэта ж колькі наймітаў сапраўды... і навошта яму столькі?” – так думаў Анатоль, прастуючы да свайго бацькі. Ён ішоў па начным полі, навокал былі раскладзеныя вогнішчы, каля якіх грэліся групы наймітаў, стомленых і задаволеных. Некаторыя адпачывалі, некаторыя ціха перамаўляліся, каб не пабудзіць спячых. Дзесьці смажылі мяса.

– Хопіць, здымай ужо! – крычалі мужыкі.

– Сравата яшчэ!

Анатоль каўтнуў. Ён ужо хацеў падысці да мужыкоў, як заўважыў бацьку, які бег яму насустрач. Ён быў у адной кашулі, відаць, спрасонку, ускудлачаная галава круцілася ў бакі, пакуль не ўбачыла сына.

– Я… – пачаў Анатоль, але бацька схапіў яго ў моцныя мужыцкія абдоймы, затрос і расцалаваў, абкалоўшы Анатоля сваёй барадой. Потым глянуў сыну ў вочы, сціснуў яго яшчэ мацней і заплакаў, нават неяк жаласна скуголячы.

А потым яны сядзелі за сталом, вячэралі і грэліся, а са двара чуліся воклічы наймітаў, сабраных вакол вогнішчаў. Дзверы ціхенька парыпвалі – нехта мог яшчэ прыйсці.

Бацька закіпяціў ваду, і ўсю ноч яны пілі гарбату, бегалі на двор і ўсміхаліся, пляскаючы адзін аднаму па каленах. Анатоль уздыхаў з палёгкай і таксама праслязіўся – са смеху ці яшчэ ад чаго. Пад самую раніцу, калі найміты даўно ўжо адпачывалі пад сваімі шырокімі коўдрамі, Анатоль, стомлены з дарогі, адправіўся спаць. Ён адсунуў цяжкую фіранку і вызірнуў у акенца ля ложка. Паўсюль цьмелі раскіданыя вогнішчы, ператвараліся ўдалечы ў ледзь заўважныя знічы і пераходзілі ў высокія зоркі, вакол якіх таксама сядзелі людзі, спалі або ціха перамаўляліся, чакаючы світання. Яны былі так блізка, што можна было паклікаць кожнага або падысці і падсесці да яго ля вогнішча. Анатоль замер на імгненне, узгарэўся і сам стаў адной з гэтых зорак.

І ўсё навокал было бясконца…

4.

Вясновай ноччу дзед Аўген сядзеў на сваім ганку у разваленым крэсле і сумна перабіраў пражытыя ўспаміны. Быццам пыл садзіўся на іх з цягам часу, але, здзімаючы яго, траціўся нейкі смак гэтых успамінаў і рабіліся яны прэснымі і нязначнымі.

Нюх прытупіўся у дзеда Аўгена, і ўжо шмат чаго ён не мог пачуць, хоць і памятаў, што такое ёсць. “Што ты мне ўжо свеціш? – прыкра глядзеў ён на месяц над лесам. – Позна ўжо...”

Месяц паволі апусціўся, а над лесам засталіся цёплыя знічы, далёкія, амаль недасяжныя.

“Вось калі б... мой агеньчык быў адным з іх,” – пажадаў пра сябе Аўген...

ЛИЛИЯ ПЕРЕНЕСЕНКО

Родилась 22 июня 1948 года в г. Мосты Гродненской области. Окончила исторический факультет Белорусского государственного университета им. В.И. Ленина. Преподаватель истории. В 1998 году написала первый мини-рассказ. С 2003 по 2011 гг. неоднократно печаталась в газетах «Знамя юности», «Чистый мир», «Голос Галактики».

ДУШЕВНАЯ БОЛЬ И ЕЁ ПОСЛЕДСТВИЯ

Был тёплый летний вечер. Андрей сидел в кресле на балконе и смотрел на небо, которое всё было в звёздах. Луна светила прямо на Андрея. Воздух был свежий, пахло лиловым цветом. Андрей ничего не замечал. Он думал о своей семейной жизни. Вот уже три года он был женат на Лизе – голубоглазой, светловолосой и стройной женщине. Андрей любил Лизу и поэтому старался выполнить все её просьбы и капризы. Но сегодня он вдруг понял, что постепенно становится безмолвным орудием её властных требований. И вот сейчас он сидит в полном одиночестве и анализирует, что произошло за эти три года.

А произошло следующее. Андрей забросил писать свою книгу “Творчество и человек” – он был журналист и писатель, – забросил потому, что помогал Лизе писать диссертацию – по её просьбе. Андрей забыл, когда встречался со своими друзьями, потому что постоянно ходил с Лизой на все бесконечные ужины с “нужными” людьми. И ещё он очень редко стал видеть свою мать, так как каждые выходные они с женой были в гостях у Лизиных родителей. Но последней каплей стала беседа с Лизиным одноклассником, который сказал Андрею, что очень ему сочувствует, потому что Лиза – классическая эгоистка, и всегда будет думать только о себе, и делать всё только для себя. После этих его слов у Андрея открылись глаза: он вдруг увидел всё в другом свете. И от этого в душе возникла тупая постоянная боль, которая не отпускала его уже целую неделю.

И вот сейчас, на балконе, он тоже сидел с этой болью. И вдруг Андрей стал молиться: “Господи, помоги мне! Я люблю эту женщи-

ну. Что мне делать, чтобы Лиза стала доброй, отзывчивой? Господи! Научи Лизу любить, понимать других людей. Научи её думать о других людях, не только о себе!” Но небо молчало, и только Луна стала светить ярче, и даже как бы приблизилась к балкону.

Незаметно для себя Андрей уснул. Через два часа он проснулся с ощущением, что ему стало очень легко, радостно, от этого он запел песенку о Чебурашке. И вдруг Андрей замолчал: он понял, почему ему стало так хорошо. Сон! Ему снился необыкновенный сон. Во сне он был на Луне. Его там встретили тонкие девушки, очень красивые, но они были прозрачны и светились прозрачным лунным светом – это были Лунные богини. Богини окружили Андрея и стали петь ему песню. Песня была без слов. Но вместо слов девушки излучали светлые энергии, которые проникали в Андрея. И Андрею становилось легко и радостно. Потом девушки подхватили его и понесли, и вскоре он увидел огромное пространство, сияющее золотистым цветом. В центре пространства на огромном белом троне сидела женщина. И Андрей услышал её тихий нежный голос: “Я приветствую тебя, Землянин. Я знаю твою беду. Тебя мы вылечим энергиями света. Лизе ты должен помочь сам. Используй свою энергию Любви. У тебя её много. Ежедневно и несколько раз в день после молитвы Богу о помощи говори мысленно: “Я люблю тебя, моя прекрасная Лиза. И я знаю: у тебя светлая добрая Душа. Твоё сердце полно Божественной Истиной Любви. И ты готова дарить её всем вокруг. Будь Благословенна, моя дорогая Лиза! Во славу Бога. Будь Благословенна силой радости, щедростью сердца, милосердием и состраданием к другим людям!” Посылай ей каждый час мысленные слова любви, добра и красоты. И её сердце откликнется любовью на твою любовь. Удачи тебе, Землянин!”

Прошло ещё три года. Все эти годы Андрей постоянно делал то, чему его научили во сне. И как когда-то в одной сказке Герда своей любовью растопила обледеневшее сердце Кая, так и Андрей своей любовью разбудил сердце Лизы, и оно откликнулось нежной заботой о нём, пониманием, жертвенностью, милосердием. А всё это вместе называется Любовь.

ИСПОВЕДЬ

Исповедь – это рассказ о своих самых сокровенных тайнах, хороших и плохих. Люди обычно очень мучительно и долго готовятся к этому важному моменту в своей жизни. Исповедь, о которой пойдёт речь, была необыкновенной, потому что исповедующейся была груша – прекрасное дерево, растущее возле школы. Это было самое высокое плодовое дерево микрорайона.

Зимой груша удивляла своими огромными голыми ветвями, торчащими в разные стороны, и казалось, что это стоит заколдованный великан, который получил такую участь за своё великодушие и щедрость сердца. Весной дерево преображалось и удивляло всех своей пышной кроной и необыкновенно густым цветением, обещающим богатый урожай.

Однажды утром груша была особенно красива: листья отливали яркой зеленью и блестели. Мелкие цветочки кружевным облаком покрыли дерево и источали восхитительный аромат, который по неизвестным причинам превращался в слова, а те, в свою очередь, выстраивались в стройные предложения и окружали идущих на работу людей, ничего не подозревающих об этом.

А слова были такие: “Люди, я вас всех люблю и готова поделиться с вами не только своими вкусными плодами, но и историей жизни, слушайте меня… Я когда-то жила на огромном острове в Тихом океане и была маленьким деревом. Меня согревало ласковое южное солнце, освежал ветер. На мне росли большие сочные плоды, которые снимали с меня дети хозяина острова. Делали они это бережно и с любовью, однако хозяин острова подарил меня своему другу, капитану большого корабля.

Меня долго везли в трюме корабля, а потом посадили в саду отца капитана, хорошего и доброго старика. Старик любил меня, вовремя окапывал и часто со мной разговаривал, называя меня заморской красавицей. Мне это всё нравилось, и я благодарила старика большими и вкусными грушами. Но тут случилось непоправимое: старика переселили в новый дом. Его дом разломали, и я уцелела чудом. Но почему-то стала быстро расти. Так как за мной перестали ухаживать, то плоды мои стали маленькими и не очень вкусными.

Сейчас я стала большим и красивым деревом, но меня может обидеть даже самый маленький ребёнок. Я люблю вас, мальчишки и девчонки, даже тогда, когда вы грубо ругаетесь между собою, даже тогда, когда вы надкусываете и бросаете мои маленькие и кислые плоды. Но я прошу вас, не бросайте в меня палками и не ломайте мои ветки: я ведь живая, и мне больно, и я – мечтающая груша, а значит – особо ранимая.

А мечтаю я о том, что меня кто-то всё-таки опять полюбит, сильно полюбит, погладит мой ствол, потрогает веточки, полюбуется моими цветочками, съест с похвалой мои кислые плоды, скажет мне "спасибо" и поговорит со мной о том, как ласково светит Солнце, как прекрасно голубое небо, как загадочна Луна, и как красивы звёзды своим мерцанием. Или кто-то просто расскажет о себе, своих проблемах, и я почувствую, что я нужна в этом мире кому-то, и чувство большой благодарности, исходящее от любящего меня человека, улучшит качество моих соков. Они побегут весёлыми животворящими ручейками по моим веточкам, и цветки станут более ароматными, а мои плоды опять станут вкусными и сочными.

Помогите мне, люди, опять стать вкусной грушей!"

ЗАВЕРШЕНИЕ РАБОЧЕГО ДНЯ ПРИРОДЫ

В этот вечер Солнце решило не баловать своим обычным разноцветьем красок заката, и просто в одном скромном оранжевом ореоле закатилось за высокий холм, густо усаженный лесом. Но многочисленное население Природы всё ещё продолжало щебетать, каркать, мычать и гавкать. Было такое впечатление, что заканчивается рабочий день на огромной стройке, где каждому определено своё рабочее место и важное задание. Вороны, как непонятливые практиканты, тревожно и бесконечно спрашивали: "Как? Как? Как?" Собаки, как умудрённые большим опытом прорабы, но с раздражительным и гневливым характером, лаяли им в ответ свои объяснения. Коровы – начальники стройки, важные и толстые, степенно и изредка мычали, одобряя напористое объяснение лающих "прорабов".

Но были на этой стройке и опытные работники, которые очень спокойно чирикали, свистели и верещали – вот они были самыми главными, так как в их чирикании, свистении и верещании слышались мудрые рассуждения: "Зачем зря волноваться, без толку гавкать и каркать, когда только мы творим красоту своим спокойным и тонким чутьём, которое выражается богатым разнотональным пением, выступающим основным и завершающим украшением звучаний говорящего населения Природы".

Под этот аккомпанемент небо становилось тёмным, и скоро наступившие сумерки успокоили вначале основных "строителей" красивых и тонких звуков, потом каркающих "практикантов" и мычащих "начальников", и только гавкающие "прорабы" продолжали изредка нарушать наступившую тишину на бесконечной стройке Природы.

ГОЛУБЫЕ ВОЛШЕБНИЦЫ НЕБА

Как в любимом человеке можешь открывать для себя что-то новое и прекрасное, так и небо нам, любимым и охраняемым им, показывает практически все красоты своего бездонного богатства.

Сегодня небо было густо-облачное, причём облака были уныло-серыми и непривлекательными, но в одном месте под блестящим крылом солнца всё было иначе. Там жила сказка. Она сегодня была бело-голубая: приближенные к солнцу облака отдельным фрагментом выделялись своей пышностью и фантазийностью форм, которые напоминали зефир, только огромный и пышный.

Зефир бывает белый, розовый и бело-розовый, а зефирные облака были бело-голубые. Небесные же зефирины были очень воздушные и прекрасные и заботливо подсвечивались Солнцем – великим художником неба. Они являли собой этакий бело-голубой, воздушно-прозрачный коловорот облачной красоты, прекрасный в своём непостоянстве волшебного преображения.

ИГОРЬ ПИСКУН

Родился 28 декабря 1966 года в г. Петрикове на Гомельщине. Окончил Мозырский педагогический институт. В настоящее время работает директором частной фирмы. Живет в Гомеле. По утверждению этого автора, поэзия является главной отдушиной в его жизни. Среди любимых авторов Игоря Пискуна – Михаил Лермонтов, Иван Бунин, Джорджж Гордон Байрон, Джек Лондон, Максим Богданович.

МЫСЛИ ВСЛУХ

Я хочу рассказать здесь, стихи что такое.
Это есть не набор предложений и фраз,
Иногда нам доносит Господь своей волей
То, что сирым нам так не понятно сейчас.

Не понятно порой, почему мы болеем,
Почему иногда мы так плохо живём.
Но скажите, а в Бога мы искренне верим?
Или только богатства от неба всё ждем?

В церкви снова стоишь так покорно пред Богом,
Только ближнему, милый, что ж ты не помог?
Процветаешь, удачно сложилась дорога,
Только нищий на твой ведь не ступит порог.

Но богатство, поверь, не возьмешь ты с собою,
Гордость брось, хоть немного ты нищим подай,
Поделись ты с больным, со слепцом, с сиротою,
И друзей своих верных ты не забывай!

Коль изменишься сам, то поверь: чередою
Изменяться начнёт всё – увидишь – вокруг.
В чудеса можно верить, хотя бы порою,
Когда знаешь: Христос – самый верный твой друг!

ПТИЦА ВЫСОКОГО ПОЛЁТА

Орёл не тот, кто высоко летал,
Иль в небе что парит красиво,
А тот, кто падал и опять взмывал,
Последние отдав на это силы.

Не каждый может рассчитать полёт,
Полет души и дальность перелёта.
Но только вот почти что каждый ждёт,
Чтоб за него всё это сделал кто-то.

Не жди, друг мой, ты помощи чужой,
Запомни: ты – орёл, свободный, гордый.
Совет тебе ведь могут дать плохой,
Своим умом живи, будь смелым, твёрдым.

Расправив крылья, не страшась, лети
В просторы неземные поднебесья.
И сможешь там себя ты всё ж найти,
Вот только силы ты найди и взвейся!

А трудности, возникшие в пути,
Которых будет, ты поверь, не мало,
Придется всё равно тебе пройти,
Пройти – и всё. Во что бы то ни стало!

ПОЛЕССКИЙ РАЙ

Есть чудный город на Полесье –
Тот, что на Припяти стоит.
Поют здесь люди звонко песни,
И жизнь счастливая бурлит.

Озёра, дивная природа,
И люди добрые живут,
Места грибные – год от года.
Тот город Петриков зовут.

Здесь солнце светит по-другому,
Хоть пред Всевышним – все равны,
По своему тут жизнь закону
Идёт. Живёт народ страны.

Здесь встретят хлебом, встретят солью,
Расскажут тьму “палешуки”,
Поделятся добром и болью,
Но в жизни чаще – шутники.

Так пусть живёт и процветает
Любимый всеми нами край.
И пусть никто не забывает,
Что это наш Полесский рай!

ВЕРНАЯ ДОРОГА

Коль врагу ты счастья пожелал,
И с тебя корона не упала,
Знай, ты ничего не потерял,
Для тебя ещё не всё пропало!

А коль ты обиду затаил
В сердце, иль задумал что плохое,
То, наверно, Бога ты забыл,
И напрасно вздумал ты такое!

Людям всё же нужно помогать,
Не стесняться раздавать советы.

Коль придётся что-то вдруг отдать,
Не страдай серьёзно ты при этом.

Преумножится добро вдвойне,
А глядишь – вернётся многократно.
В той нелёгкой жизненной войне
Победитель кто – давно понятно.

Я хочу любви всем пожелать –
Что же может в жизни быть дороже? –
И частичку всем тепла отдать,
Но ведь и она вернётся тоже.

Время подойдёт, и мы поймём
И ошибки в жизни, и просчёты.
Из “гостей” мы всё равно уйдём,
И сводить не стоит с жизнью счёты.

Жизнь дана, чтоб пронести любовь
В трудностях и радостях познанья.
Только б сердце не узнало боль,
Проходя сквозь эти испытанья.

БЕРЁЗКА МОЛОДАЯ

Берёзка кудри свесила.
Серёжки нацепила,
Но что-то ей не весело,
И сильно загрустила.

Ах ты, берёзка милая!
Клён рядышком с тобою.
Ты до того красивая,
Что он влюблён порою.

Придут ветра со стужею,
Как будешь зимовать-то?
Зима уж скоро вьюжная,
Пора бы в пару стать-то.

Берёзка – молодёшенька,
Не быть ей с клёном парой:
“Останусь одинёшенька,
Ведь клён – совсем он старый!”

СОЛНЦА ЛУЧИК

Солнца лучик тянется сквозь тучи…
Нас скорей своим теплом согрей,
Ты так долго, лучик, нас не мучай,
Люди станут пусть чуть-чуть добрей.

От тепла им станет много лучше.
Кто ж добра им, сирым, пожелает,
Кто откроет им свою всю душу?
В жизни ведь нечасто так бывает.

И нельзя к себе так относиться:
Волком жить всю жизнь и волком выть.
Лучше попытаться помириться,
Чем врагами в этой жизни быть!

Каждый всё из детских сказок знает.
И к врагу зайди ты поутру,
Ведь добро злое всё побеждает –
Помирись с врагом – и быть добру!

Мы ошибки часто повторяем
В жизни, и так любим говорить,

Заповедь одну мы забываем –
Ту, что надо ближнего любить.

Так что, люди, не судите строго,
Даже пусть и по земным делам,
Ведь у каждого – своя дорога,
И пройти её не просто нам!

ПРОЗРЕНИЕ

Просить если можно чего-то,
То стал бы просить у Христа
По силам достойной работы,
И в жизни любви лет до ста!

Не буду просить я богатства
И благ всевозможных земных:
Всё это – излишки пространства,
В мирах не сгодятся иных!

Коль что-то достигнуть сумею,
Трудом и упорством своим,
Богатство и всё, что имею,
Отдам я на благо другим.

Одно лишь имею желанье:
Примером своим показать,
Что жил я без Бога в страданье,
А с Ним – вот сумел кем я стать!

И понял я предназначенье:
Духовный свой рост повышать,
Творить добро, и без сомненья.
И в том прошу мне не мешать!

МОЙ ПУТЬ

У меня была не та дорога,
Долго шёл не по тому пути.
И ошибок я наделал много,
Но всё это я сумел пройти.

Но теперь и я пойду достойно,
С поднятой высóко головой.
Жизнь была, порою, непристойной,
Но ведь я теперь уже другой!

Что же я хочу сказать всем этим?
Знаю: на своём теперь пути.
И могу примером стать я детям,
А на путь мне лживый не сойти.

Вот когда отдашь – не потеряешь,
Очень многое приобретёшь.
Просто постепенно умираешь,
Если без отдачи ты живёшь.

Чтобы все вы, люди, с Богом жили,
От души хочу вам пожелать.
Даже если про него забыли,
Вас вовек не сможет он предать!

АЛЕКСАНДРА ПИСКУН

Родилась 2 апреля 2002 года в г. Петрикове на Гомельщине. Учится в пятом классе СШ № 1 г. Петрикова. Стихи пишет с семи лет. Чтение книг – главное увлечение этой девочки. Среди её любимых авторов – Александр Сергеевич Пушкин, Иван Пришвин, Виталий Бианки, Валерий Драгунский.

ЗИМА

Зима пришла, и радуются дети.
Куда ни взглянешь, обступает снег,
И с неба падают снежинки эти,
И слышен во дворе ребячий смех!

Кругом играют, веселятся дети,
И все они встречают Новый год.
На лицах у детей улыбки светят,
За ними сладко наблюдает кот.

Парят, кружатся в воздухе снежинки,
А я в уме рифмую новый стих,
Снежинки – словно белые пушинки,
Неповторима каждая из них.

Пусть время только птицей счастья мчится
К вам в Новом, наступающем году,
Удача пусть в окно ваше стучится,
Никто из нас не встретит пусть беду!

НОВЫЙ ГОД

Мы в этот праздник долгожданный
Хотим поздравить всех вокруг,

Ведь он у нас такой желанный –
Весь соберём семейный круг.

Желаем всем добра, здоровья,
И счастья, радости, тепла,
Пришла чтоб сказка к изголовью,
И с нами целый год была!

Вот рюмки бьются друг о друга,
Под бой курантов слышен смех,
Но вместе нам не будет туго,
Пусть за окном – метель и снег!

ВЕСНА

Как хорошо услышать первую капель.
Увидеть первые подснежники под снегом.
Воспряв после зимы, так радовалась ель,
Она счастливым, звонким заливалась смехом!

ПРИРОДА ЛЕТОМ

В этот день цвели цветки,
Распустились лепестки.
Рядом речка протекала,
Золотой под солнцем стала.

Как же бор лесной поёт,
Птичек и людей зовёт!
А трава в бору густая,
Я грибы здесь собираю!

***

Тихо ветками качая,
Плачет ива молодая.
И, печальная, стоит,
Так красиво говорит.

ЛЕС

Лес проснулся… На заре
Кто-то тихо бродит –
Это птичка в сентябре
Макияж наводит!

ОСЕНЬ

Осыпались жёлтые листья.
Танцует вокруг детвора,
А дети, идущие в школу,
Задорно поют: «Та-ра-ра!»

Погода опять изменилась:
Примчались метель и ветра.
И ходят все в курточках тёплых:
И взрослые, и детвора!

МОЙ ДОМ

Мой дом – земля моя родная,
Мой дом – природа и леса!
Здесь красота стоит такая,
Что в восхищенье небеса!

АЛИНА САВИЦКАЯ

Родилась 15 июня 1953 года на Витебщене в семье учителей. Окончила Витебское медицинское училище, получив квалификацию “санитарный фельдшер”. Некоторое время работала по специальности. Далее окончила в 1982 году в Москве основной 3-х годичный курс ЗНЦИ (отделение станковой живописи и графики).

Художником-оформителем начала работать в 1978 году, а с 2001 года стала подрабатывать преподавателем в Доме детского творчества, ведя кружок “Юный художник”. Имеет Диплом Национальной выставки “Вечназялёнае дрэва рамёстваў” (1996 г.). Народный мастер Логойского Дома ремёсел. Работы выставлялись в Минске, в Доме-музее I съезда РСДРП (2012 г.).

Стихи начала писать с 2007 года. Состоит в литературном объединении “Рунь” г. Логойска с 2012 года. Печаталась в газетах “Преображение”, “Чырвоны прамень”, “Родны край”, “Друг пенсионера”, в сборнике “Паэзія 2011”, в альманахе “Гоман” (выпуск № 14), в сборнике стихов поэтов Логойщины.

НЕ БЫВАЕТ НЕКРАСИВЫХ МАТЕРЕЙ

Не бывает некрасивых матерей,
Хоть морщинки их избороздили.
И с годами они стали чуть старей,
Всё равно: их любим, как любили.

Не бывает некрасивых матерей,
Пусть с годами стать их угасает,
Только сердце их становится добрей,
А улыбка манит и ласкает.

Не бывает некрасивых матерей,
Мы с годами-то не молодеем.

Матери, они становятся мудрей,
С ними мы от возраста седеем.

Не бывает некрасивых матерей –
Пусть им сорок или девяносто.
Но для нас нет никого родней,
Так хотим мы, чтоб жилось им просто.

НА КОЛЕНЯХ

Постою на коленях – полезно,
А подняться почти не могу –
Не с колен, что сковали болезни,
А с грехов, что на каждом шагу.

Всё пытаюсь от них отвязаться
И опять на причастье иду.
Но грехи не спешат отступаться
И плетутся, как будто в бреду.

И веду тенью вслед за собою
Я грехов необъятную рать.
Видно, велено так мне судьбою:
До конца на коленях стоять!

ВНУЧКА

У меня есть внучка Влада –
И утеха, и отрада,
И судьбы благоволенье,
И минуты умиленья.

У меня есть внучка Влада –
От ненужных бед ограда,

И мечты моей забвенье,
Всех проблем – одно решенье.

У меня есть внучка Влада –
Знать, судьбы моей награда
И желаний исполненье,
Божьих промыслов творенье.

ВСЕМ НУЖНА

“Я занята, – сказала мне подруга. –
И слушать тебя некогда совсем”.
И вновь звоню по замкнутому кругу,
Но всем, увы, – не до моих проблем.

А может, рассказать мне перед Богом,
На сердце что – с утра и до темна?
Повествовать так хочется о многом,
И душу успокоить тем сполна.

Поплакать, что ль, в подушку тёмной ночью,
И, может быть, не говорить ни с кем?
Мне сон приснится: всем нужна я очень.
И будет так – решенье всех проблем.

БРОШЕННЫЕ

Сколько их, беспризорных, голодных:
Псов, котов – разной масти, цветов.
По подвалам блуждают холодным
И готовы бежать к вам на зов…

А когда-то они ведь служили
Верой, правдой хозяевам… Зря!..

Ведь хозяева их не ценили,
И постигла их участь своя.

Исхудалые, тощие – осенью,
Еле лапы таскают, скулят…
Люди, что ж их жестоко так бросили?
Ведь они послужить вам хотят!

ОТНОШЕНИЯ

Смотрю – знакомая фигура
Навстречу в сереньком пальто.
Встречаемся давно мы… Сдуру,
Да тайно, чтоб не знал никто.

Но неразрывны отношенья.
Казалось бы, такой пустяк.
Идём, как будто в сновиденье,
Друг к другу – знать, должно быть так.

Нам не понять, что значат встречи
И что несут они подчас.
Я снова слышу: “Добрый вечер!”
Судьба пусть скажет: “В добрый час!”

ПРОЩАНИЕ

Я сегодня уезжаю
В дальнюю дорогу.
С домом, с мамой попрощаюсь,
Взяв с собой немного:

Разве что, кусочек неба,
Веточку рябины,

Да землицы, вместо хлеба –
Ягодок калины.

Не грусти, родная мама,
Обещаю: снова
Я приеду утром рано,
Коль буду здорова…

А ВРЕМЯ НЕ СТОИТ НА МЕСТЕ

А время не стоит на месте,
А время движется вперёд.
Вот месяц уж прошёл – не меньше,
А там, глядишь, – и целый год.

С годами мы себя теряем,
Теряем близких и родных.
Стареем, чахнем, угасаем,
Друзей теряем дорогих.

И возраст свой забыть хотим мы,
И не спешим на юбилей.
Да, юность уж не возвратим мы,
И нет уже наших друзей.

СИЗЫЕ ГОЛУБИ

А летом будет плакать дождь,
Ну, а весной – сосульки льда.
Я знаю, что ты не придёшь
И не поплачешь никогда.

А на могиле, на моей –
Лишь стаи сизых голубей,

Что так любила я кормить,
И в лютый холод окрылить…

МАРТ

Какой же месяц ты непостоянный:
То снег, то дождь, то солнце и тепло.
То небосвод так ясен, то так странно –
Как из ведра на землю полило…

То радует скворец своею песнью,
То воробьёв не видно, знать – пурга.
То солнца луч пробьётся доброй вестью,
А то, увы, закружат вновь снега.

Когда же, наконец, придёт желанный,
Такой зелёный и весёлый май,
Такой прекрасный, яркий, долгожданный,
Он музыкой звучит от пенья стай.

Но на дворе по-прежнему ненастье,
И зябко: то дожди, то холода.
А может, в этом есть кусочек счастья –
Настанет и твоей весны чреда!..

АПРЕЛЬ

Течёт капель, в окне – апрель,
Да не капель уже, а трель,
Трель соловья в долине смутной…
Веселья полон и скворец,
Уселся в домике уютном.
И холодам теперь конец!
Идёт, спешит весенний месяц –

Пора любви, тепла и песен,
Пора малиновых закатов,
И первых громовых раскатов,
И первых поцелуев робких –
На улицах, в дорожных пробках,
Признаний в пламенной любви:
На МТС, Velcom – лови!
Идёт апрель, предвестник мая,
Стереотипы все ломая,
Бегу и я тебе навстречу,
Попутчик мой – апрельский вечер!

МАЙ

Берёзки белоствольные
Серёжками украсились.
Такими своевольными
Их видим только в праздники.

Осинки боязливые
Чуть ветками колышут.
Сосёнки незлобливые
Песнь соловья услышат.

А рядышком подснежники
Надели платья белые.
А где-то там, в валежнике
Пенёчки загорелые.

Птиц пение доносится:
Поют своё – исправные.
И ноги в танец просятся,
Что ж, мая дело – правое.

И солнца лучик светится,
Весь в золотой оправушке.
Вдруг с тучкой солнце встретится,
И дождь пройдёт в дубравушке.

Май, ласковый и солнечный,
Продлился бы подольше ты.
Погодою безоблачной
Нас обласкал побольше бы!

ЛЕТО

Как много в нём сюжетов –
Прекрасно и светло.
И не найти ответа,
Зачем оно пришло.

Хотя, наверно, знаю –
Чтобы была жара.
Погода тут такая,
Что счастлив уж с утра.

На крыше кот мурлычет,
И нежится Барбос,
Малыш в коляске хнычет,
Но не гнусавит в нос.
И все довольны, сыты,
Хороший урожай.

На грядках всё полито –
Садись и отдыхай.

На солнышке понежься,
На радугу взгляни –

Затем приходит лето,
Такие лета дни.

МЕЖСЕЗОНЬЕ

Лето пробежало,
Близится к концу,
Примеряет осень
Жёлтый цвет к лицу.

Яблоки созрели,
Розы отцвели,
И грибы лисички
Срезаны с земли.

Умолкает пенье
Многих певчих птиц.
Пустота на пляже –
У реки, криниц.

Осени дыханье
Видится во всём:
Холод ранним утром,
Сумерки с дождём.

С летом расставаться
Тяжело порой.
Но ему не скажешь:
“Погоди, постой!”

ПОСЛЕДНИЙ ЦВЕТОК

Последний цветок отцветает,
Осталось немного уже.

Так скоро листва подсыхает,
И вот уже лес в неглиже.

Цветок под ветрами согнулся,
Теряет упругость свою.
Луч солнца ему улыбнулся,
Но жизнь его уж на краю…

Его стебелёк почернелый
Весь съёжился, тихо дрожа.
Как будто хирург неумелый
Зарезал его без ножа.

Последний цветок, до свиданья,
Сказать я “прощай” не могу.
Весной ожидаю свиданья
С цветком, что растёт на лугу!

ЦВЕТА ОСЕНИ

Кто назвал тебя серой порою?
Кто придумал такой тебе цвет?
Ты ведь схожа с вечерней зарёю –
Ярче красок в природе ведь нет!

Кто назвал тебя скучною, осень?
Ведь и птицы поют по утрам.
И деревья, листву всю не сбросив,
Все оделись – и в яркий наряд!

Осень пёстрая, осень нарядная,
Цвета золота, меди и бронзы.
Пусть не жаркая, с лёгкой прохладою…
Ты – поэзия, осень! Не проза.

СВЕТЛАНА СЕРДЕЧНАЯ

Родилась в Прикарпатье, выросла в Заполярье. Окончила физфак БГУ в Минске, где с тех пор и живёт, много путешествует. С. Сердечная – физик с душою лирика. Имеет научные публикации, троих прекрасных детей и четверых замечательных внуков. Стихи пишет с детства, публикует на литературных порталах в сети “Интернет”, в тематических сборниках и альманахах (“Чувства без границ” – 10 выпусков, “Золотая строфа” – 2 выпуска, “Песни Серебряного моря”, “Автограф”, “Мой любимый город”, “Поют любовь вам Ангелы-поэты”, “Восточный мост”, “Цветы души”, “Поэт года 2011”). Участвует в международных поэтических конкурсах. Занимала призовые места, была номинирована на премию “Поэт года 2011”. Начала писать прозу.

МОЙ МИНСК

Когда мне грустно, и душа, как саксофон,
Оплакивает томный синий вечер,
Шагну с надеждою на облако-балкон –
Мерцанью звёзд и города навстречу.

За плечи город приобнимет, позовёт,
Вдоль берега прогулку обещая.
С ним проведу опять полночи напролёт,
Беседой доброй душу освежая.

Мы со студенчества с тобой уже дружны,
Секретами делиться не устанем...
Я знаю: новости мои тебе важны,
В такт радостно киваешь мне огнями.

Проспекты Минска величаво широки,
С достоинством гостей они встречают.
Но предпочту я им прогулки вдоль реки –
К ней улочки-аллеи убегают.

Мне расскажи, друг терпеливый дорогой,
Про тайны улочек своих и парков!..
Их красоту воспел, пожалуй, целый рой
Художников, фотографов и бардов.

Не перестану восхищаться я тобой:
Ты всякий раз, подобно птице Феникс,
Взлетаешь к небесам, сияя красотой,
Из праха разрушений, Минск мой – Менеск!..

Тебя пусть больше не коснётся недруг злой,
Души моей прекрасная столица!
Поверь, готов дать клятву каждый житель твой
Любить тебя, и холить, и гордиться!

ДУША ЕСЕНИНА

Воду пьют из кружек и стаканов,
Из кувшинок также можно пить –
Там, где омут розовых туманов
Не устанет берег золотить.
С. Есенин

Там, где омут розовых туманов,
Прописалась навсегда душа.
Ей бравурности не нужно пьяной –
Обнаженной сутью хороша!

Души есть – кичливые дворяне,
Для которых главное – почёт,
А душа Есенина – крестьянин,
Тот, кто из кувшинки воду пьёт,

Для кого родимая сторонка
Не пустой звук!.. Сердцем к ней прирос.

Муза чья – лукавая девчонка
В сарафане из лугов и рос.

Песен уже множество пропето,
Но звонка есенинская трель –
Словно жаворонок будит Лето,
Как Весну зовёт слеза-капель.

Пусть порой мне шепчет синий вечер:
“Далеко ушла его душа…”
Но зажгу на алтаре я свечи –
Память вновь дорогу к ней нашла.

РАДУГА СЕРДЦА

Фиолетовый цвет у печали,
А у радости – алой зари,
Белый цвет у любого начала,
А вишнёвый – у страстной любви…

Жёлтый теплый имеет участье,
А лазурный у нежности цвет.
Золотым всё сияет от счастья,
Мир свинцовый от горестей, бед…

Чёрный бархатный тайна имеет,
А серебряный цвет у слезы.
Цвет обиды так ярко синеет,
У надежды – морской бирюзы…

Цвет коричневый у нежеланья,
Голубой – у далекой мечты.
Розовеют всегда от признанья,
Цвет зелёный у горькой тоски…

Бесконечна у сердца палитра –
Всех оттенков нам не перечесть!..
И звучит, как цветная молитва,
Улетая, души нашей весть.

ВТОРОЙ ВИТОК

Жизнь продолжаем!.. И второй виток
Её объемность, глубину дарует!..
Чуть пригубили мы Любви глоток,
Теперь душа вовсю её смакует!..
Мы “почему” уже не говорим,
Готовы сами раздавать советы...
И по лекалам собственным творим
Всех наших дней забавные сюжеты...
И логотипом жизни Долг и Честь
Избрали совершенно добровольно,
Не так сладка уже нам стала лесть,
А от утрат безумно сердцу больно...
Мы суррогатов больше не хотим –
Гурманы стали в чувствах и желаньях,
И нефальшивый жизненный мотив
Ценней для нас, чем радость оправданья...
Не нужен нам количества реестр,
Но праздник жизни более изыскан:
И наше – будет лучшее из мест,
А представление – послушно мыслям.

Я НЕ ХОЧУ ТЕБЯ ТЕРЯТЬ!

Я не хочу тебя терять!
И потому – не потеряю!
Слова рассыпались опять...
Но главные – ЛЮБЛЮ!.. СКУЧАЮ!..

Мой белый парус – это ты
В огромном море жизни нашей!
И пусть исполнятся мечты,
И будет дом наш полной чашей!

Уже подняли мы детей,
По праву ими мы гордимся!
Осталось только нам – скорей
Успеть друг другом насладиться!

И потому считаю я
Минуту каждую разлуки
За целый год, а, может, два…
С трудом терплю я эти муки…

ТРИ СОЛНЦА ЛЮБВИ

Прикосновенье вышивает счастьем
Узоры в сердце… Кругом голова…
Любое расставание – ненастье
В Стране Любви, где зонтики – слова…

Объятие, как мощное цунами,
В волшебный мир мгновенно унесёт!..
Обиды пропасть роют между нами,
Где ненависть безумная живёт…

Возносит **поцелуй** нас на вершину,
Где страсть алеет на душе зарёй.
Измена так похожа на машину,
В которой ход всё время холостой…

Зачем нам пропасти и непогода?..
Поломки тоже вовсе не нужны!..
Пусть греют нас в любое время года
Три солнца – для любви они важны!..

КНИГА

Я раздвигаю Вам границы
Для Ваших чувств, ума, души!..
Такое может не присниться!..
Мои сюжеты хороши
Тем, что все бездны и высоты
Доступны будут Вам в тиши
Уюта комнатного грота.
Могу растрогать, рассмешить,
Поведать обо всём на свете
И научить Вас языкам...
Мои Слова, как вольный ветер,
Гуляют по людским умам...
Я – КНИГА, Храм Словесных Знаний
О Вашем мире бытия,
Хранитель я Воспоминаний,
Сосуд Восторга Сердца я!..

ПЕРВЫЕ ШАГИ

Внуку Алёше

Топай, милый мой малыш,
Топай по дорожке!
Ты увидеть мир спешишь –
Тренируй же ножки!..

Мир огромен и богат,
Полон знаний слитков.
Будет каждый тебе рад,
Если ты с улыбкой!

И не бойся ты вершин:
Сверху вид чудесен,
Мир из множества картин
Будет просто песней!

Помни: каждый должен спеть
Свой подарок миру,
Чтобы души смог он греть
В солнечном эфире!

ДАР

Из цикла рассказов “ЖИЗНЬ ИЗ ЧУДЕС”

Каждый из нас от рождения наделён Даром. Мало кто это осознаёт, ещё меньше тех, кто его использует.

Более того: мы наделены Даром и воздействия на действительность, и отображения этой действительности – в Слове, Изображении, Звуке. Чаще всего мы обнаруживаем именно свой Дар отображения.

Когда мы с восторгом воспринимаем радугу красок нашего мира, стараемся воспроизвести, сохранить этот поразивший нас ОБРАЗ, мы – художники!.. Когда сердца открыты навстречу эмоциональной радуге нашего мира, тогда возможен поэтический отклик. Мы – художники СЛОВА. Но Мир выдает и необыкновенную бесконечную палитру гармонических вибраций-красок – он звучит!.. И мы счастливы, когда это звучание находит отклик в наших душах! МУЗЫКА – великий учитель и доктор для всех нас, и уроки её многогранны, а воздействие невероятное. И самые прилежные ученики её – музыканты – поражают нас своими потрясающе звучащими творениями.

Свой собственный Дар отображения действительности каждый может (и должен!) обнаружить самостоятельно. Надо только заглянуть пристальней в свою душу...

С Даром воздействия посложнее. Нужно хотеть и уметь анализировать действительность. Чтобы обнаружить, понять свой Дар...

Она притягивала людей. Где бы ни появлялась. Обнаружила этот свой Дар случайно. Хотя уже давно раздражённо и обречённо выбиралась каждый раз из толпы, внезапно начинавшей роиться у неё за спиной, когда “на минутку” она останавливалась перед какой-либо витриной. Использовать осознанно – даже в голову не приходила такая мысль... В основном развлекалась, показывая подругам “фокус”.

– Пора добавить жизни этому сонному царству, – улыбаясь, кивала она на пустой бутик со скучающими продавцами.

После того, как она переступала порог магазинчика, его пустующий салон в считанные минуты наполнялся оживленными покупателями. Вот пять минут назад никому и ничего здесь не было нужно, а сейчас просто яблоку негде было упасть.

Этот ее Дар притяжения срабатывал везде. Хуже всего было, когда она садилась за руль... Наверное, поэтому последний год старалась ограничиваться ролью штурмана.

С момента обнаружения своего Дара пыталась она разгадать – в чём его смысл?.. И что ей делать с этим подарком судьбы?.. Ответ пришёл неожиданно, когда и голову уже ломать перестала. Во сне.

Именно во сне получаем мы подсказки для решения наших жизненных проблем. Жаль, что не всегда удается их понять.

Этот сон был безо всяких аллегорий, проще не бывает. Она беседовала с серебристо-розовым потоком Света. Он конусом струился с неба. Вверх смотреть было невозможно, поэтому она разглядывала нежные розовые переливы Света перед собой, задавала вопросы и выслушивала ответы. Ответы приносили эти волшебные струи, но ей всё было понятно.

Розовый Свет ей объяснил, что она не единственная, кто обладает таким редким Даром. Это – Дар быть “солнышком на земле”. Солнце на небе одно, а на земле у него есть помощники. Они излучают Тепло Души, именно это притягивает людей. Особенно тех, кому его не хватает в жизни. Отсюда и жизненная задача – согревать и поддерживать, возвращать радость и улыбки, желание сделать что-то хорошее. Когда луч Солнца коснётся нашей щеки, мы радуемся ему и улыбаемся, и хотим поделиться этой своей радостью с кем-нибудь. “Ежедневно зажигать улыбки и возвращать радость – какая замечательная задача!.. – подумала она. – И, кажется, я неплохо справляюсь с ней...”

“Но самое главное, – продолжал объяснение розовый Свет, – зажечь на земле новое “солнышко”!.. А ещё лучше – несколько “солнышек”. “Да-да-да! – радостно подумала она. – Моя младшая – самое настоящее Солнышко! У неё чудесная улыбка: с младенчества вся семья спешила утром зарядиться её щедрой улыбкой на целый день!.. А сейчас, когда мы с ней отправляемся куда-либо – аншлаг в любом месте

обеспечен…Моё маленькое Солнышко будет светить ярко!..” Нежность затопила её сердце, розовый Свет одобрительно помигал и рассеялся...

С тех пор девизом её жизни стали любимые строчки поэта: *“Светить всегда, светить везде – вот лозунг мой и Солнца!..”*

ПЛАНЕТА ЖЕЛАНИЙ

– Кто у нас сегодня дежурный по Планете Желаний? – Бо строго посмотрел на присутствующих. Семнадцать из них были безмятежны, восемнадцатый нервничал.

– Удалось ли Вам овладеть ситуацией, Лу?

– Разработаны блоки пожеланий. Они выложены в доступных местах. Их нужно только адресовать и вручить. Адресат сразу же получит всё, что ему пожелали, а после его слов благодарности отправитель получит то же самое в удвоенном размере. Схема “Излучатель – приёмник с обратной связью” проверена и отлажена. Нужна только “добрая воля” для её запуска. Очень надеюсь, что люди ее проявят!.. Ведь это такая малость, чтобы стать счастливыми, – вздохнула Лу.

– Ты все наши имена указала в пожеланиях? – поинтересовалась Ди.

– Я постаралась никого не пропустить: в разных сочетаниях, но каждый из вас многократно попал в послания людей. Главное, чтобы они захотели отправить их друг другу!.. Тогда у всех нас, наконец, появится много настоящей работы на этой планете, а она оправдает-таки свое название.

– Хорошая работа, Лу, – одобрительно кивнул Бо. – Если твоя схема заработает, моя миссия будет выполнена здесь. Буду активнее заниматься другими проектами. Главной задачей станет транспортировка душ с этой планеты в ваши Миры, дорогие мои. А когда появятся счастливчики, которых рады будут видеть в нескольких Мирах, то будем разрабатывать круизные маршруты для них...

Бо мечтательно улыбнулся:

– Как хочется уже заняться выпускниками Планеты Желаний, а не обучающим круговоротом их душ. Какие прекрасные Миры их ждут, а они застряли в своём подготовительном классе.

– Беда в том, что они еще умудряются и разрушать свой класс, – нахмурился У, – эвакуация для них не предусмотрена, придётся всё начинать сначала. Опять призывать добровольцев и восстанавливать Мир Желаний.

– Надо признать, что это очень грустно и долго, – сказала Ра, – следует постараться закрепить уже достигнутый уровень и двигаться дальше!.. Мне очень нравится идея Лу, она молодец! Если Планета Желаний начнёт правильно функционировать, в наших Мирах наступит долгожданное оживление: только у счастливых людей рождаются новые души!.. Круговорот прекратится, и наши Миры наполнятся радостными жителями.

– Может быть, нам стоит прямо рассказать людям о смысле их жизни на этой планете? – спросила у Бо Пра.

– Увы, мы нарушим принцип “доброй воли”, без которого невозможно рождение новой души, – покачал головой Бо. – Предлагаю ознакомиться с разработками Лу и на этой приятной ноте завершить нашу встречу сегодня.

– Чудные пожелания!.. Настоящие приглашения в наши Миры! – восхищенно воскликнула Ра. – С удовольствием приму тех, кто ими воспользуется, в своём Мире Радости.

Регулярное Совещание Правителей Миров подходило к концу. Все улыбались и поздравляли Лу с удачной находкой. Один за другим гасли совещательные экраны после того, как Ди с воодушевлением приняла дежурство по Планете Желаний от Лу.

“Правительница Мира Любви разработала потрясающий проект!.. Надо сделать всё, чтобы он заработал!..” – с такой мыслью покидал Совещание каждый из Правителей.

Никого нельзя заставить стать счастливым!.. Но принцип “доброй воли” – лежащий на виду “золотой ключик” – откроет людям Путь в радушно ожидающие их чудесные Миры: Любви, Дружбы, Удачи, Здоровья, Красоты, Правды, Чести, Достоинства, Радости, Веселья, Доброты, Ума, Щедрости, Трудолюбия, Сочувствия, Смелости, Ответственности, Творчества.

На Планете Желаний с надеждой начинался новый день...

ЛЮДМІЛА СІВАЛОБАВА

Нарадзілася 26 студзеня 1935 года ў гарадскім пасёлку Церахаўка Добрушскага раёна Гомельскай вобласці. Скончыла Сельскагаспадарчую акадэмію ў горадзе Горкі Магілёўскай вобласці. У школьныя і студэнцкія гады актыўна ўдзельнічала ў самых розных літаратурных суполках. У Мінску жыве з 1968 года. Працавала на розных пасадах у некалькіх сталічных арганізацыях і на прадпрыемствах. У цяперашні час знаходзіцца на пенсіі. Захоўвае вернасць літаратурнаму слову. Піша на рускай і беларускай мовах. У сваёй творчасці аддае перавагу кароткаму празаічнаму жанру – навэле. Аўтарка кніг: "Новеллы" (2011 год: проза), "Сюрприз" (2012 год: проза).

ВЯСЕЛЛЕ

Няма, бадай, ва ўсім свеце ніводнага чалавека, які б не ведаў, альбо сам не сутыкаўся з гэтым самым урачыстым святам у жыцці. Вяселле прыходзіць амаль да кожнага з нас у маладым, альбо больш сталым узросце.

Дык вось, у адным абласным горадзе нашае краіны на пачатку лета адбывалася вяселле, якое было незвычайным, бо заручаліся шлюбам дзеці высокіх асоб гэтага горада. Нявеста па імені Яніна была дачкой самаго мэра, а жаніх Алесь – сынам буйнога прадпрымальніка Сямёна Пятровіча. Так здарылася, што Яніне і Алесю не прыйшлося доўга шукаць адзін аднаго, бо яны навучаліся ў адным універсітэце і ўжо цэлы год сябравалі.

Нездарма народная мудрасць спавядае, што шлюбы заключаюцца на нябёсах, а расхёбваем мы іх на зямлі. І вось гэтая маладая ўлюбёная пара праз год спусцілася з нябёсаў, і аднойчы, з нагоды свайго дня народзінаў, Алесь прывёў да сваёй хаты Яніну і ва ўрачыстых абставінах аб'явіў сваім бацькам, што хоча з ёй ажаніцца.

Амаль адразу пачалася перадшлюбная мітусня. Бацькі маладых (у народзе – сваты) хутка пазнаёміліся паміж сабой і пачалі дамаўляцца аб усіх далейшых дзеяннях у святочных вясельных абставінах. Можна сказаць, што бацькам маладых у нейкім сэнсе пашанцавала: адных задавольвала паходжанне жаніха, а другіх – нявесты.

Маладыя ўласнаручна развозілі і рассылалі запрашэнні на вяселле, афармленыя на вельмі прыгожых паштоўках, у якіх былі пазначаны дзень, час, месца і праграма правядзення ўрачыстасці. Праграма ўрачыстага мерапрыемства была даволі змястоўная: зранку – праводзіны жаніха да нявесты і выкуп яе, апоўдні – цэрымонія рэгістрацыі шлюбу ў гарадской ратушы, на адвячорку – банкет у найбуйнейшым нядаўна пабудаваным рэстаране "Алімпія".

Канешне ж, самая працяглая і цікавая частка вяселля – гэта банкет. Запрошаных гасцей было шмат, мо не адна сотня. Сваякі, сябры, добрыя знаёмыя, моладзь ледзьве размясціліся за некалькімі вялікімі сталамі, расстаўленымі па перыметру ў агромністай авальнай зале рэстарану.

Але пачнем спачатку. Да прызначанага часу каля "Алімпіі" пачалі збірацца запрошаныя госці. Адны прыязджалі на ўласных машынах, другія дабіраліся грамадскім транспартам, а некаторыя, нават, – пешшу. Вось і дзве кабеты сталага ўзросту выйшлі з дому і вырашылі крышку пад'ехаць на таксі, бо былі ў абутку на высокіх абцасах і ледзь трымаліся на нагах. Амаль перад самай "Алімпіяй" яны спынілі таксіста. "Колькі?" – спытала старэйшая кабета. "Пяцьдзесят тысяч," – адказаў таксіст. "У мяне столькі няма," – сказала старэйшая кабета, а малодшая паморшчылася і дастала грошы са словамі: "Сволач ты, а не таксіст! Колькі ж ты нас вёз? Пару прыпынкаў усяго!" Але таксіст усё роўна схапаў грошы. А кабеты, выйшаўшы з машыны, кульгаючы і падтрымліваючы адна другую, направіліся да параднага ўваходу ў рэстаран. Гэты былі старыя цёткі жаніха Ганна і Вольга, якім вельмі падабалася хадзіць у госці і на розныя святочныя мерапрыемствы.

На шырокім ганку "Алімпіі" сабраўся ўжо цэлы натоўп. Усе чакалі прыезду маладых. Кабеты разглядалі адна другую, ацэньвалі вопратку і знешні выгляд кожнай, мужчыны з дзелавым выглядам тусаваліся ў старонцы.

Вось як бы знянацку падляцеў да цэнтральнага ўваходу белы лімузін, увесь аблеплены гірляндамі рознакаляровых шароў. З яго,

не спяшаючыся, выйшаў юнак высокага росту ў парадным светлым касцюме, нібыта герой з галівудскага фільму. Гэта і быў сам жаніх Алесь. Потым ён дапамог выбрацца з лімузіна нявесце Яніне, падтрымліваючы яе за ручку ў доўгай белай пальчатцы. Доўгая фата цалкам закрывала твар дзяўчыны. Маладыя падняліся на ганак, а дзяўчаты, якія стаялі паабапал, пачалі абсыпаць улюбёную шлюбную пару пялёсткамі руж.

З залы пачалі даносіцца гукі вясельнага маршу Мендэльсона. Маладыя накіраваліся на троннае месца ў цэнтральнай частцы залы, упрыгожанае вышытымі рушнікамі. Як толькі яны ўладкаваліся, пачалася афіцыйная частка ўрачыстасці – віншаванне маладых. Тамада пачаў выклікаць удзельнікаў свята па спісе, пачынаючы з родных і блізкіх: “Хросная маці жаніха і адначасова ягоная цётка Ганна, а таксама ягоная цётка Вольга! Дзе б вы ні былі, ды сюды прыбылі!” Ганна з Вольгай хуценька накіравалія да Алесіка з Янінкай, адна следам за другой, кожная трымаючы ў адной руцэ па канверту з “зялёнымі”, а ў другой – па букету кветак. Затым выклікалі Янінкіну бабулю, якая прыехала з сяла. Бабуля прывезла маладым пляцёны кошык, абвязаны зверху плотнай хусцінай. “Дзеткі родныя! – сказала старая. – Жывіце ў згодзе і весяліцеся. Жадаю, каб кураняткі вяліся, пеўнікі радзіліся, на курачак садзіліся!” – урачыста прамовіла бабка Марыля і паставіла кошык на стол, што стаяў перад маладымі. На гэтым стале ўжо стаяла скрыня, у якую Яніна складвала канверты з грашыма, а Алесік прымаў букеты кветак.

Віншаванні няспынна працягваліся. “Паважаны спадар Кастусь, родны дзядзька жаніха! Адгукніся ды з’явіся!” – запрасіў мужчыну тамада, трымаючы ў руках спіс гасцей. Паказаўся з натоўпу дзядзька Кастусь: “Я тута!” Ён нёс у руках нейкую невялікую скрыню, плотна зачыненую, і асцярожна паставіў яе перад Алесем. “Не сумуйце, дзеткі, вось вам талісман! Ад шчырага сэрца дарую яго вам!” – вымавіў дзядзька. Потым падышла маладая яшчэ жанчына ў вельмі моднай сукенцы, спераду кароткай, вышэй за калені, а ззаду – з доўгім хвастом, аж да долу. Гэта была цётачка Яніны Эльжбета, якая прыехала з Варшавы. Яна высыпала на стол жменю шакаладных медалікаў і сказала: “Дарую вам шмат медзі, каб дзеці вашыя былі здаровыя, як мядзведзі!”

Працэдура віншавання працягвалася яшчэ нейкі час і, нарэшце, скончылася. Госці размясціліся па сваіх месцах, адмечаных паперкамі з надрукаванымі імёнамі і прозвішчамі. Гучала сучасная і класічная музыка ўперамешку. Жаніхова радня размясцілася за адным сталом, за другім – нявесціна, а на супрацьлеглым баку – моладзь, амаль два факультэты, на якіх навучаліся Алесік з Янінкай. Пачаліся ўзнёслыя тосты, пасля кожнага з якіх госці прыкладваліся да разнастайных страў. Вось – цэлая макітра з ікрой, а каля яе – стопка блінцоў. А вось – нафаршыраваны шчупак, рыба некалькіх сартоў, грыбочкі марынаваныя, мяса, розныя капчонасці… Кожны госць накладваў на сваю талерку гэтую разнастайную смакату.

Нечакана штосьці бразнула пад стол. Кум Міхась, які сядзеў насупраць цётак Ганны і Вольгі, абраніў відэльца. Кум хуценька нырнуў пад стол, каб падняць яго. У гэты момант цётка Ганна заеньчыла: “О-ёй! Хто схапіў мяне за нагу?!” Кум Міхась імгненна вынырнуў з-пад стала, а ягоная жонка Мальвіна кінула на яго калючы позірк. “Дурань! У рэстаранах не падымаюць з долу прылады. Цемра ты несусветная! Навошта ты схапіў куму Ганну за нагу?” “Я думаў, што гэта ножка ад стула”. “Я табе дома пакажу ножку!” – прыгразіла Мальвіна. Але акрамя Ганны з Вольгай ніхто не звярнуў асобай увагі на гэтую дробязь, бо ўсе з захапленнем слухалі ўзнёслыя прамовы да маладых, ледзь паспяваючы куляць чаркі.

Пасля шэрагу віншавальных тостаў, пачаставаўшы свае страўнікі ўсялякай снеддзю, госці перайшлі да актыўнай часткі вяселля. Пачаліся танцы. Рытмічная сучасная музыка прызыўна заманьвала нават самых лянівых. Усе выстраіліся ў вялізны круг, і кожны дрыгаў нагамі і круціў рукамі ва ўсю моц. Потым зайгралі вальс. Спачатку, як лябёдкі, праплылі жаніх з нявестай, потым – іх бацькі. Гэта было паказальнае выступленне галоўных асоб. Пасля моладзь паказвала свой клас: пад гукі “Леткі-Енкі” яны выстраіліся ў шарэнгу і, ухапіўшы за бокі адзін аднаго, пачалі падскокваць праз кожныя два па, выкідваючы ўбок то левую, то правую нагу і дрыгаючы ёй у паветры: “Гоп… гоп… гопца-дрыца… гоп, гоп!”

Андрэй Іванавіч, мэр горада і бацька Янінкі, моўчкі любаваўся моладдзю, седзячы за сталом. Але нешта цягала яго за калашыну штаноў і казытала за шчыкалатку. Ён нахіліўся і схапіў шчанё. Гэта

ж падарунак дзядькі Кастуся! Ён выпаўз са скрыні нейкім чынам. Танцы працягваліся.

Час набліжаўся да апоўначы, калі пачаўся заключны этап святкавання. Трэба адзначыць, што ў апошнія гады ўзніклі новыя традыцыі ў святкаванні шлюбаў. Нявеста паза спіной кідае букет дзяўчатам, і якая зловіць яго, то хутка пойдзе замуж. А жаніх здымае з нагі нявесты падвязку і хавае яе. Хто з хлопцаў знойдзе гэтую падвязку, той у хуткім часе ажэніцца.

І вось на цэнтр залы запрасілі дзяўчат, якіх выстраілі ў доўгі рад. У некалькіх кроках ад іх стаяла нявеста, трымаючы букет кветак над галавой. Шасцідзесяцігадовая цётачка Ганна нечакана прапанавала сваёй сястры, сямідзесяцігадовай цётачцы Вользе: “Ідзі букет лавіць і ты!” “Не, лепш ты ідзі, ты ж маладзейшая на дзесяць гадзікаў,” – адказала Вольга. Але цёткі гэтак жартавалі, а букет злавіла лепшая сяброўка нявесты. Потым пачалася барацьба за падвязку. Рыцары ордэна падвязкі выстраіліся ў шарэнгу. Кум Міхась не вытрымаў і таксама рвануў да рыцараў, пакінуўшы здзіўленую жонку. “Э-э, не-е! Паважаны спадар, вяртайцеся назад. Гэтая працэдура толькі для нежанатых,” – прамовіў вядучы. Падвязку нявесты, схаваную ў адной з Алесевых кішэняў, знайшоў яго лепшы сябар з дзяцінства Міколка.

Запрошаныя госці зноў расселіся за сталамі, каб выпіць і закусіць “на пасашок”, бо быў ужо позні час. Але гляньце, людзі! На стале разгульваў пеўнік з чырвоным грабеньчыкам і прыгожым рознакаляровым хвастом. Бабулін падаруначак. Ён не вытрымаў зняволення, седзячы ў кошыку. Сталі яго лавіць, але ён узляцеў да самай столі і пачаў кукарэкаць. Відаць, пераблытаў вечар з ранкам. Нарэшце, пеўніка ўсё ж злавілі.

Апоўначы вясельны банкет нарэшце скончыўся. Госці раз’язджаліся і разыходзіліся, хто куды. “Як табе, цётка Вольга, спадабаўся банкет?” – спытала сястру цётка Ганна. “Крута!” – адказала Вольга. Абедзьве сястры былі ў цудоўным настроі.

ПАВЕТРАНЫ ПІРАТ

Самалёт рэйса “Масква-Лондан” павольна прызямліўся ў аэрапорце “Хітроў”. Праз некаторы час па трапе спусціўся часовы паверана па міжнародным сувязям спадар Ярмолаў і ягоны прэс-сакратар Арсеній. Потым разам з сустракаючымі іх асобамі яны селі ў длінны чорны лімузін і накіраваліся ў рэзідэнцыю амбасады. Дзеля выканання службовай місіі ім было адведзена два дні, што цалкам дастаткова для вырашэння патрэбных ім спраў.

Пасля чатырохгадзіннага пералёту і змены часавага поясу госці з Расіі досыць стаміліся, і пагэтаму выкананне службовай працэдуры было прызначана на раніцу наступнага дня, а пакуль амбасадарскі корпус у складзе ужо ўпамянутых вышэй асобаў накіраваўся на загарадную вілу для адпачынку і адаптацыі да новых кліматычных умоваў.

Падсілкаваўшыся, спадар Ярмолаў накіраваўся на прагулку па алеях парку, што прылягаў да вілы. Раптам ён пачуў каціныя воплі, якія даносіліся з густой кроны развесістага дрэва. На дастаткова тонкай галінцы раскачваўся кот. Ён шалёна прасіў ратунку. Ярмолаў паклікаў свайго сакратара Арсенія, і агульнымі намаганнямі ім удалося зняць няўдачлівага “дэсантніка”. Ім аказаўся малады шыкоўны кот сіямскай пароды. Гэта быў сапраўдны пародзісты прыгажун: кароткая, але вельмі густая і шаўкавістая шорстка крэмавай афарбоўкі прыемна ласкала скуру рук, на мордачцы мелася цёмна-карычневая маска, і такога ж колеру былі ніжнія часткі длінных і стройных лап, а таксама вушы і хвост. Ярка-блакітныя вочы ката прыязна глядзелі на “ратавальнікаў”. Арсеній адпусціў ката на пешаходную дарожку, а той важна вільнуў хвастом і накіраваўся ў бок вілы.

Наступнай раніцай спадар Ярмолаў і ягоны сакратар Арсеній паехалі на дзелавую сустрэчу з прадстаўнікамі Вялікабрытаніі. Пасля перамоваў у гонар гасцей з Расіі быў дадзены абед на той жа загараднай віле. Становішча было ўжо неафіцыйнае, і Ярмолаў у сяброўскай размове выказаў сваё поўнае задавальненне аказанаму прыёму, а таксама ўпамянуў выпадак у парку, які адбыўся з ім падчас прагулкі. Жадаючы канчаткова замацаваць сяброўскую сувязь

паміж бакамі, англічане прапанавалі спадару Ярмолаву ў падарунак стрэчанага ім учора ката па мянушцы Кісінджэр. Ласкава яго клікалі Джэры.

І вось візіт расіян падыйшоў да свайго заканчэння. Спадар Ярмолаў уручыў Арсенію ката, які быў пасаджаны ў спецыяльны кантэйнер, выглядаўшы, як ажурны кош, які да таго ж меў наверсе накрыўку і ручку. Расіяне накіраваліся ў аэрапорт. Паколькі ў Кісінджэра меліся неабходныя для пералёту дакументы: персанальны пашпарт і ветэрынарная даведка аб стане здароўя, – то праблем ніякіх не прадбачылася. Спадар Ярмолаў і Арсеній занялі свае месцы ў бізнес-класе, а Кісінджэра змясцілі ў грузавы адсек. “Ч-ч-ч-орт! Куды гэта я патрапіў і што са мной робяць гэтыя незнаёмыя гуманоіды? Пасадзілі ў нейкую клетку, бы злачынцу, але ж я нічога не натварыў. Дзе ж мае мамаша Манон і сястрычка Марго?” – раздумваў Джэры, пакуль працягвалася пасадка ў самалёт.

У гэты ж час кацінае сямейства на віле выявіла адсутнасць Джэры. Спачатку коткі Манон і Марго насцярожыліся, а потым пачалі праяўляць неспакой. Яны мяўкалі, прыгалі і бегалі ва ўсю моц па парку. Хвалі эфіру здалёк даносілі іх патрабаванне: “Свабоду Джэры, свабоду!”

Паміж тым, пасадка пасажыраў у самалёт скончылася, трап прыбралі, а экіпаж пачаў запускаць рухавікі. Дастаткова моцна адчувалася іх вібрацыя. Джэры авалодала нястрымнае пачуццё пратэсту, прага свабоды. Ён зубамі і кіпцюрамі ўпіўся ў ажурныя пруты сваёй карзіны, і пасля прыкладзеных ім максімальных намаганняў накрыўка коша раптоўна адчынілася. Джэры з усёй моцы паляцеў з грузавога адсеку ў накірунку да салона бізнес-класу прама на вачах у здзіўленых пасажыраў, потым ён даляцеў і да кабіны пілотаў, а затым маланкава знікнуў з поля зроку. Сцюардэсы замітусіліся, занепакоены штурман выйшаў з кабіны, а потым адна са сцюардэс аб’явіла, што ўсім пасажырам трэба прышпіліцца рамянямі бяспекі і заставацца на сваіх месцах. Сцюардэсы пачалі шукаць “паветранага пірата”. Выскачыць з самалёта кот не мог, паколькі ўсе люкі былі задраеныя. У час палёту ён мог натварыць усё, што заўгодна, стварыць аварыйную сітуацыю. Пагэтаму сцюардэсы пачалі даследваць кожны куток агромністага лайнера.

А Джэры тым часам трывала зашыўся пад адным з крэслаў, якое да таго ж было накрыта чахлом. Кот наглуха прытаіўся, выграшыўшы пры гэтым пра сябе: “Фіг вам усім! Я не здамся!” Аднак кацiная прырода хутка дала пра сябе знаць, і зусім нечакана для навакольных з боку аднаго з крэсел пачаў данасіцца рэзкі пах. Не, гэта быў зусім не пах парфумы “Шанэль № 5”, а нешта зусім іншае. Некаторыя спадары, што знаходзіліся паблізу ад гэтага месца, пазатыкалі свае насы. Абмацаўшы злашчаснае крэсла, сцюардэсы выцягнулі з-пад яго ні жывога, ні мёртвага ад хвалявання Джэры. Цяпер прыйшлося ўжо падшукваць для яго іншую, больш надзейную “упакоўку”. Ёй зрабіўся звычайны халшчовы мех, у які і запіхнулі Джэры, потым моцна завязалі гэты мех і гэтую “кладзь” уручылі ўладальніку – спадару Ярмолаву, а ён – свайму сакратару Арсенію з наказам, каб той усю дарогу не выпускаў мех з катом з рук.

Пасля прыбыцця ў аэрапорт “Шэрамецццева-2” Джэры адразу адаслалі на падмаскоўную дачу, а каб ён не збег, яму адвялі асобны пакой і трымалі там пад замком. На прагулкі ката перыядычна выводзіла нейкая немаладая ўжо дама, прычым – на павадку, як сабаку. А навокал не было ніводнай, нават самай паршывай коткі. “Вось ужо, сапраўды, дзікі Усход… – думаў пра сябе Джэры. – У пагоні за чысцінёй вынішчылі нават котак і сабак. Сядзеў бы я зараз у сваім парку на дрэве, а да мяне імчаліся б мамаша Манон і сястрыца Марго…” Кот шчыра сумаваў: “Тут мяне ніводнага разу не адвялі ў кацiны рэстаран паесці, а міску ставяць проста на падлогу, а не на спецыяльны столік, як дома. Цалкам адсутнічае культура абыходжання з жывёламі”. І Джэры беспаваротна вырашыў вярнуцца дадому, у родныя пенаты, чаго б яму гэта ні каштавала. “Як толькі вярнуся дадому, я арганізую маёй гаспадыні, сучцы гэткай, “вясёлае” жыццё,” – разважаў кот.

Дні ішлі за днямі ў чужой незнаёмай старане. Калі выводзілі Джэры на прагулку, ён прыводзіў пачуцці нюху і дотыку ў дзеянне: адтапырваў доўгія гусарскія вусы, выцягваў вушы, намагаючыся злавіць радыёхвалі, што прыносіў эфір, каб вызначыць накірунак сваіх уцёкаў. Перыядычна сярод пабочнага гулу ён распазнаваў ледзь улоўныя гукі і пахі, падобныя на тыя, што ён улаўліваў, калі быў у сябе дома на віле.

Аднойчы падчас чарговай прагулкі новая гаспадыня абы як зачапіла кацін павадок за куст каля крамы, а сама накіравалася за пакупкамі. “Мой час надыйшоў! Пара!” – і Джэры рвануўся з месца, цягнучы за сабою ледзь не ўвесь куст. Ён імчаў па дварах, падвалах, ляцеў, куды вочы глядзелі, усё наперад і наперад. Рэшткі куста хутка засталіся далёка ззаду. Калі, нарэшце, жыллёвы масіў скончыўся, кот памчаўся ўздоўж аўтастрады, практычна на роўных з рухаючыміся па ёй машынамі. Скокамі і па-пластунску, ночы і дні прабіраўся ён, пакуль не знясілеў. У час кароткага адпачынку Джэры раптам пачуяў пах смажанага мяса, што даносіўся здалёк. Сабраўшы апошнія сілы, ён накіраваўся на гэты пах, забыўшы пра ўсялякую асцярожнасць. Пах зыходзіў з прыдарожнага кафэ – там гатавалі шашлыкі для праязджаючых. Увесь знясілены, брудны, падрапаны, з упалымі бакамі, кот прадстаў перад зацікаўленымі чалавечымі поглядамі. Яго не пачалі лавіць, а прыняліся шчыра частаваць кавалкамі мяса, каб заваяваць яго кацін давер. Тут вырашыў Джэры аднавіць свае сілы для далейшага шляху.

Час ішоў, і кот Джэры не растрачваў яго дарма. Ён залізваў раны на жываце і лапах, добра еў і набіраў вагу. Ставіліся да яго ў кафэ гасцінна, не абмяжоўвалі свабоду. Час ад часу кату снілася родная віла, мамаша Манон і сястрычка Марго, любімае дрэва ў парку і маладая лэдзі Кэтрын, ягоная гаспадыня, ад якой заўсёды так смачна пахла і якая карміла яго цялячымі адбіўнымі.

На шыі ў Джэры захаваўся раскошны ашыйнік, упрыгожаны алмазамі, на атласнай падкладцы, замацаваны на срэбраную засцежку. Гаспадыню кафэ прывабіла гэтае кацінае ўпрыгожанне, і яна вырашыла зняць яго, каб шыя ката адпачыла, да таго ж і скрасці ашыйнік маглі. Унутры ашыйніка нешта прашчупвалася. Гаспадыня распарола падкладку і вынула плотную палоску паперы, на якой быў тэкст на англійскай мове. Яна зразумела, што гэта – англійскі адрас Джэры. Усё указвала на тое, што гэты кот – англічанін. А як ён патрапіў сюды, прадстаяла высветліць.

Быў ужо канец ліпеня. Сязон летняга адпачынку дасягнуў свайго апагею. Машыны і аўтобусы з турыстамі снавалі туды-сюды. Многія спыняліся каля прыдарожнага кафэ, і людзі перакусвалі, адпачывалі, курылі, размаўлялі паміж сабой. Адну маладую пару з замежжа зацікавіў экзатычны кот, які круціўся ў самім кафэ і каля яго. Шорстка ў яго была бруднаватая, але зграбнасць ягоных длінных стройных лапаў і ярка-блакітныя палаючыя вочы выдавалі ў ім благароднае паходжанне, арыстакратычнасць. Толькі вось загадка: як ён сюды патрапіў? Маладыя даведаліся ад гаспадыні кафэ, што кот тут нядаўна і што ён прышоў невядома адкуль. Яна паказала ашыйнік Джэры і адрас, які быў у ім зашыты. Глянуўшы на гэтыя атрыбуты, малады чалавек усклікнуў: “Ну, бывае ж такое! Гэта вельмі няпросты кот! Неабходна даставіць яго на Радзіму!”

Джэры паводзіў сябе годна, калі маладая пара забірала яго з сабой. Ён не вырываўся, не драпаўся, нібыта адчуваў, што вяртаецца дадому. Маладым прыйшлося ужыць розныя хітрыкі, каб сесці з “нелегалам” у самалёт. Потым быў чатырохгадзінны пералёт з аэрапорта “Шэрамецццева-2” у аэрапорт “Хітроў”. Пасля прылёту маладым людзям удалося сазваніцца з былымі гаспадарамі Джэры. За катом прыслалі машыну, і ў хуткім часе Джэры аказаўся на роднай віле. Яго доўга аблізвалі мамаша Манон і сястрычка Марго. Падыйшла маладая лэдзі Кэтрын. “Хэллоў, Джэры! Як жа я цябе люблю, мой коцік!” – сказала яна і ўзяла Джэры на рукі. А кот перадумаў помсціць ёй за здраду, і замест таго, каб яе падрапаць, па-сяброўску лізнуў яе ў шчаку.

У той жа дзень з амбасады Вялікабрытаніі ў Маскве раздаўся званок спадару Ярмолаву. Яму паведамілі, што кот Кісінджэр, ён жа Джэры, вярнуўся на сваю Радзіму.

ЕЛЕНА СИНИЦА

Родилась 26 февраля 1965 года, в д. Рудка Новогрудского района Гродненской области. В 1986 году окончила Белорусский государственный институт физической культуры. В настоящее время работает преподавателем в Минском государственном лингвистическом университете. Пишет стихи с детства. Не так давно начала писать на белорусском языке. Среди любимых авторов – Лопе де Вега, Федерико Гарсиа Лорка, Сергей Есенин, Марина Цветаева, Янка Купала, Максим Богданович.

ДЫЯЛОГ З МАСТАКОМ

“У маіх малюнкаў колер розны.
Я яго бяру ў свайго жыцця.
Намалюю кветак водар росны,
Намалюю промні пачуцця.

Хочаш, будзе тут буслоў вяртанне?
Як прыгожа на сваёй зямлі!”
“Лепей намалюй маё жаданне,
Добрыя каб людзі больш жылі”.

***

Расце сасна, пасаджаная мною.
Маленькаю яна калісць была.
Цяпер гляджу з паднятай галавою:
Магутны стан, галінкі ўздоўж ствала.

Зялёны колер у яе вуалі,
А раніцай, калі яшчэ раса,
Блішчаць галінкі кроплямі крышталю –
Стаіць, нібыта казачка-краса.

Зімой яна, як быццам, анямела,
У белай шапцы ціха так стаіць.
Я падыходжу да яе нясмела,
Галінку пачынаю варушыць.

Сасна пакрыху на мяне злуецца,
Глядзіць – нібыта з ёю на нажах.
Адно імгненне – на мяне нясецца
Мільён сняжынак – аж на сэрцы жах.

У рукаве, на шыі снег… Не жарка:
Я, як снягурка белая, стаю.
Расце сасна, пасаджаная, шпарка,
І цягнуцца галінкі ў вышыню.

***

Не завидуйте дару писать.
Не завидуйте он не из лёгких.
Дар писать – это дар отдавать,
И порой, в обстоятельствах жёстких.

Вечный бег от грехов и потерь –
На простор непокорного слова.
По размеру ль рубашка, примерь
И коня не гони вороного.

Не гони, не спеши, не забудь:
По нехоженым тропам словесным
Неподьёмный для слабых ведь путь –
По маршрутам всегда не известным.

Не завидуйте дару писать.
Обойдя все моря и всю сушу,

Участь творечества – вечно искать,
Взяв в награду бродячую душу.

БЕРАЖЫЦЕ СЯБРОЎ

Я даўно не бачыла цябе.
Бы прапала, не тэлефаную.
На двары зіма даўно ў журбе,
Разумею, што крыху сумую.

Так, сумую без тваіх вачэй
І сумую без тваёй усмешкі,
Толькі час імчыцца ўсё хутчэй –
Я даўно стамілася ад спешкі,

У бясконцым, вечным коле спраў.
Веру ўсё ж я ў лепшы дзень – наступны…
Нумар набяру, што родным стаў,
Толькі ён – навечна недаступны…

***

Как часто земляне на звёзды взирают.
И просят подарки вновь люди у звёзд.
И что-то как будто их те обещают,
В разливы роскошные падая рос.

Но, вот ведь, привычка у звёзд есть такая:
Подарят, а после отнимут вдвойне.
И тешатся, снова у нас отнимая,
Как будто налог насчитали извне.

Да что ж вы холодные, злые такие?
Как? Счастье дарить, а потом отнимать…

И падали звёзды вновь в росы земные,
Потом будут дело своё повторять.

У КАЖДОГО АЛЬПЫ СВОИ

У каждого свои Альпы…
Известное выражение.

У каждого Альпы свои,
А мне бы – к своим подобраться.
Но где-то вершины в дали,
И так не спешат покоряться.

Но я, отвернувшись от гор,
Так долго бреду по долине.
Но что же так тянется взор
К той, непокорённой вершине?..

***

Подари мне брильянт Новогрудка,
Свитязянкой своей назови.
Если есть у тебя хоть минутка
Отвези к детской первой любви.

У ветров там берёт вдохновенье
Свитязь, волнами о́ берег бьёт,
И берёза стоит на коленях,
Будто ветками воду там пьёт.

И не может никак там напиться
Той воды – от весны до весны.
Я всегда сюда буду стремиться,
Будто в детские, сладкие сны.

Подари мне брилльянт Новогрудка,
Свитязянкой своей назови.
Если есть у тебя хоть минутка,
Отвези к детской первой любви...

***

Про тебя говорят: «Ты талантлив».
Дар волшебный Господь тебе дал.
И по-своему в жизни ты счастлив,
И поэтом известным ты стал.

Только дар просто так не даётся…
Нужно ль сетовать здесь на судьбу,
Всех труднее тебе коль живётся,
И сгибает боль душу в дугу.

И вот тут, среди всей этой боли,
Или выстоишь, или пропал.
Тут вот чуточку силы бы воли,
Только слабости бьют наповал.

И не станет талант в наказанье.
И появятся силы творить.
Будут почести, будет признанье,
Жажда будет огромная жить.

***

В древней Спарте всех немощных, слабых
Просто сбрасывали со скалы.
И талантливых – вон на ухабы…
Ведь нужны лишь бойцы – как ослы.

Пропасть жертвы свои поглащала,
Принимая жестокость людей.
Ну, а Спарта? Она погибала.
Без любви, без добра, без детей,

Только силу и власть почитая,
Только этим живя на земле…
Отойдём от опасного края –
Это путь к той спартанской скале.

***

По весне душе комфортно там,
Где пока холодные рассветы,
Где луга порою по утрам
Лёгкими туманами одеты.

Звёзды ярче, люди подобрей,
Купол неба там, как будто, выше.
И поёт разбойник-соловей,
Аиста гнездо на чьей-то крыше.

Жизнь не остановится пока,
Звёзды, соловьи, туман над лугом.
И любовь-волшебница, легка,
Заправляет этим вечным кругом.

***

Моё счастье бегает по свету,
Не кую давно к нему ключей.
Рядом кузнецов почти что нету.
Те, что есть, – по части мелочей.

Я кую лишь звонкую монету.
Ну, а счастье, что ему теперь?
Так и бегает по белу свету.
Без ключа не открывает дверь.

***

Да, с актёрской своею судьбою
На земле я живу, как в плену.
И всегда за моею спиною
Столько судеб, что я не пойму,

Где та грань меж моей и чужою?
Рядом ты. Это явь или сон?
Обладать тобой, милой такою,
Вряд ли я навсегда обречён.

Я бродяга, актёр. Я мечтаю,
Часто Бога прошу, как могу:
Чтоб герои, которых играю,
Не дарили свою мне судьбу.

***

Ветер, проснувшись, резвится.
Травы в росе ещё спят.
Белых ромашечек лица
Ловят восторженный взгляд,

Будто тихонечко просят:
“Лучше нас нет – погляди…”
Ветер их шёпот уносит –
Горе-печаль позади –

В даль, где склонилась берёза,
Смотрит в озёрную гладь.
Чтобы успеть до мороза
“Гривой” с водой поиграть.

В даль, где над речкой-купалкой
Утром туманы встают,
А водяной и русалки
Их незаметно так пьют.

Скоро ромашковый ветер
С нами простится, любя.
Всем он расскажет на свете,
Белая Русь, про тебя.

***

Подземные реки живут своей жизнью.
Подобно им мысли все наши живут.
Ни радостей рек тех не видно, ни тризны,
А мысли людские глаза выдают.

***

Старались злые люди, как солдаты,
Когда мешали сплетнями любви.
А, может быть, они не виноваты?
И зло у них, как творчество, – в крови?

***

Жизнь – гениальный режиссёр.
Без репетиций пьесы ставит,
А кто в них гений, кто позёр,
Лишь только ветер в поле знает...

О СВИТЯЗИ

Я твоею чистою водою
Умываю руки и лицо.
Небо шапкой сине-голубою
Шлёт воде приветствие-словцо.

Капли быстро падают с ладони.
В озеро торопится вода.
Жаль, что я такой же молодою
Больше не вернусь уже сюда.

***

Обрастала вся Венера слухами,
Что любовь земная – лишь товар.
Будто кто-то сговорился с духами
И украл любви бесценный дар.

И устроено всё, вроде, правильно:
За рассветом следует закат,
И цветов сияющее зарево
Сменит холод, дождь и снегопад.

Ну, а слухи – Бог с ними, со слухами,
Скучен так у сплетниц календарь.
Торговать возможно лишь чернухами,
А любовь – ведь это Божий дар.

САДЫ

У крестьянина Семёна
Чудных пятеро детей:
На него похожих “звоном”

Троё сильных сыновей,
Две красавицы девчушки –
На носу вразброс веснушки, –
Да лохматый пес Пырей.
Вот однажды, ранним утром:
“Эй, вставайте сорванцы,
Я привёз – добыты чудом –
Всем на радость – саженцы”.
Сон пропал, он стал вдруг лишним.
Шквал вопросов, будто град:
“У нас будут сливы, вишни,
Будет сладкий виноград?”
Сад семья весь день садила –
Всё учли до мелочей.
Детвора чуть не завыла,
Как лохматый пёс Пырей.
Только дед стоял печальный,
Вдаль смотрел и всё молчал.
Ветер, тёплый и нахальный,
Седину ему трепал.
Лишь за ужином ребятам
Дед поведал грусть свою:
Сад срубил он свой когда-то,
Уничтожил на корню.
Был налог введён поштучный:
Дерево иль куст – плати.
Объяснили б людям лучше,
Денег где на всё найти.
Плакали тогда деревья.
Мокрым был от слёз топор.
Эх, страдалица деревня, –
Много лет прошло с тех пор...
Долгим будет пусть тот путь,
На котором есть сады.
Дети пусть в садах растут,
Словно в тёплый дождь грибы!

ВАЛЕРЫ СКАКУН

Нарадзіўся 17 мая 1961 года ў вёсцы Асавы Докшыцкага раёна Віцебскай вобласці. Скончыў Мінскі энергетычны тэхнікум ў 1981 годзе. Працаваў па кантрактах на Поўначы, у Якуціі, у Казахстане на Байкануры, ва Узбекістане. З 2005 года працуе ў Беларусі. Паэт, празаік, бард. Піша на беларускай і рускай мовах. Аўтар кніг: "Мяне вецер шукае" (2000 год: вершы), "Набытак" (2006 год: вершы), "На виражах судьбы" (2009 год: вершы), "Паўночны варыянт" (2012 год: проза). У цяперашні час жыве ў п. Дружны Пухавіцкага раёна.

***

Надакучыла туга,
Не хапае ўжо цярпення.
Дзе і ў чым знайсці збавенне?
І падказвае сумленне,
Што няможна, а што льга.

Прыпыніўся на мяжы –
Паміж беднасцю, багаццем,
Між бязроднасцю і знаццю...
Што яшчэ магу сказаць я?
Мае мроі – міражы.

Зноў туга крадзе спакой,
Замінае асцярогу.
Я выходжу на дарогу –
Хто ў мяне спытае строга,
Што я выбраў шлях не той?

Дзе я, хто, іду куды,
Мне навошта гэта трэба?
Меў заўжды кавалак хлеба,
Ёсць трывалая зноў глеба...
Ды расшэйгаў я гады.

***

Сыходзіць дзень у небыццё.
Я штось пакінуў за сабой,
У чымсьці быў і сам не свой.
Губляў упэўненасць, спакой,
Хаваў мінулае ў сувой,
Жыцця свайго бярог устой.
Сыходзіць дзень сваёй чаргой,
Звычайны дзень – бруіць жыццё.

***

Наперад углядаешся – туман,
І нельга зразумець паміж радкоў...
Шукаеш існавання сэнс-падман,
А шчасце дзе ад знойдзеных высноў?

Ці не шукаў?
Ды што тады – жыццё?
Ні з чым і адыйдзеш у небыццё,
Нічога не пакінеш за сабой?

Туман на даляглядзе, нібы дым.
А мо, кудысьці збегчы ад сябе?
У рэшце рэшт, мяркуецца аб чым?
Аб тым, што адпаведнае табе.

***

І надыйшоў мой верасень надзеі,
Ён цалкам атуліў мяне сабой.
Спрабую зразумець, дык дзе ж я, дзе я –
Праз адчуванне: восень, я з табой.

Пачатак восені. На лета заканчэнне
Зноў азіраюся – прайшлі былыя дні.
Знаходжу я лагоду, суцяшэнне –
Мігцяць шчэ лета ж у душы агні.

Мой верасень загадкава-таемны
Абшарам невядомасці вядзе.
Зачараваны водарам прыемным,
Іду натхнёна, маючы спадзеў.

***

Па небе воблакі плылі
З краёў тых невядомых.
Нібы па моры караблі,
Ішлі па курсу, да зямлі –
Вярталіся дадому.

***

Сарваўся я ў бездань сусвету,
Лячу, не вядома, куды.
Згубіў з відавоку планету,
Свае дзе лічыў я гады.

У іншым цяпер вымярэнні
Сябе адчуваю чужым.
Знаходзіць у чым суцяшэнне,
Ісці як мне лёсам сваім?

Штось выправіць мне немагчыма,
У бездані будзе што, як?
І не – не знайсці мне прычыны,
Чаму атрымалася так...

***

Ужо час, нібыта, хутчэй
Бяжыць – не ідзе, як калісьці.
І трэба трымацца ямчэй,
Шукаючы новае выйсце.

Здаецца – азарт яшчэ той,
І вабіць дарога наперад.
Ды там, дзе калісьці быў свой,
Чужынцы расставілі нерат.

І без прадчування бяда
Наўмысна стаіць на парозе.
З кім быў, не разлій і вада,
Асобна ідзем па дарозе.

І сцежка вядзе не туды,
Аднойчы чакала дзе мара.
І крыжам на плечах гады
Цяжэюць, бы лёсу ахвяра.

***

Чаму восень, чаму восень
мне тваёй парой не сумна?
І імкнулася так сэрца,
каб хутчэй сустрэць цябе.
Сэрца прагнула сустрэчы,
сэрцу летам так няўтульна.
Туманамі апранецца
восень, нібы ў варажбе.
Кану ў восень я з ахвотай,
прайду ціхімі дварамі,

І сабе я пазайздрошчу
адчуваннем – нібы ў сне.
За сабой кудысь вядзеш ты
мяне, восень, туманамі –
Лета сонечнай спякотай
надакучыла ўжо мне.

Ліст пажоўклы круціць восень,
зямлю сцеле дыванамі,
І даўжэй у зорнай ночы
свеціць месяц мне ў акно.
З летам крочылі мы побач
і не ведалі мо самі,
Што згублю яго між волі,
кім жа стане мне яно?
Я сумую нетаропка
і паволі, ціха крочу –
Пасля лета і спякоты
супакойвае імжа.
Хачу восені даверыць,
заглянуўшы ёй у вочы,
Што хвалюе мае сэрца
і аб чым баліць душа.

***

Перачакаю: ведзьмай завіруха
Нахабна сыпле снегам, ды мне ў твар.
Бянтэжаць смутак, боль, і зводзіць скруха
У невядомы, вусцішны абшар.

Дзеля таго, каб выбрацца на волю,
Прасторы светлай бачыць краявід,
Я там, дзе зноў гуляе вецер полем,
Іду-брыду наўзгад, нібы прывід.

Хаваю сэнс, намеры, існаванне –
Адпавядаю знешнасці я ўмоў.
Праз свае думкі, да сябе вяртанні
Я адчуваю: крылы маю зноў.

***

Не шукай мяне, вецер, ні лесам, ні полем,
І на сцежцы таёжнай мяне не шукай.
Я ў блуканнях па свеце згубіў сваю долю,
І душу мне крамсае ўжо смутак, адчай.
Калі дзе і сустрэнеш мяне на дарозе,
Не захопіць мяне твайго сэнсу парыў.
Я ўцякаў ад цябе, мерз з табой на марозе,
Разам з горнай вяршыні кідаўся ў абрыў.

Не шукай, мяне, вецер, ты стэпам шырокім –
Не, мяне не нагоніш: мяне там няма.
Ты раз'юшаным зверам варушыш аблокі,
Не шукай мяне – тут ты лютуеш дарма.
Не кранаеш ты болей мяне – немагчыма
Нам надалей ісці з табой шляхам адным.
Я набыў сабе волю – не маю прычыны
Захапляцца табой, ды й уплывам тваім.

Не шукай мяне, вецер, ты там, дзе аднойчы
Зразумеў, што патрэбна падтрымка твая.
Што было, то ж ужо не паўторыцца двойчы:
Далей мы – паасобку, мне сцежка – свая.
Я ж удзячны табе за твае перашкоды,
За прыгоды, набытыя разам з табой.
Ты мяне не шукай. Разуменне і згода –
Паміж намі, і кожны застаўся сабой.

***

Між гор, пакрытых снегам, вечна белых,
Не трэба слоў – тут воля і спакой.
І сэнс жыцця настолькі зразумелы,
Што бачыш сам сябе перад сабой.

Палоніць невядомасці вусцішша.
Маўкліва шыецца ў расшэліны спалох.
Знямелае ад холаду суцішша
Вісіць адчаем стромнасці дарог.

Напятае, як цеціва, паветра
Слядоў маіх адбітак скалане.
І ў вечнае спалучанасці нетраў
Аб родным краі думка прамільгне.

***

Да цябе я падыду –
Нерашуча гляну ў вочы...
Ты на шчасце ці бяду
Запытаеш: “Што ты хочаш?..”

Вочы ў вочы паглядзяць –
Таямніцы ўсе прыкмецяць
І дазволяць параўнаць:
Я і ты – адно на свеце.

Я і ты – адно аднаму
Мы глядзім адкрыта ў вочы...
Непатрэбна больш нікому
Гаварыць, чаго мы хочам.

***

Я не ўдалеч глядзеў – не найшло празарэнне.
Я кудысьці ішоў – прамінулі гады.
Я мужнеў і сталеў – набіраўся цярпення.
Ды цяпер зразумеў – уцякло шмат вады.

І не тое, каб страціў надзею і веру –
Я сябе не згубіў на развілках дарог.
Адно стаў асцярожны – не кожнаму веру.
І не кожнаму зычу, сябе каб бярог.

Шэры дождж... Але я парасонам натхнення
Адмяжуюся ад набрынялай нуды.
І пайду напрасткі – праз няўдачы, сумненні.
Праз нягоды і болю, няшчасця брады.

Маё сэрца на сонца трымае кірунак.
Ты – бясконцасць маіх да цябе пуцявін.
Цёплы дождж у дарозе – нябёсаў дарунак.
Цёплы дотык рукі – то любові зачын.

***

А я даўно з табой шукаў сустрэчы,
І вось – сышліся нашыя сцяжыны...
У тваім сэрцы недавер трапеча,
Маё ж – гарыць ад гэтае прычыны.

Яго агонь, пяшчотна-пранікальны,
Разбурыць тоўшчу сценаў недаверу,
І нашае каханне – акт сакральны –
Ускалыхне пачуццяў атмасферу.

ТУТ

Тут няма спакою і трывогі –
Як і спрэчак, тлуму, мітусні.
Ні ракі вялікай, ні дарогі.
Бездань тут не мае глыбіні.

Зразумела ўсё тут і вядома:
Мрояў – скарацечнасць, сноў – імжа.
Тут нязведанае добра ўсім знаёма,
А знаёмае ўсё – знішчыла іржа.

Прыпыніць гады тут немагчыма –
Кожны з іх нікуды не ідзе.
З хатулём, напоўненым грашыма,
Тут жывуць на хлебе і вадзе.

***

Бывай... Пакінуўшы мяне,
Не страціш ты нічога.
Не жыць нам у маны ярме –
Каханне судзіць строга.

І не даруе яно нам
Таго, што мы, чужыя,
Дзялілі шчасце папалам,
Імгненні дарагія.

Бывай і не судзі мяне
За тое, што кахаю, –
Не жыць нам у маны ярме...
Цябе ж не асуджаю.

***

Мой дом пусты, у ім няма
Твайго цяпла, тваіх сумненняў.
Улетку ў ім жыве зіма
І бляклы цень маіх памкненняў.
І не магчыма прыпыніць
Бег часу хуткі на хвіліну.
Няма каго мне бараніць.
Жыву – нібы напалавіну.

Кранае ж сэрца не туга
І не абрыдласць адзіноты,
Не відавочнасці смуга,
Не кожнадзённасці турботы –
Кранае сэрца напамін
Мінулых дзён, былых падзей.
Я без цябе цяпер адзін,
Зусім адзін – сярод людзей.

ТРЫЯЛЕТ

Сонца ўвечары хаваецца за гаем,
Усміхаецца ружовы небакрай.
Нібы там, за небакраем, дзесьці рай...
Сонца ўвечары хаваецца за гаем.

Можа, на душы з якім адчаем,
Як знарок, ідзе ў далёкі край.
Сонца ўвечары хаваецца за гаем,
Усміхаецца ружовы небакрай.

ДЖЕММА СЛУЧАК-МАРТИНКЕВИЧ

Родилась 22 мая 1938 года в г. Петрикове на Гомельщине. Окончила Мозырский педагогический институт. Работала учительницей физики и математики в г. Минске. Вырастила троих сыновей. В настоящее время – на пенсии.

Литературным творчеством начала заниматься ещё в молодости. Будучи классным руководителем, писала в стихах сценарии для праздников, вечеров. Писала поздравления для родственников, детей, знакомых, учителей.

Печаталась в альманахе «Гоман», в коллективных сборниках “Поэзия 2010”, “Поэзия 2012” (серия альманаха “Гоман”), в коллективном сборнике газеты “Знамя юности” – “Давайте говорить стихами”.

В 2012 году выпустила в свет две свои книги стихов: “Математика жизни” и “От ситцевой до золотой”.

ЦВЕТЁТ СИРЕНЬ

Цветёт сирень! Роскошные букеты
С достоинством – в садах и вдоль дорог.
Дождём умыты, солнышком согреты,
Чтобы прохожий радоваться мог.

Наполнен воздух нежным ароматом.
В кустах щегол заливисто поёт.
И мысли грустные уносятся куда-то.
Теплеет сердце, ведь сирень цветёт!

Ах, звёздочки! Как гроздья винограда!
Какая же волшебная краса!
Не отвести восторженного взгляда –
На землю их послали небеса.

Но срок цветения такой короткий!
Ценить здесь надо каждый час и день.

Все отложить дела, забыв про сроки,
И – взглядом на цветущую сирень.

Так коротка, как северное лето,
И наша жизнь… Цветущая сирень…
Не замечая в россыпях букета,
Мы лепестки теряем каждый день.

Года – букет. Какой? Решаем сами.
Наполнив смыслом каждый год-цветок,
Ты не забудь: зима не за горами.
Сирень в цвету – подарок и урок.

НЕ НАДО НА ЖИЗНЬ ОБИЖАТЬСЯ

Не надо на жизнь обижаться,
На солнце, на воздух и звезды —
Не вечно нам здесь оставаться.
И завтра уже будет поздно.

Чем время утраты восполнишь?
Ведь жизнь – не цветочки акаций.
Всегда внеурочно ты помни:
Безвыходных нет ситуаций.

И часто задача Вселенной
Имеет решенье простое:
Меняй свою мысль непременно –
Вот правило то золотое.

А если встречаются сбои –
Не раз и не два, и всё хуже,
Глядишь, объясненье простое:
Вслепую окружностью кружишь.

А круг – не тупик, – повторенье
Привычек, идей и решений.
Но если ошибки – в забвенье,
Режь смело, и без сожалений.

Ведь мы, привыкая к дороге,
Плохого и не замечаем.
Не в силах найти за порогом
Аллею, ведь лужа – родная.

Не надо на жизнь обижаться.
Круг режь – вот и будут дороги.
На них снова станут встречаться
Надежды, любовь и тревоги.

УЧИСЬ ПРОЩАТЬ

Большая роскошь – не прощать людей…
Есть ночь и день, объединились в сутки.
Ошибки от судьбы, любви, идей,
Желаний, невезенья, предрассудков.

Жизнь коротка – мгновенье для Земли:
Добро и зло, находки и потери.
Мы, может, в этот мир затем пришли,
Чтоб для любви открыть пошире двери.

Рождается река из ручейков,
Уносит воды в бездну океана.
Сверкает небо сонмом огоньков,
Чтобы добро не ведало обмана.

Не боги мы, не судьи… Но – творцы!
И мысли, и дела наши бессмертны.

Чтобы не жгли на совести рубцы,
«Учись прощать!» – вот заповедь Завета.

НАДЕТЬ УЛЫБКУ НЕ ЗАБУДЬ

Куда б ни вышел ты из дома:
В короткий или в длинный путь, –
Кроме ключей и телефона
Надеть улыбку не забудь.

Поверят пусть в твою успешность,
Мол, нет проблем, и всё прекрасно.
Никто из встречных не утешит –
Сочувствие порой опасно.

Беда соседствует с бедою,
Не надо с бедами носиться.
Мысль – как магнит. Она порою
Найти подобное стремится.

Больные есть у всех ведь темы –
Делиться ими не спеши.
Улыбка, блеск в глазах… Проблемы
И “не смогу” – ты придуши.

Ведь мысль становится предметом.
Мир материален. Не сдавайся.
Успех поделится секретом –
Всегда наверх ты поднимайся.

Не напрягай людей словами,
А главное – поменьше ной.
Блефуй улыбкой. Плачь ночами.
Мозгами шевели порой.

Что всё вокруг не так и плохо,
Поверят все – поверишь сам.
Не дай рассыпаться по крохам
Своим надеждам и мечтам!

ИЩИ ДОРОГУ

Движенье – жизнь, и не всегда – ногами.
Движение эмоций, целей, мыслей…
Цель управляет судьбами, мирами.
Рождает волю, импульс дарит жизни.

Пуста без цели жизнь. Дорог так много
И, по какой идти, порой не знаешь.
Ведь никуда не попадёшь в итоге,
Когда идёшь – куда не представляешь.

Зависит жизнь от нашего решенья:
Прожить как крот, иль как орёл в полёте.
Создайте в голове вы намеренье,
И помните: ведь только раз живёте.

Здесь всё для нас: и дождь, и солнце, ветер,
Моря, пустыни, горы и долины.
Подумайте, решите: в этом свете
Что сделает родных и вас счастливым?

Чем выше цель, тем круче и преграды.
В преодоленье их приходит сила.
Достигнешь цели – получай награды.
Вот только б цель всю жизнь не заслонила.

Не становитесь жертвами желаний!
Не будьте их рабами. Всё проходит.

Любая вещь не стоит целой жизни –
Теряет ценность… Годы-то уходят!

И, если дверь не хочет открываться,
Быть может, не в ту сторону толкаем?
Мы не хотим самим себе сознаться
И ломимся, замков не замечая.

Но так ли нужно то, что там, за дверью?
Спросить себя, порою, не мешает.
Чем больший выбор планов и резервов,
Тем чаще нас удача посещает.

Вся жизнь – осуществление желаний:
Планируем, стремимся, достигаем.
Но, если цель – морковка, жизнь впустую
Промчится быстро… А потом рыдаем.

Ставь цель большую! И ищи дорогу!
Чтоб жизнь была достойной, интересной!
И результат появится в итоге.
Без цели жизнь, как суп без соли, – пресный.

НАЕДИНЕ СО ВСЕМИ

Аналогов не создаёт Природа.
И отпечатки пальцев – подтвержденье.
Два человека спорят “про погоду”,
Отстаивая собственное мненье.

Как часто аргументов мы не слышим.
Сказали слово, тут же вспоминаем

Своё былое, и прошедшим дышим,
Спешим делиться, всех перебивая.

И, позабыв совсем предметность спора,
Рассказываем о себе, любимом.
И крутятся вкруг темы разговоры:
Мол, я один такой, неповторимый.

Но, если ты задумал пообщаться,
Себя в сторонку отодвинь немного.
Подумай, надо было ли встречаться?
Уж лучше к Истине искать дорогу.

Пробейся в мир другого человека!
Он думает о том же, но иначе.
И не было похожих двух от века
И ценностей, подходов и к удаче.

И если вы друг другу интересны,
При каждой встрече есть, чем поделиться,
Пустые разговоры неуместны.
Общенье скоро дружбой обратится.

Нет мнений правых, и нет мнений ложных.
День или ночь? Не начинайте спора.
Нас окружает мир, настолько сложный,
Что истина, как спичка на дне моря.

Чтоб выжить, нужен воздух и вода.
А чтобы жить, вниманье с пониманьем.
Общение – духовная еда,
А одиночество живет страданьем.

Общенье – это экскурс в мир иной,
А что увидим – каждый страхом дышит:
Ума добавит нам, наполнит добротой,
Иль силы заберет, коль нас не слышат?

Общение не может быть пустым.
Всегда есть вывод, только с разным знаком.
Ведь и икру не каждый день едим.
И даже ананас бывает с браком.

Итог зависит в большинстве от нас.
От наших знаний, опыта, уменья.
От нужности беседы, а порой –
От выдержки, здоровья, настроенья.

Общенье – встреча мыслей и умов,
Идей застолье – не нужны салаты.
Из теплых взглядов и из нежных слов
Рождается любовь – общенья плата.

Жизнь без общения, как речка без воды,
Деревья – без плодов, еда – без соли.
Ведь если нет плодов, зачем сады?
Коль нет друзей, зачем тогда и воля?

ЧЕЛОВЕК РОДИЛСЯ

Человек родился – и заплакал…
Видно, память сердца подсказала:
Жизнь не солнца луч – горящий факел.
Обгоришь не раз… Слеза упала.

Но уже родился – плакать поздно.
В жизни всё непросто – несомненно.
Будут ливни, засухи и грозы.
Жизнь – движенье. Вот закон Вселенной.

Будут слёзы радости, досады,
И успехи, разочарованья.

Ты не плачь, малыш. Все любят, рады,
Ведь пришёл ты с жизнью на свиданье.

КРЕЩЕНСКАЯ ВОДА

Вода – основа жизни на Земле,
Она везде: в камнях и в свежем хлебе,
В деревьях и на праздничном столе,
Вода и в нас, и в синем-синем небе.

На Юге выпал дождь, единства нет.
Бурление воды – Земли вращенье.
Где капли снова встретят свой рассвет,
От зноя и беды дадут спасенье?

В своём круговороте посетить
Вода способна нашу всю Планету
Добро и зло, кружа белу по свету,
Впитать – нам с вами эту воду пить.

Обидишь воду, точно заболеет,
Спасибо скажешь, станет как кристалл!
Пред тайною воды умы немеют,
Не всё в ней человек ещё познал.

Нет мира на истерзанной планете:
Насилия, убийства, войны, жадность.
Страдают старики и плачут дети.
Улыбок мало, злоба, зависть, алчность.

Христос когда-то в воды Иордана,
Вошёл, забрав грехи у всего мира.
И освященная вода целебной стала,
Святой и чистой, как снега Памира.

Уже столетия в Крещенский вечер
Звучат молитвы тысяч прихожан.
В церквях и храмах зажигают свечи.
Вбирает просьбы водный океан.

Вода в Крещенье заберёт страданья,
Святая ведь – в ручьях, озёрах, кранах.
И для неё нет вовсе расстоянья –
От космоса течёт до Иордана.

И ждут народы вечера святого –
Очиститься, святой воды напиться.
Чтобы чужого превратить в родного,
Чтоб к жизни справедливой приобщиться.

Вода Крещенская! Вода святая!
Дай веру, силы и грехи нам смой!
В снежинки превратиться, замерзая...
От капельки – очистишься душой...

ВАДЗІМ УРУБЛЕЎСКІ

Нарадзіўся 30 кастрычніка 1986 года ў Мінску. Нашчадак шляхецкага роду Урублеўскіх з усходняй Літвы. Мінчук у пятым пакаленні, праваслаўны хрысціянін. У 2004 годзе скончыў сярэднюю школу № 167, у 2009 годзе – гістарычны факультэт БДУ па спецыяльнасці "гісторыка-архівазнаўства", у 2012 годзе – аспірантуру БДУ па спецыяльнасці "гістарыяграфія, крыніцазнаўства, метады гістарычнага даследавання". Супрацоўнік Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі з 2008 года, аўтар трох дзясяткаў навуковых артыкулаў і рэцэнзій, прысвечаных праблематыцы гісторыі штодзённасці, гісторыі дзяржаўных устаноў, гістарычнага крыніцазнаўства, генеалогіі, анамастыкі Беларусі. Заснавальнік і намеснік старшыні гуртка даследчыкаў генеалогіі "Радавод", які дзейнічае пры гістарычным факультэце БДУ з 10 сакавіка 2009 года. З дзевятнадцаці год піша вершы і прозу. Асобны блок вершаў змешчаны ў сетцы "Інтэрнэт" пад псеўданімам "Vadzimir Grugan". Першая публікацыя паэтычных твораў у друкаваным выданні адбылася ў газеце гістарычнага факультэта БДУ "Nika" ў верасні 2011 года.

БЯЗМЕЖНАЕ

Аднойчы пад ранак глядзелі з табой
За ветрам у шыбе, арэляй люляннем.
І я запытаўся: "У чым ёсць любоў?"
А ты адказала працяглым маўчаннем.

Радзіма мая, што ў сутоннях вякоў,
Наўкола блакітам нябёсаў глядзіцца.
Я б расцалаваў відарысы краёў,
Дзе суджана мне было ўсё ж нарадзіцца!

Няўжо ёсць мяжа між палёў і бароў,
З айчынай чужыну што тут падзяляе?"

Вачыма сказала: "Радзіма – любоў!
Глядзі: а любоў – яна межаў не мае!"

А сонца тым часам зірнула да нас,
Зноў пераказаўшы пяшчоце пасланне.
І мы зразумець мелі гэты наказ,
Я зноў запытаў: "Што такое каханне?

Ці гэта палёт двух імклівых буслоў
Да тых рубяжоў, дзе нас вечнасць чакае?"
Ты сэрцам сказала: "Каханне – любоў!
Запомні: любоў – яна межаў не мае!"

Ды скруха трымае мне сэрца ў журбе,
Калі так яму неабходна змагацца!
Хто нас апякуе – мяне і цябе?
Нам час надыйшоў ува ўсім разабрацца!

Дзе шэпат Гасподні няведамых слоў,
Што лёс вырашае ад краю да краю?
Душой ты сказала: "Гасподзь ёсць любоў!
Любоў жа – увогуле межаў не мае!"

Аднойчы пад вечар глядзелі з табой,
Як вецер за шыбай арэлі люляе.
І ты прашаптала: "Жыццё ёсць любоў!
Глядзі: а любоў – яна межаў не мае!"

СОН

І аддзяляе цемра ад паўзмроку,
І ад чакання аддаляе крок,
Насуперак паказвае дарогу,
І цягне непрыкметна за парог –

Мой лёс – у каламутны бег сцяжыны,
У бесклапотна-нізкі цень быцця,
У змрок раней нябачнай каляіны,
Насустрач спеву смерці, забыцця.

Ляцець, ісці, у далячынь спяшацца,
І марыць, мроіць, потым забываць,
І непачціва гэтак пасміхацца
Таму, што нельга болей затрымаць.

Схапіць бы, звонка шчасцем захлынуцца,
І верай спляжыць дзіўны небакрай!
Вясёла й потым радасна прачнуцца,
Сабе сказаць: "Гукай! Жыві! Спявай!"

Ды ўсё не так! Ізноў – спакусы поўны,
Падманны, глупы, мітуслівы сон!
Ды ўсё ж мяне ён выпусціў з палону,
Нарэшце я вяртаюся дамоў!

Назад – паспешліва, і так цярпліва,
Назад – употайкі, і зноў цішком,
Назад – ярынай, лесам, лугавінай,
Назад – самотным гэткім крумкачом...

КАЛІНА

Гой-гой, гой-гой, ты каліна,
Як чакала маці сына,
Ды з палону, ды з вайны,
Ды з нядолі, ды з бяды.

Калі йшоў ён ваяваці,
Ды каня схацеў узяці.

Вось з далёкіх ды краёў
Вараціўся конь дамоў.

"А дзе ж сыне – а, мой косю? –
Маці тужыць і галосіць, –
Калі прыйдзе да хаціны,
Дзе расце красна каліна?"

"Не бядуй, сівая маці,
Не чакай свайго дзіцяці.
Ён ляжыць у чыстым полі –
Як змагар за тваю волю".

"А нашто ж мне тая воля? –
Лямантуе, енчыць маці. –
Не пабачу ўжо ніколі
Я майго цяпер дзіцяці".

Гой-гой, гой-гой, ты каліна.
Як чакала маці сына.
Ды з палону, ды з вайны.
Ды з нядолі, ды з бяды…

АБ ВЕЧНЫМ

Мы ўсе жывем імгнення для імгнення,
І прамінаюць дні, як зарапад,
Наперад непрытомна і замгленна –
Паўкроку нельга саступіць назад.

І як адчуць цяпло чужой матулі,
Якая і туліла, і кляла?
Ты апрані спакусу, як кашулю,
Каб навучыла і каб апякла.

Забытых зорак змрочны накірунак…
І ад бяздонняў зайздрасці ліхой
Адзін здабудзеш толькі паратунак –
Узнікне ён на ростанях зарой.

Ад слова слову верыць несціхана,
У думках думку велічна спаткаць,
І памятаць пра вечнасць апантана,
І нечакана ўспомніць пра наказ.

Успомніўшы, сказаць чатыры словы:
“Жывыя ў вечнасці слупы заўжды”!
І зарачыся любай роднай мовай,
Што знойдзеш зноўку памяці сляды.

ЗАВЯЛІ ПЯЛЁСТКІ ТОЙ РУЖЫ

Завялі пялёсткі той ружы –
У холадзе нашай пустэчы.
Самотнае сонца нядужыць,
Не выйдзе з зімовай цямрэчы.

Праменні прабіцца не здольны
Праз цень вечаровага змроку,
А сэрца шапоча свавольна –
Пялёсткі лятуць на падлогу.

Пяшчотнага твару адбітак
На роўны паркет зноў кладзецца.
Абрысы святлюткіх ланітаў
Ствараюць партрэт – ці здаецца?

Няўжо я так лёгка забуду
Тваіх шчырых сноў пакрывала,

І міласць чароўную тую,
З сівой даўніны што паўстала?

Нібыта мінулі стагоддзі,
І продкаў сляды – уваскрэслі…
І ты вось у новай нагодзе,
Багіняй стаіш напрадвесні.

Але, хто вячыстасць заўважыць –
Зямлі і вады той Князёўны,
Усё тут Штодзённасць узважыць,
І кветкі скрадзе ў вясны роўна.

Калі ўсе сыходзяць праменні,
Знікаюць пялёсткі ў нябыце,
Я веру, мае што памкненні
Не зменяцца ў зманлівым быце.

Была для мяне прыгажуняй –
І ёю ты будзеш навечна,
Пялёсткі ажывіць – ля пуні… –
Чаканай любві недарэчнасць.

ЯМУ – АДЗІН КРОК ДА ЦЯБЕ

Яму – адзін крок да Цябе,
А мне – два балючых тых крокі!
Са мною ты ў сне ці ў журбе,
Няздольны я і адзінокі.

Прасцей бы зрабіць адзін крок,
Абранага ўжо – зноўку выбраць,
Ды мой палымнее зарок –
Над лёсам нязнанага выбіт!

Так, няпроста і цяжка наўкола
Згараюць з вачыма агні,
Ды Сонца, зімовае кола,
Спяваць ружай будзе ў раллі!

Абудзяцца раптам раўніны,
Зарыкае гучна мядзведзь,
І змогуць твае ж успаміны
На крылах тваіх паляцець!

А я іх схаплю на хвіліну,
Успомню зноў вочы твае
Спяваць тыя буду я гімны,
Пяюць жаўрукі што вясне!

Адбудзецца ўсё нечакана,
Над намі лунаюць вякі,
Так велічна, наканавана,
Сплятаючы хвалі ракі.

ПАН-ТУМАН
Калыханка

На палянцы стаіць бор –
То не бор, а хата.
Гаспадар у хаце той –
Пан-туман кудлаты.

Ён, працуючы ўсю ноч,
Ранкам прыйдзе сонны,
І павесіць на пляцень
Шалік з парасонам.

Паліто закіне ў кут,
На суччо ялінаў,

А абутак – да бяроз
І пахучых ліпаў.

Пад кустом згатуе корм
Для ката і мышкі,
А на клён залезе сам –
Возьме ў рукі кніжку.

Пойдзе ўвечар працаваць
На палі і гоні,
Срэбнай парай ахіне
Статак медных коняў.

Будзе луг і сад бяліць,
Горы і ярыны,
Босай ножкай пакідаць
У расе сцяблiны.

Чараўнік, ды не вядзьмак –
Ён супольнік казкі.
І прысніцца так табе,
Нібы зробіць ласку.

У ВАЙСКАВЫМ НАМЁЦЕ

У вайскавым намёце – паранены жаўнер.
Ён спіць, і яму сніцца той ільняны каўнер.
Чырвоныя – прамені, загадкавы – узор,
Каўнер той вышываны, нібы з нябесных зор.

Барвовая нашыўка кладзецца паяском,
А ромбавая пража – та жытнім каласком.
То радасныя клічы, то асцярожны шэпт,
О, Божухна Усясільны, абарані ад бед!

І песні зноў з-за кратаў ільюцца за ракой,
Успенскую там цэркву не бачна за гарой.
Праводзіны? Сустрэчы? І нельга зразумець,
Ці госці сабраліся спяваць і весялець?

Ды толькі маці плача, і смутак той не збыць.
Маўкліва распускае, нібыта з сэрца, ніць,
І смутак яе мкнецца не перайсці ў адчай,
А ніць яе праходзіць, ды цераз родны край.

Праз стрэльбішчы і вежы, праз замкі ды крыжы,
Гарматныя разрывы, свінцовыя дажджы,
Яна гукае сына ў тым смутку, нібы ў сне:
“О, Божухна Усясільны, ці дапаможаш мне”?

Ды памірае Памяць, і болей не ўзгадаць
І ні імён, ні справаў, ні веры не дадаць.
І толькі кроў на стужцы не прыпыняе бег,
З вачэй тых не знікае барвовы абярэг...

Слядамі ног сірочых, з гадамі ўсіх нягод,
Ён рушыць шпарка далей, мой беларускі Род.
Радзіма, бы матуля, гукае зноў здалёк:
“Ці не забыў кашулю, о, мілы мой сынок?”

ЯК У ХРАМЕ – БЛАГАДАЦЬ

Як у храме – Благадаць,
І ніхто не лішні,
А за храмам, Божа ж мой, –
Усё карчуюць вішні...

Легла зерне на шляху –
Наляцелі птушкі,

Пасядзелі, падзяўблі –
Не шукай, не гушкай.

Божа-Божа! Што са мной?
Госпаду не веру.
Прагну цела і крыві,
Ды забіты, шэры.

Легла зерне на гары,
На прамянёвы кіпень,
Толькі дол той камяны –
Караням загібель.

Утрымацца, пацярпець,
Перадужыць цмока,
Памажы мне ацалець,
Вузкая пратока...

Легла зерне, ды ў гушчар,
Крапіўё, бадылле,
Разраслося, загуло –
Пакасіць забылі...

Стану стойма ля крыжа,
Памалюся шчыра.
Я – не воін без Хрыста,
Бо я – воін міра...

Легла зерне – у свой час,
Яго ўсё жывіла,
Утварылася жніво
І – закаласіла...

ГАЛІНА ХАРЫТОНЕНКА

Нарадзілася 19 ліпеня 1954 года ў Мінску. Вучылася таксама ў сталіцы Беларусі, атрымала эканамічную і педагагічную адукацыю. Доўгі час працавала ў Мінску на розных пасадах. Зараз жыве бліжэй да прыроды, бо любіць яе, разумее і знаходзіць у ёй натхненне. Захавальніца сямейнага ачагу, жонка і маці двух выдатных сыноў. Штогод суправаджае дзіцячыя музычныя калектывы на фестывалі ў краіны Еўропы. Вершы пачала пісаць у пяцьдзесят год на рускай, беларускай і нямецкай мовах. Часта выступае са сваімі вершамі, бо любіць жывыя зносіны паміж людзьмі. Ахвотна вандруе, малюе, фатаграфуе, захапляецца дызайнам.

ЛЯНОТА І СЭНС ЖЫЦЦЯ

Нічога не рабіць, вядома, можна,
Ды вынік потым будзе ніякі:
Без працы – разумее гэта кожны –
Не вырастуць ні кветкі, ні гуркі.

І трэба ўсё рабіць своечасова:
Як снег сышоў – хутчэй у агарод!
Зямелька любіць працу, а не слова,
Працуй – і будзеш сыты круглы год!

Калі вясной ты сеяць паляніўся,
Ды грады не паліў, не прапалоў,
Лічы, што ты не проста памыліўся –
Ты сэнс жыцця, мой дружа, не знайшоў.

Любві чакае кожная расліна,
Ты з імі, як з жывымі, гавары –
І ружа прыжывецца, і маліна,
Ты толькі ім любоў сваю дары!

І помні: будзе там узнагарода,
Дзе ў працу ты душу сваю ўлажыў;
Спаўна адплоціць шчодрая прырода,
Калі ты для яе тварыў і жыў.

РЭЧЫ

Чаму шаную я старыя рэчы?
То – памяць пра даўно мінулы час…
І выкінуць шкада мне вельмі прэч іх,
Бо з часам даражэй яны для нас.

Душу хвалюе, што ў дзяцінстве мама
Кранала іх пяшчотнаю рукой,
І шыла нам сукенкі і панамы –
Як лялек, апранала нас з сястрой.

Стаіць ля сценкі швейная машынка,
Не шые мама нам ужо даўно,
Але ўсплывае ў памяці карцінка,
І мама ў ёй жыве, нібы ў кіно…

ПРАБАЧЫЦЬ ХАЙ МЯНЕ МАЯ РАДНЯ…

Прабачыць хай мяне мая радня:
Не кожны дзень вас грэю цяплынёю
Душы сваёй… Ды й з неба не штодня
Гаворыць ясна сонейка з зямлёю!

Парой на сонца хмарка набяжыць,
Ты сонечнага дня зноў дачакайся!
З любоўю ў сэрцы, з верай трэба жыць,
У думках ты са мною сустракайся.

Люблю я ўсіх, як сонейка зямлю,
Але, калі яно нам рэдка свеціць,
Я свечку ў свеце шэрым запалю,
Няхай твая душа яе прыкмеціць.

ВОСЕНЬСКІЯ ЗАМАЛЁЎКІ

Ліса забітая ў машыне –
людзей, што любяць паляваць…
І мы на беразе – не з імі,
мы проста любім пагуляць
Па лесе восеньскім прыгожым,
дзе фарбы радуюць душу:
Ад захаплення днём пагожым
аж дух займае! Я пішу,
А ты, закінуўшы вудзіла,
глядзіш на жоўты паплавок:
Ён скача… знік… ты цягнеш – дзіва:
падскочыў з рэчкі акунёк!
Вяртлявы, спрытны – ён не ўцяміць,
чаму папаўся на кручок:
Чарвя хапаў – быў мудры самы,
ды аказаўся – дурачок!
Ты дурня выпусціў на волю:
вільнуў ён хвосцікам – і знік…
Ля рэчкі ўвосень на прыволлі
да вуснаў ты маіх прынік…

АНЮЦІНЫ КВЕТКІ

У пані Анюты расліны растуць
І дружна квітнеюць. Яны
Нібыта гавораць ёй: “Аня, забудзь
Пра жахі мінулай вайны,

Калі прыгажуняю ты маладой
Павінна пакінуць была
Радзімы любімы куточак сваёй –
Нямеччыны дух прыняла…”
Цяпер у мінулае ўсё адышло.
Трывожыць парой успамін…
Ды грэе душу, як анёла крыло,
Квітнеючых
мора
раслін.

АДЗІНОТА

Адзінота мая,
адзінота твая,
Адзінота людзей
на планеце Зямля…
Адзінота планет,
адзінота міроў…
Што рабіць з адзінотай?
Я ведаю: зноў
Крок насустрач зрабіць
і пра крыўды забыць!
Цэлы свет
адагрэе
любоў!

А ЦІ ЎСПОМНЯЦЬ НАС НАШЧАДКІ?

Нашто судзіць? Куды прыемней
На ўсіх з усмешкай пазіраць.
Усе мы – боскія стварэнні,
І прыйдзе час нам паміраць…

Каму – праз год, каму – праз сорак,
Але ж канец ва ўсіх адзін:
Прах – у зямлю, душа – да зорак
Замчыць за некалькі гадзін.

А ці ж успомняць нас нашчадкі
Праз пяцьдзесят ці сто гадоў?
Хто да адной нажывы падкі,
Не чуе неба вечны зоў.

І толькі тое застанецца,
Што ты жывым зрабіць паспеў.
Няхай апошнім той смяецца,
Жыцця хто сутнасць зразумеў.

ЦЯПЛО ДУШЫ

Калі ў жыцці ты шмат прыдбаў:
Кватэру, дачу, дом, машыны –
Спытай, ці многа добрых спраў
Зрабіў для роднай ты Айчыны?

Ці ты, мой дружа, дапамог
Сіротам, што аб хлебе мараць?
Для маці роднай ты збярог
Цяпло душы? Ці тая зайдрасць

Спакою вечна не дае,
Пакуль па белым свеце ходзіш,
Што той больш мае за цябе…
У апраўданне ты прыводзіш

Міліярдэраў, што жывуць
Адразу ў трох-пяці краінах,

На яхтах казачных плывуць –
Ды на чыіх жа, дружа, спінах?

Калі ўзлятаеш да нябёс,
На крылах ты ляці – уласных!
Глядзі пры гэтым, брат, каб лёс
Другіх людзей не быў няшчасным.

Насустрач сэрца адкрывай
Тым, хто пакутуе, хто плача,
І просіць хто. Не забывай:
Зрабіў дабро – дабром аддача.

ПАСЛЯ БУРЫ

Дзьмуў моцны вецер, гром грымеў,
І лес стары стагнаў, шумеў.
Тут з каранём палову дрэў
З зямлі дастаў Гасподні гнеў.

Дубы ж магутныя стаяць –
Не здужыў вецер іх падняць,
Таму што моцна карані
Сядзяць у матачцы-зямлі.

Шкада дубам бярозак тых,
Што зелянелі каля іх...
Але ў прыроды ёсць закон:
Слабых заўжды знішчае ён...

САМАКАТ

Аднойчы дзядзя Томаш
Зрабіў мне самакат –

Гарыць усё, вядома ж,
У майстарскіх руках.

Падшыпнікі, дзве дошкі –
І транспарт быў гатоў!
“Дзяўчо, цішэй едзь трошкі!”
Ды дзе там… Раптам – стоп!!!

Няроўная дарожка –
Зламаны самакат…
Параненая ножка,
І слёз дзявочых град.

Ды слёзы – не ад болю:
Дзе самакат мой, дзе?
Няма яго ўжо болей...
Паможа хто ў бядзе?

І мару з таго часу
Я пяцьдзесят гадоў:
Хто б падарыў адразу
Мне самакат той зноў?

ЯК МАЛА ТРЭБА…

Як мала нам для шчасця трэба:
Згубіць, а потым – зноў знайсці...
Мір, хлеб, любоў, зямлю і неба
Шануйце, людзі, пры жыцці!

Няўжо мы, толькі боль пазнаўшы,
Здароўе зможам аценіць?
Няўжо мы, “Не!” вайне сказаўшы,
Менш будзем вечны мір любіць?!

ДЫЯЛОГ У НЕБЕ

Раз, туманам падняўшыся з возера,
У неба сіняе скочыўшы радасна,
Паплыло па-над горадам воблака…
Усміхнулася сонейка краснае,

Падштурхнула яго тым праменьчыкам,
Падмігнула суперніку беламу,
І раскрыла ключом тым – агеньчыкам,
Пранізала гарэзамі-стрэламі…

…І знік пасланец возера ляснога,
У небе растварыўся гарадскім...
Вады з агнем канчатак дыялога
Не мог быць у гарачы дзень другім...

ХТО ДАСЦЬ ВАДЫ?

Як птушкі, скачуць думкі сёння:
Свабодны дзень! І мноства тэм,
Як хмаркі шпаркія, на сонца
Плывуць, зрабіць каб раптам цень.

У жаркі дзень той цень – дарэчы
Для дрэваў, птушак і раслін.
І добры верш ад смагі лечыць,
Душу ратуе ўспамін

Пра дні шчаслівыя дзяцінства,
Калі матуліна любоў
Была той чыстаю крыніцай,
Паіла што святой вадой.

Цяпер блукаю па пустыні,
Ад смагі вершы тут складу…
Хто дасць вады, хто дух падыме,
Калі я раптам упаду?

ГАЛОЎНЫ СЭНС

Мы год назад з табой сядзелі
У піцэрыі ля шашы,
На Скарыны праспект глядзелі,
Пілі там каву для душы.

А сёння піцу заказалі…
Глянь – Незалежнасці праспект.
Яго нядаўна так назвалі,
І ў гэтым сэнса ёсць аспект.

Праз дзесяць год мы зноў паправім...
Быў – Леніна, быў – Скарыны,
Быў – Незалежнасці... На справе
Галоўны сэнс – жыць без вайны.

І як бы ён ні называўся,
Праспект галоўны Мінскі наш,
З дзяцінства ў яго закахаўся,
Я думаю, што кожны з нас.

ЛЮБОЎЮ МОЖНА ЎСЁ ПЕРАМАГЧЫ

Ці будзеш ты любіць мяне, мой мілы,
Калі старэнькай стану я зусім?
Цябе ж любіць я буду да магілы,
І гэта я магу сказаць усім:

Суседзям, што штодня ў пасёлку бачым,
І дзецям – іх мы любім больш за ўсіх,
Рачулцы – мы на ёй з табой рыбачым:
Табе, мой любы, – мой апошні ўздых.

Жыццё ляціць, падобнае камеце,
І след патухне хутка, што тады?
Любоў у ім важней за ўсё на свеце,
Цяплом яе пранізаны гады,

Што нам з табою разам давялося
Ісці, мой родны, вельмі доўгі час...
Ты помніш, як каханне пачалося?
Няхай яно не скончыцца для нас.

Тады не будзе, веру, канца свету –
Любоўю можна ўсё перамагчы!
Малюся, як на добрую прыкмету,
На зорачку Венеру я ўначы.

ЖАННА ХРОМОВА

Родилась 17 января 1946 года в Минске. Окончила библиотечный факультет Белорусского института культуры в 1980 году, получив специальность “библиотекарь-библиограф”. Работала в различных организациях Минска на должности заведующей библиотекой. Долгое время трудилась в ЦТДиМ “Эврика” руководителем различных кружков для детей и юношества. В настоящее время на пенсии, но продолжает работать: ведет кружки в средней школе. Пишет с детства стихи и прозу на русском и белорусском языках. Публиковала свои произведения в газете “Сцяг Кастрычніка” (Дзержинск), в журналах “Мінская школа”, “Пазашкольнае выхаванне” и др. Живёт в Минске.

КАЗКА ПРА ДУРНОГА ЗАЙЦА

Даўно гэта было. Жыў у дрымучым лесе шэранькі зайчык. Кепска яму, беднаму, жылося. Усе яго крыўдзілі, усіх ён баяўся. Толькі трэсне дзе галінка – заяц наўцёкі. “А можа, гэта воўк, – думае, – ці ліса”. Сонейка на момант за воблакі схаваецца, а яму, трусаку, здаецца, што гэта арол, альбо сава на яго з неба ляціць. Доўга так жыў ён у смуце, схуднеў нават. Асабліва баяўся ён ваўка і лісіцы. Яны яму праходу не давалі. Знаёмая справа – зайчаціна смачная.

Неяк паскардзіўся зайчык на сваё горкае жыццё бабру, што на рацэ жыў. А той яму і кажа: “А ты, касы, ідзі і раскажы пра ўсё мядзведзю. Ён у нас у лесе гаспадар. Ён тваім крыўдзіцелям задасць”. Зайчык сказаў бабру “дзякуй” і пакрочыў да мядзведжай бярлогі. А справа была ў вясну. Толькі не час быў яшчэ мядзведзю прачынацца пасля зімовай спячкі. Так што разбудзілі гаспадара леса несвоечасова.

Прачнуўся мішка злосны-прызлосны. Гэткі цікавы сон глядзець перашкодзілі! Расказвае яму заяц пра свае беды, а мядзведзь толькі галавой ківае: “Так, так”. А сам думае: “Ну, касы, пачакай, ты мне спаць не даў, дык я табе за гэта адпомшчу. І на каго скардзіцца прыйшоў?! На маіх лепшых сяброў, лісаньку ды ваўка. Яны мне заўсёды да святаў падарункі прыносяць, а касы – хоць бы раз! Ды і што з яго возьмеш? Капусту? Няхай ён сам сваю капусту есць.

Зароў лясны гаспадар на ўвесь лес: “Пайшоў вон, разбярусе!” Паскакаў зайка па купінах ды кустах прэч ад мішкавай бярлоги. А да бярлогі гаспадарчай сябры збегліся: “Што здарылася?” Ён ім і расказаў, што заяц на іх скардзіўся. “Што ж гэта вы, рабяты, ай-я-яй!? – сказаў ён ваўку і лісе. – Разбярыцеся з гэтым зайцам!”

Пабеглі воўк з лісой и задралі скаржніка...

Што тут скажаш? Калі апрануў зайцаву скуру, то не скардзіся, а сядзі ціха. Сілкуйся капусткай моўчкі.

Але ўсё ж шкада зайку. Бабёр – той, што парады даваўў, – малады быў. Забыўся пра прымаўку: “З ваўкамі жыць – па-воўчы выць!”

Гэта было даўно, а зараз ужо зайцы ваўкоў ды ліс не баяцца...

КЕМЛІВАСЦЬ ВЫРУЧЫЛА

(З матчыных расказаў)

Ледзя была сувязной у партызанским атрадзе. Шмат гора давялося ей глытнуць у вайну, страціць маці і сястру. Маці нямецкі шпіён атруціў, а сястру, таксама сувязную, закатавалі ў мінскай турме фашысты. Лепшыя маладыя гады адабрала ў яе вайна. Зараз ужо ўнукам сваім расказвае яна аб тых страшных гадах, каб ведалі, што такое вайна, каб мір шанавалі і берaглі. Колькі год мінула, а памятае Ледзя ўсё выразна, як быццам было гэта ўчора.

Вось неўзабаве тая вуліца, вось ужо той дом бачны, куды ішла яна на сувязь. Ой, хутчэй бы дайсці, адпачыць хоць. Бо на вуліцы яна магла чакаць чаго хочаш: аблавы, праверкі патруля, ды ці мала што магло здарыцца ў акупіраваным фашыстамі горадзе.

І раптам з ею параўняўся нямецкі салдат і на ламанай рускай мове пачаў размаўляць: “Куды ідзеце, фройлен, надвор’е добрае, маўляў, не спяшайцеся”. Ледзя старалася з ім размауляць ветліва. Да сяброукі, маўляў, ідзе, няма часу з ім балбатать. А ён раптам гаворыць: “Адвядзіце мяне да пртызан. Я не фашыст. Гітлер капут!”

Ледзя прыкінулася дурной: "Якія партызаны? А хто гэта?" А ён гаворыць: "Няўжо фройлен не ведае, дзе яны? У лесе. Адвядзіце, вы, пэўна ж, ведаеце". Адмаўлялася дзяучына, як магла, і бачыць, што зараз ужо нельга ісці на сувязь. Не весці ж с сабою гэтага Ганса. Звярнула зусім у іншы бок.

Падыйшлі яны да шматпавярховага дома. Ледзя и гаворыць салдату: "Чакайце мяне тут, я зараз выйду". Ён сказаў: "Гут," – і застауся ля пад'езда.

Зайшла дзяўчына ў пад'езд, ідзе наверх, а сама ліхаманкава думае, што ж рабіць. Няўжо гэты немец яе выглядзеў? Трапіў у самую кропку: на партызанку нарваўся. Але ці можна яму адкрывацца? Вядома, не. Каб і ведала, што ён не хлусіць, усё роўна нельга весці ў атрад неправеранага чалавека. Так што трэба як-небудзь выблытацца з гэтай гісторыі.

Пастукаць у любую кватэру? Нельга. Адкуль яна ведае, чым яе гаспадары дыхаюць? Можа, яны з фашыстами заадно. Мала гэткіх было, але былі.

І раптам думка: пераапрануцца. А ў што? У сумцы нічога няма. А на плячах – велізарная хустка. Дзякуй Богу! Зняла хустку з плячэй, на галаву завязала, на самыя вочы, як сялянкі носяць, калі ў полі працуюць. Пазнае – не пазнае? Але рабіць няма чаго.

Спусцілася з лесвіцы. Сагнулася крукам, як бабулька стогадовая, і, кульгаючы, міма чакаўшага яе немца прайшла.Так і кульгала яна па вуліцы, пакуль у завулак не звярнула.

Выглянула з-за вугла: Гансік ходзіць туды-сюды ля пад'езда, чакае яе. Можа, ён і сапраўды да партызанаў хацеў? Хто ведае. Ды не мела яна права адкрыцца. І камандзір атрада сказаў потым, калі даведаўся аб гэтай гісторыі, што яна зрабіла правільна. Можа быць, выратавала яе знаходлівасть ад немінучай смерці.

ЗАГАДОЧНЫЕ ОГОНЬКИ

Домик в деревне мы купили по совету знакомых. Отдых на природе был нужен и моим пожилым родителям, и моим детям: Боре, Жене и Юле. Да и я была не прочь провести свой отпуск среди

лесов и дубрав. Заброшенный и никому не нужный, домик стоял на окраине деревни.

Много пришлось нам потрудиться, чтоб привести всё в порядок. Мы посадили на грядках овощи и на клумбах цветы. Мы даже завели живность: кур, кроликов, поросёнка и дойную козу. Конечно, поросёнка осенью следовало зарезать, а козу продать. Ведь родители на зиму уезжали в город.

Времени отдыхать почти не было. Прополка, поливка, домашняя работа, лес... Мы почти каждый день приносили из лесу по корзинке грибов. А по вечерам после ужина, мы ходили "подышать воздухом" – да, просто пройтись и подышать лесными ароматами.

Когда кто-нибудь из нас отходил с дорожки в сторону, чтоб сорвать краснеющие на обочине ягоды, папа ворчал: "Мы что, за ягодами пришли? Дышите воздухом! – И он делал глубокий вдох носом, при этом закрывая глаза. Как будто, если закроешь глаза, то лучше пахнет. – Смотрите, какая красота!" А вокруг действительно было прекрасно! Куда ни глянь – будто сплошные картины Шишкина.

Обычно гуляли мы по неширокой, но хорошо утрамбованной дороге в сосновом бору. Кое-где дорогу пересекали корни деревьев. Тот, кто ехал по дороге на велосипеде, должен был крепко держаться за руль, чтобы не упасть. На корнях прилично встряхивало и подбрасывало. Кстати, на этой же дорожке я училась езде на велосипеде. Я немного умела, конечно, но боялась – особенно поворачивать.

Мои дети катались лучше меня. И я решила, во что бы то ни стало, научиться ездить хорошо. Когда я, "сломя голову", понеслась по корягам, мама стала кричать мне, чтобы я остановилась, а то разобьюсь. Но мне было уже не страшно. И упала-то я всего раза два, да и не ушиблась, потому что опустила низко седло.

В большую жару мы ходили купаться на реку, которая протекала в километре от деревни. Правда, глубиной она не отличалась – была где-то мне по пояс. Но это ещё и лучше. Детям не опасно, да и я глубины боюсь.

Иногда по вечерам мы ходили в деревенский клуб, который находился посреди деревни – между фельдшерским пунктом и ста-

рой школой. Там показывали неплохое кино. Если фильмы были новые, мы выбирали по названию. Старые фильмы смотрели, если они того заслуживали. Сеансы начинались часов в десять-одиннадцать.

Вам, уважаемый читатель, наверное, уже наскучило читать это “предисловие”. Но, во-первых, Вы воспитываете в себе терпение. И, во-вторых, читая даже абсолютно бездарное сочинение, Вы извлекаете пользу: Вы учитесь сравнивать и отличать хорошее от плохого или очень плохого. А тут ведь не сочинение, а чистая правда!

Больше испытывать Вашего терпения я не стану. И если, прочитав мой рассказ до конца, Вы почувствуете ко мне хоть маленькую симпатию, я буду очень рада.

В этот обычный, по началу ничем не примечательный вечер мы собрались в клуб. Но пошли только я, мама и Юлька. А наши мужчины остались дома. Папа делал новую клетку для кроликов, а мальчики помогали ему, как подсобные рабочие.

Сейчас мои дети уже взрослые и я очень горжусь ими. А тогда Боре было лет одиннадцать, Жене – восемь, а Юле – шесть. Наверное, Вы возмутитесь, что дети так поздно не спали? Но они вставали поздно! И, скажите честно, легко ли уложить детей летом спать? Вот так и наши пострелята: в двенадцать ложились, в десять вставали.

Фильм, на который мы собрались, я видела раньше и хотела, чтоб его посмотрела и мама. Это, конечно, был не детский фильм, но Юля уговорила нас взять и её с собой.

Пришли в клуб. Народу собралось много. Билетёрша, тётя Маня, всех “обилетила”, тут же оборвав контроль, т.к. исполняла сразу две роли, и контролёра – тоже. Она прикрыла окна чёрными шторами и ушла. Наверное, не раз этот фильм видела. Фильм начался. Американский детектив, цветной и без “вредных” идей.

Через некоторое время тётя Маня вернулась и что-то тихонько сказала маме. Они с мамой в хороших отношениях. Тётя Маня часто угощает нас яблоками, а мама её – городскими деликатесами.

Женщины вышли из клуба. Вскоре мама возвратилась и позвала меня посмотреть “что-то” на небе. И вот уже все зрители высыпали из клуба во двор. И было на что посмотреть! Вокруг была сплошная темень. Но над лесом, что за деревней, километрах примерно в трёх – может, чуть больше, горели на одинаковом расстоянии друг от друга, в два ряда – то ли лампочки, то ли звёздочки. Вылитая “летающая тарелка”! Мы так и решили. “Тарелка” медленно опускалась.

Вдруг неожиданно появилась такая же “тарелка” рядом с первой, только чуть ниже или выше, уже не помню. Теперь уже две “тарелки” опускались, притом, с одинаковой скоростью. Потом они пропали.

Ажиотаж тут конечно поднялся. Каких предположений тут не делалось! “Конечно, это – корабль! Инопланетяне!” Волнение овладело всеми. “Побежали смотреть!” “Какой смелый. Они же и убить могут!” “Какие инопланетяне? Это ракеты. Солдаты площадку освещают”. “Какую площадку? Часть же не в этой стороне”. “Много ты знаешь”.

Больше всех спорили два парня. “Где ты видел такие ракеты? Видишь, какое между ними расстояние? Как вымерял кто”. “Ну, так беги к своим инопланетянам. Завтра нам расскажешь, как они тебя встретили”. “Иди ты,” – махнул рукой защитник версии “космические пришельцы” и пошёл досматривать фильм.

Все вернулись в клуб. Ведь “тарелки” пропали. Может, спрятались за верхушками деревьев? Вокруг было совсем темно. И лес, и небо сливались в одно сплошное чёрное пятно.

Когда фильм закончился, в клубе и на улице о нём никто и не говорил. Всё затмили “летающие тарелки”. Если б не тот скептик, наверное, побежали бы туда, где спрятались загадочные огоньки.

По дороге домой только и разговоров было, что про инопланетян, и о том, что делать, если они прилетят. Бежать ли навстречу, или это опасно?

Когда мы вернулись домой, то рассказали обо всём папе и мальчикам. Папа в инопланетян не поверил. Но вся молодёжь, и я с ней, была за “космический корабль”. Долго мы не могли уснуть, всё обсуждали эту тему. Пока мама не сказала: “Хватит, спать пора”. И все мы отправились спать.

ГОЛУБЬ

Моя мама умерла летом, не дожив до своего восьмидесятилетия недели две, почти через полгода после папы. А через некоторое время умерла мама моей коллеги Надежды Ивановны. Прошло несколько дней, и она рассказала, что к ним на окно прилетала какая- то птичка. И добавила, что люди говорят, после смерти душа умершего прилетает проститься с родными. Я про это и раньше слышала, но забыла, а теперь просто ахнула.

Ведь и к нам прилетал голубок после маминой смерти и, как будто, есть просил. Но я птиц подкармливаю только зимой. Сыплю им какого-нибудь зерна. А если нет зерна, то бросаю на бортик, что под окном над лестницей, или хлебных крошек, или, на худой конец, гороху. А летом птицам корма не даю – пусть гусениц и червячков едят.

Прилетел голубок, а я стучу по стеклу, прогоняю его. Но птичка не улетает! Пожалела я голубка и покормила его. Он улетел, а я про это и забыла.

Только после рассказа Надежды Ивановны я вспомнила про него. И про то, что у голубка так же, как у мамы было бельмо на глазу. Хорошо, что я его всё-таки покормила, а не прогнала...

ПОЛТЕРГЕЙСТ

Случилось это зимним утром. Жили мы тогда в районном центре. Моя дочь Вера училась в Минске и, чтоб не опоздать в институт, уходила где-то в полседьмого. Я уже не спала. Дочь разбудила, собираясь. Вставать рано, однако теперь и не уснёшь, наверное. Стукнула дверь. Вера ушла.

Пролежала я так несколько минут, слышу: ключ в двери повернулся. Наверное, Вера что-нибудь забыла. И вдруг по комнате от входной двери – шаги, да такие, как будто слон идёт! Тяжёлые и медленные. Топ-топ-топ. Странно как-то. Но кто же это может быть, кроме Веры?!

Шаги дотопали до моей двери, и тишина. Наверное, Верка балуется. Я громко спросила: “Вера, это ты?” В ответ – тишина! Тут я струсила, конечно. Но не ждать же, чтобы кто-то зашёл, и я вскочила с кровати, включила свет в спальне и выглянула в прихожую. Никого! Быстро пробежала, включая свет, по всем комнатам. Везде заглянула. Даже на балконы. У нас их два было. Нет никого! Тогда я подошла к двери, а дверь закрыта!

Так, значит “глюки” начались! С чего бы это? Я не пью и не курю. Бывает, конечно, в гостях выпью за вечер одну рюмочку вина или один фужер шампанского. От мужа-алкоголика давно избавилась. Так что нервы в порядке. С дочерью живём дружно, не ссоримся. Хотя мужа своего я не виню. Он не сразу пить стал. Он просто, как большинство мужчин, не мог отказаться от рюмки, если ему предлагали. Слабый пол! Это они только перед женщинами сильные. Каждый мужчина – пуп Земли! Кстати, вспомнила: когда-то наша соседка ругалась со своим мужем. Так громко орали, что через стенку слышно было. Он кричал на неё всякими нецензурными словами. А она ему: “А ты?” А он ей: “А я – мужчина!” Этим всё сказано!

Ну, раз нет никого, я снова спать легла. И, представьте себе, уснула! Когда вечером я пришла с работы, рассказала всё Вере. Она пыталась убедить меня, что это мне приснилось. Но я же точно знала, что не спала!

А назавтра... Решила я спать лечь часов в десять вечера. Обычно-то я позже ложусь. Телевизор посмотрю и потом укладываюсь. Бывает, у телевизора и задремлю. Фильмы такие пошли, что под них засыпается хорошо. Ладно ещё, если просыпаюсь и выключаю телек, а иной раз его Вера выключает. Знает, что я могу у телевизора заснуть.

В этот вечер, как обычно, Вера была в своей комнате и готовилась к занятиям. А я расстелила постель, потушила свет и легла. Буквально через несколько минут – те же шаги! Только не слышно было звука поворачивающегося ключа. Тут я действительно испугалась. Но всё же во всякую чертовщину не верилось. Поэтому я и закричала: “Вера, это ты?” А она из-за двери: “Нет!” И через минуту влетает ко мне в комнату со своей подушкой. “Ты что?” “Я уже

свет выключила. А как ты крикнула, у меня на пороге заскрипело что-то”.

Выходить в прихожую и проверять комнаты я не стала. Наверное, полтергейст. Походит, походит и перестанет! Некоторое время я всё же включала свет в прихожей, если просыпалась, когда Вера утром уходила. Больше никто не топал. Родители, правда, сказали мне, что, бывает, коты по чердаку бегают, и кажется, что кто-то топает.

Но через некоторое время дня три подряд стучало в углу около балкона. Мне, конечно, страшновато было, но что сделаешь? Я перекрещусь сама, угол перекрещу. “Ничего, – думаю, – постучит, постучит и бросит”. Так и вышло. Правда, на четвёртый день утром я вышла в прихожую и говорю (цирк, да и только!): “Товарищи инопланетяне, если вам жить негде, то живите, только не стучите. Мы боимся”. Больше, слава Богу, никто нас не беспокоил.

ОТГОЛОСКИ ВОЙНЫ

После войны осталась Анеля одна с двумя детьми. О муже Степане, что был командиром полка, получила извещение: “Пропал без вести”. Но она в это не верила и всё время загадывала на что-нибудь . То загадает, когда посуду моет: “Пусть стакан разобьётся, если он живой!” Загадала – стакан лопнул! “Пусть второй разобьётся”. И второй стакан постигла участь первого. А стаканы были нормальные, крепкие, раньше не лопались.

Однажды приснился Анеле сон, что муж влезает в комнату через открытое окно. Затем он подходит к картине, что висит над кроватью, снимает её и ставит у стены. Когда она проснулась, то картина стояла у стены. Картина была большая. Посмотрела Анеля: окно закрыто изнутри, как положено, на крючок. Висела картина над кроватью, где Анеля спала вместе с дочерью. “Неужели я сама эту большую и тяжёлую картину ночью во сне сняла? Если б картина упала, то не стояла бы у противоположной стены,” – думала она и не могла дать объяснения случившемуся.

После этого Анеля ещё больше уверовала в то, что Степан жив. Она всё время ждала его и посылала письма в разные инстанции – может, найдётся, может, где в госпитале раненный и не хочет быть им обузой.

Много времени прошло. Однажды, когда дети уже выросли, получила она известие, что муж погиб и похоронен. Горько рыдала Анеля, узнав, что Степан всё-таки погиб. Но со временем на сердце у неё полегчало даже. Вот и верь после этого в разные знамения!

ЧУДЕСА

В Бога Галя верила с детства и даже крестилась иногда – перед экзаменом, например. И когда уже в церкви ходить все начали и Библию читать стали, купила и она Библию, и стала читать. И вот едет она однажды со всем своим семейством с дачи: с мужем, родителями и детьми – и Библию читает. За окном радуга появилась и исчезла. Галя подумала: “Если нам Бог будет помогать, то радуга появится снова”. И она появилась! Говорят, такое бывает, но Галя такого ни разу не видала, чтоб два раза подряд. Может, это и не чудо. Но разве, вообще, радуга – это не чудо?!

А через некоторое время прочла она про то, как Иисус несколькими рыбами и хлебами накормил тысячи людей. Вот и подумала она, когда фасоль ела: “Если это правда, то фасоль в моей тарелке не будет уменьшаться, сколько я ни съем”.

И представьте себе, что всё так и случилось! Фасоль была положена в мелкую тарелку по рубчик. Ела её Галя чайной ложкой. Зачерпнёт ложечку, съест. Разровняет вмятинку в фасоли, что от ложки осталась. Снова зачерпнёт, съест и разровняет. Так съела она двадцать ложечек. Не две-три, а целых двадцать! А фасоль, как была по рубчик, так и осталась! Потом она решила: “Хватит, пора доедать”. И съела всю фасоль! Рассказала про этот случай родным, а те сказали, что это самогипноз. Может, и самогипноз.

СВЕТЛАНА ЧАРНАЯ

Родилась 10 августа 1970 года в Минске. Окончила Белорусский институт культуры в 1993 году. В студенческие годы начала писать стихи, которые одобрил поэт А. Легчилов. Прозу пишет со школьных лет, в школьные же годы начала печататься в газете “Чырвоная змена”. Публикует свои стихи и прозу в белорусских периодических изданиях, среди которых “Медицинский вестник”, “Алеся”, “Знамя юности”, “Гаспадыня”, “Качели”, “Гоман”, “Акно”, “Целитель”, “Я – Женщина”, “Любимая газета для всей семьи” и др. Имеет два авторских сборника: “Откровение вдохновения” и “Аромат лотоса”, а также один сборник детской прозы “История крикуна Феди”. Регулярно выступает по радио на канале “Культура” в передачах “У сямейным коле”, “Стыльныя штучкі”, а также “Для тых, хто дома”. Часто выступает на мероприятиях в различных библиотеках.

УШЕДШАЯ МУЗА ПОЭТА

От поэта ушла Муза…Она давно собиралась это сделать. Но ей, словно заботливой жене, было жалко это сделать. Муза закрывала глаза на то, как поэт делил ее с бутылкой, а утром следующего дня, страдая от жуткого похмелья, ругал ее по-чёрному.

Поэт давно развелся с женой, ради неё – своей Музы. Музе это льстило, она ликовала, что её предпочли пустой раздражительной женщине, вечно думающей лишь о еде и тряпках, всегда ходившей дома неухоженной распустёхой, словно старая разношенная туфля.

А Муза ежедневно меняла имидж, награждая поэта гармоничными рифмованными строками. Эти строки были не везде, но востребованы. И за небольшие гонорары он кутил в кабаках средней паршивости и хвалился своим друзьям, что она, его Муза, никогда от него не уйдёт.

Музе это не нравилось, потому что она ненавидела собственничество. Муза была вольной, словно ветер. А ветер бывает разным: от легкого зефира до урагана, уничтожающего всё на своем пути. И она

решила отомстить поэту самой страшной женской местью: лишить вдохновения. И, когда поэт в очередной раз с похмелья принялся бранить Музу, она решила от него улететь.

Поэт не выдержал такого предательства, и, издав прощальный вздох, покинул эту землю, не забыв до того хорошенько принять на грудь. Наверное, за будущий упокой своей израненной души.

После себя он оставил девственно-чистый лист белоснежной, аки невестино платье, бумаги.

Муза долго парила над землёй, не находя пристанища. Ей было жаль поэта, ведь они прожили бок обок много счастливых лет. А потом Муза встретила дворника, курящего сигарету и пьющего пиво. Ей стало так его жалко, что она решила помочь ему, заполнить собой пустоту его души.

Но дворник так и не сумел понять загадочную натуру Музы. Он сорвал с нее лёгкие одежды и надел тот самый рваный и грязный халат, в который облачалась жена покойного поэта, дал Музе в руки кастрюли и приказал готовить завтраки, обеды и ужины. Очень скоро легкие крылышки Музы превратились в грубые мозолистые руки, кроме того, с ее головы упал золотистый нимб, и стали видны жиденькие и неухоженные волосы, побитые грязной серой проседью, словно плесенью.

Муза покорно варила жирные щи и жарила котлеты. Может, ей действительно не хватало грубой прозы жизни?

Однажды она позабыла купить сигареты, за что дворник ее сильно избил. С синяками и кровоподтёками Муза лежала на полу.

А в это время над квартирой дворника пролетала душа ушедшего поэта. Наградив дворника белой горячкой, она подхватила лежавшую без сознания Музу и устремила её к небесам.

Где-то на Млечном пути Муза пришла в себя и почувствовала, как у неё вновь выросли крылья и нимб окутал голову. Она взмахнула крыльями и самостоятельно улетела от поэта.

А поэт долго пытался её найти, развешивал в бескрайнем космическом пространстве объявления, которые писал звездами: “Ищу пропавшую Музу. Нашедшему – вознаграждение поэмой”.

Но найти пропавшую Музу никто не мог. Она сама приходила к поэту в нужный момент. А потом так же нежданно и уходила.

В своей небесной квартире поэт всегда держал дверь открытой. В любое время года. Потому что свою Музу он ждал всегда!

СЛАДКИЙ СОУС МАЙОНЕЗ

– Ты перепутала сахар с солью! Посмотри на себя: мало того, что скоро всё слипнется спереди и сзади так, что топором не разрубишь, так ты ещё и пухнешь не по дням, а по часам. Тебя, наверное, пересластили в детстве!

– А тебя, наоборот, недосластили! Тебе доставалось от жизни слишком много горечи. Я люблю экспериментировать в еде: каждая женщина на своей кухне – практически богиня, так, как и любая другая – на своей.

Салатница вместе с витаминным салатом, заправленным, по словам моего благоверного, слишком сладким майонезом, с подачи сильной мужской руки полетела в угол комнаты. Она глухо ударилась о стенку, и, сделав сальто над полом, упала и разбилась на неровные осколки. Содержимое салатницы сиротливо разлетелось по полу. Кот Маркиз понюхал эти ошмётки и, чихая, удалился прочь.

– Вот, даже Маркиз не ест твои шедевры, богиня.

– Правильно, коты не едят овощи.

– И не только коты.

Благоверный удалился из кухни, торжественно пройдя по моему “шедевру” домашними тапками.

Я почувствовала, что не могу плакать. Вот именно, не могу. Хотя очень хочу. А может, не могу, потому что, не должна?! Сердце разрывает какая-то тупая боль. Как он сказал – богиня? А богини не плачут. А еще я подумала, что вот так, словно тарелка, разбилась и наша любовь. И не только любовь. Разбилось наше уважение. А было ли всё это вообще?

Может, я просто перестаралась, а он просто решил играть в одни ворота. А ещё говорят, что развод – это маленькая смерть. Вы скажете: глупо из-за сладкого соуса подавать на развод. Не из-за соуса, а из-за неуважения. Унизив однажды, унизит дважды, трижды и четырежды. А кто подумает, что это не унижение – также ошибается.

Унижения не делятся на поверхностные и глубокие. А достоинство у нас только одно.

Я выбросила осколки салатницы, вымыла пол и позвонила своей закадычной подруге Наде. Уж кто-кто, а Надежда меня точно поймёт. А вообще, напрошусь к ней в гости! Куплю что-то к чаю. Нет, к чёрту чай! Куплю бутылку хорошего вина, а к нему подойдет всё, что угодно, и отметим мой будущий развод.

Небрежно бросив на рычаг телефонную трубку, я нарядно оделась, сделала вечерний макияж. Он мне показался скучным и незаметным, и я, смыв его с лица, подвела глаза карандашом “а ля северное сияние в ночи”, наложила на ресницы королевскую тушь и освежила губы малиновым блеском. С таким макияжем мне точно нельзя плакать. Во-первых, произойдет перевод качественной элитной косметики, а во-вторых, богини не плачут, а лишь иногда, и то слегка, огорчаются.

Плотный свинцовый туман и мерзопакостный мелкий дождь испортили золото осени: многие деревья не успели примерить на себя рубиновую и золотую листву, как изумруд их листьев уже безжалостно сорвал ветер. Жаль, они умерли, не успев насладиться женственностью и чарующей красотой золотой поры. Неужели так умирает настоящая женщина: словно опавший лист от злого и колючего ветра, оставив глубоко в сердце пьянящую тёплую красоту?

Увидев меня во всей вечерней красе, да ещё и с нарядным пакетом в руках, Надька так и села.

– Так, до Нового года далеко, а до Женского дня ещё дальше... Дни рождения…

– Ты что там перебираешь?

– Праздники. Думаю, в честь какого из них ты так нарядилась.

– Не угадаешь. Этот праздник – мой будущий развод.

И я рассказала Наде всё.

– Светусик, а ты всё обдумала? Прежде чем один раз отрезать, надо сто раз отмерить. Знаешь, я не могу дать тебе совет – быть или не быть. Здесь надо думать тебе самой и решение принимать тоже самой.

– Пока будешь мерить сто раз, уже не захочется ничего резать.

– Это ты сейчас такая бравая. А когда отрежешь, вдруг поймёшь, что осталась в глухой пустоте одиночества. Кто тебе скажет “доброе утро” или “добрый вечер”?

– Солнышко скажет, дождик скажет, первый зимний снег разбудит, радуга, вечер, ночь и ты. Что-то тебя не узнаю: я думала, что будешь рада такому предстоящему в моей жизни событию.

– Понимаешь, Светка, развод – это маленькая смерть.

– А мне кажется, развод – это новая жизнь. Вернее, воскрешение. Тем более, что началось всё не сегодня и не вчера, а гораздо ранее. То пол плохо вымыт, то рубаха сырая, то борщ не такого цвета. А сегодня разбил о стену наш с тобой любимый салат: майонез ему показался слишком сладким. Да я же сладкая женщина! Хуже ведь было бы, если бы я была горькой и едкой бабой! И в конце концов, разве для жизни всё это столь важно? Или мы живём под одной крышей исключительно для того, чтобы удовлетворять свои животные потребности? А как же духовная связь? Любить – это значит не смотреть друг на друга, а смотреть вместе в одном направлении. Не помню, кто из классиков это сказал. Ну, не важно. Ты понимаешь, любовь ведь не умирает просто так, сама по себе. Её медленно убивают. Постепенно.

– Прежде чем куда-то уходить, надо подготовить себе запасной вариант.

– Он уже давно готов.

– Где?

– В моих мечтах. Век живи – век мечтай.

Мы с Надькой неудержимо расхохотались.

– Да, Светка, ничего не поздно, пока мы живы! Но бойся мечтать – мечты сбываются.

– Нет, не бойся мечтать. Без мечты мы умрём заживо. Бояться надо, разве что, того, чтобы мечта не перешла в слепую и безжизненную иллюзию.

– Кстати, давай приготовим наш любимый салат по-берлински.

– Согласна, но с одним условием: заправим его сладким соусом майонез.

РЖАВОЕ СЕРДЦЕ

На моём письменном столе стоит твоя фотография. Она в красивой золочёной рамке, только эта рамка совсем не вяжется с лицом на фото: угрюмым и недоверчивым. Мне показалось, что позолота на рамке стала тускнеть, будто бы ее посыпали пеплом.

Я смотрю на фотографию и не понимаю, что у нас было: любовь, иллюзия или его величество случай.

У нас был служебный роман. Заступила первый раз на дежурство молодая медсестричка, полна уверенности, задора и оптимизма. И ты ей помог. А потом мы пили кофе в ординаторской и болтали о всяких пустяках.

Я знаю, что сделаю с твоей фотографией: вытащу из рамки, разорву на мелкие кусочки и выкину их. Пусть их подхватит попутный ветер. Но в тот день ветра не было. Я посмотрела вниз из окна и увидела весёлую зелёную травку и цветущие тюльпаны. Нет, мелкие куски бумаги всё испортят. Они совсем не вписываются в этот пейзаж.

А дальше – глубже. Наши отношения развивались стремительно. Поступали тяжёлые больные, я старалась каждому уделить внимание, и попросту сбивалась с ног. Ты мне помогал морально и физически, отпаивал чаями со сладостями, успокаивал, как мог. Несмотря на тяжёлые дежурства, мы сидели полночи в ординаторской либо на посту и разговаривали, разговаривали, разговаривали. Ты гладил мои руки, согревал их своим дыханием и просил не перетруждаться. Я знала, что ты женат и воспитываешь двух дочерей. Но я не придавала этому никакого значения. Нет, я не собиралась строить своё счастье на чужом несчастье. На несчастье можно построить только несчастье. Но ты говорил, что в семье чужой. И я, словно утопающий за соломку, схватилась за эту фразу. Жена не понимает, а я пойму!

Я знаю, что сделаю с твоей фотографией: безжалостно её сожгу. Где-то читала, что если ты хочешь забыть человека – похорони его где-то в глубине своей души. Боже, я как представила, что в глубине души находится бесхозная могила… Ужас! Никогда такого не

сделаю. В глубине моей души цветёт сад, который я постоянно поддерживаю, холю, лелею, поливаю чистой водой, хорошими воспоминаниями и делами, творчеством, приятными встречами. Не надо устраивать кладбища в недрах души, не надо справлять поминки по ушедшей любви, не надо сооружать памятники чему-то недостойному. И нельзя цветущую землю посыпать пеплом.

Но это я понимаю сейчас. А тогда наши отношения достигли апогея, и ты вдруг сказал: "Мы останемся просто друзьями". Резко, прямо, в лоб. У меня из-под ног ушла земля. Наши дежурства не совпадали, я не жила…

А потом ты позвонил мне домой, попросил прощения и разрешения встретиться на стороне. Я обрадовалась, собрав все осколки разбитой чаши любви. Я склею эту чашу. Пусть не буду из нее пить, поставлю на самое видное место и буду беречь от того, чтобы она не упала и не разбилась вновь.

Наш служебный роман стал явью. Узнала твоя жена. Ты начал видеть во мне только недостатки: что фигура не идеальна, что я трачу много денег на свои наряды, что ярко крашусь и читаю не те книги. Попытался прикрикнуть на меня. Но ты не знал одного: что я никому никогда не позволю относиться к себе, как к собственности, как к половой тряпке. Господи, да я же фактически и превращалась в тряпку, когда бежала на первый твой зов, когда выслушивала неодобрительные слова о жене и дочерях. Я заметила, что у тебя нет друзей, что ты носишь потрепанную одежду, старомодную оправу очков, что ты – зануда, не способный улыбаться и радоваться жизни. Ты хотел меня превратить в своё подобие?!

Я тебе высказала всё на одном дыхании. Позже я узнала, что ты попытался сойтись с другой женщиной, но она тебя не поняла. Тебя вообще никто никогда не сумел понять за прожитый отрезок жизни. Потому, что тебе тесно с самим собой. Потому, что ты не понимаешь и не любишь сам себя. Потому, что сердце у тебя ржавое. А к ржавому сердцу подойдет только ржавый ключ.

Я знаю, что сделаю с твоей фотографией: верну ее тебе!

Вытащила фотографию из золочёной рамы и увидела, что рамка засияла. Я себя ощутила юной, бегущей за шлейфом утренней холодной зари.

ОН, ОНА И ФЭН-ШУЙ

– Два шкафа заполнены твоей одеждой и обувью. В шкафу-купе – барахло времен внука царя Гороха. Так, что ещё у нас? Ага. Односпальная кровать, что немного роскошнее раскладушки. А здесь один подсвечник, одна зубная щетка, одна мыльница. Ленка, а вилка с ложкой и чашка у тебя тоже в одном экземпляре?

– Нет. Два сервиза: чайный и кофейный, столовые наборы.

– Ну, это уже радует.

– А что, это имеет какое-то значение?

– Да, самое прямое. Самое прямое отношение к твоему одиночеству. Начнем сначала. Два шкафа, забитых твоей, и только твоей, одеждой. А твой любимый мужчина где будет складывать свою одежду? На балконе, наверное. Далее. Односпальная кровать-раскладушка. Вы что, будете спать в позе "а ля бутеброд"? Или он будет охранять твой сон на коврике или на потолке? Неудобно. А с потолка он свалится на пол. Да в любой книге по фэн-шуй говорится, что надо представлять своего любимого мужчину рядом с собой. Будто вы находитесь здесь и сейчас. Для его одежды должен быть собственный шкаф, ваше ложе любви тоже должно быть двуспальное. И парные предметы в спальне – подсвечники, хотя бы.

Люда прошла на кухню, зачем-то отодвинула мою любимую шторку. И тут её рука соскользнула и сорвалась в горшок с моим любимым кактусом.

– А-а!

Она истошно вскрикнула, но две больших иголки прочно застряли в её ладони.

– Ну вот, теперь занозы будут. Какого чёрта эта почварина стоит на окне?!

– Это не почварина, а мой любимый кактус. Его зовут Миша, между прочим. Я люблю с ним вечерами беседовать, иногда и поплачусь в колючки.

Ловким движением я выдернула колючки из Людкиной ладони и обработала красные точки йодом.

– Чудесный кавалер. А главное, колючий. Так зафига тебе вообще мужик? У тебя же есть зелёный и колючий Миша.

– А ты зачем шторы дёргаешь?

– Чтобы полюбоваться на идущую за твоим домом стройку. Прямо у тебя полный набор для неблагоприятной энергии Ша. Кстати, у тебя её в избытке. Это очень плохая, деструктивная энергия. Поэтому у тебя ничего не получается на любовном фронте.

– Мне пойти и попросить строителей, чтобы прекратили свою деятельность? Ты ещё скажи, что я живу не в том доме, не в том месте и не в той стране. Людка, ты просто помешалась на фэн-шуе. Людочка, ну мы же не в Китае живем. Да и нынешний Китай далёк от эпохи Мандаринов. Есть вещи, которые изменить мы не в силах.

– Но мы можем изменить своё отношение к ним. Во-первых, избавься от ненужного хлама в виде старой одежды.

– Она мне очень дорога. Вот это платье – моё выпускное, вот в этом костюме я справляла своё двадцатилетие. А вот в этом впервые шла на свидание. Людка, я не могу носить эти вещи сейчас, потому что поправилась, и они влезут, разве что, на мой нос. Но я через пару месяцев похудею и обязательно их надену.

– Вот когда похудеешь, купишь новые на два размера меньше.

– А ты хоть цены в магазинах видишь, или фэн-шуй тебе полностью закрыл глаза?

– Цены вижу очень хорошо. И скажу, что когда уходит старое, приходит новое. А куда ты повесишь новые вещи? Да твоего барахла хватит, чтобы половину старьёвщиков страны сделать миллионерами. И, конечно, купить тебе пока не за что. Хлам блокирует денежные потоки, маленький ручеёк животворной энергии Ци не может пробиться в топкое болото застоя.

– Опять тебя понесло.

В общем, с Людкой мы чуть было не поссорились. Перед тем, как уйти, она спохватилась:

– Кстати, я тебе приготовила сюрприз.

И поставила на нижнюю полку огромную трехлапую жабу с монетой во рту. “Ну, уродина! А почему трехлапая? Где четвертая лапа?! А монету она проглотить хотела и чуть не подавилась ею?! А тяжёлая какая!” – думала я и в душе злилась на подругу.

На следующий день я пришла с работы. Чего-то хотелось такого, не знамо чего. И я открыла одну створку шкафа, вывалила оттуда всё содержимое. Бог мой, да тут же чёрт не только ногу сломит, а обе руки и рога. Кофта, в которой шла на вступительные экзамены в институт и не поступила. Платье, которое одевала на свидание к человеку, с которым рассталась. Надо ли это мне?! За три часа набралось три чемодана старья. Пока снесу я это всё в подвал, а там видно будет, как поступить.

Так, один снесла. Несу второй чемодан.

– Девушка, а куда это Вы чемоданы носите?

Усталый мужчина в строительной спецовке улыбался.

– В подвал. А Вы нашли место для стройки. Скоро дома будут так стоять, что окна в окна заглядывать будут, а люди будут ходить боком.

– Да я тоже не сторонник всего этого. Я – строитель, и где-то с Вами согласен. А знаете, здесь по бокам можно разбить симпатичные клумбы. Это будет своеобразным живым забором. Так делается в Китае.

– А Вы там были?

– Был. Я начал недавно изучать фэн-шуй, съездил на семинар к самому мастеру Яп Чен Хаю. И знаю, что в ваших чемоданах находятся старые ненужные вещи. Только зачем ими надо захламлять свой подвал?

– Продавать их на рынке прикажете?

– Нет. Есть много способов. Между прочим, меня Мишей зовут.

– Елена.

Я вздрогнула. Этот Миша не был колючим, а даже наоборот. Хотелось общаться и общаться с ним.

Вечером мы говорили долго-долго и выхлебали не одну чашку ароматного чая.

А постепенно мы избавились от многих ненужных вещей. Старая односпальная кровать-старушка-раскладушка нашла своё почетное место на нашей даче, где обычный домик украшают заборы из живых цветов. А возле двух альпийских горок радует глаз небольшой водоем. На самом дне прозрачной воды гордо восседает трехлапая жаба, и, улыбаясь, протягивает нам монету...

ОЛЕГ ЧЕРНЫШЕВ

Родился 18 марта 1939 года в г. Великие Луки (Россия). Кандидат философских наук, доцент, автор концептуального подхода к построению системы дизайн-образования, ряда книг по теории и практике дизайна. Имеет более 70 научных публикаций и разработок, в том числе авторские свидетельства на промышленные образцы и изобретения. Им изданы сборники стихов: "Автобиография чувств" (2010) и "Отражения" (2011).

В разные годы руководил кафедрой дизайна в ведущих ВУЗаз республики. Член международной ассоциации "Союз дизайнеров", Совета белорусского союза дизайнеров. Отмечен дипломами Российской академии художеств и Международной академии наук о природе и обществе (отделение дизайна) за весомый вклад в теорию и практику дизайн-образования, а также почётным знаком Министерства культуры Республики Беларусь за значительный вклад в развитие белорусской культуры.

***

Я живу. Нет ни дней, ни минут:
Время сбилось в секунд муравейник.
Так, наверное, только живут
Мать, Поэт, Сумасшедший да Пленник.
Я, конечно, не мать, не поэт
(Мне ли ведомы тайны творенья?),
Но и, вроде бы, разума свет
Не страдает от тягот затменья.
Здесь, пожалуй, причина одна:
Пылкой юности лет многоцветье
Иссякает до самого дна,
Монотонностью мстя. Но поверьте:
Нет, не тягостно жить в плену
Одноцветных и чувств, и мыслей.

Только жаль, что в эту страну
Не заходит любовь. А ведь мы с ней
Побывали в этом раю,
Наблюдать часов не привыкли.
Я за это ей гимны пою.
Но… Хоть спой ты ей что, или крикни,
Не услышит она, не придёт –
Ведь давно отзвенели, оттикали
Те часы, что замедлили ход.
(Мир не станет от этого тише ли?)

Я живу – нет ни дней, ни минут,
Время сбилось в секунд муравейник...
Не для тех в этом мире приют,
Кто не прожил счастливых мгновений.

***

Снег то ластится, то злится,
То толпится меж бровей…
Тонет в слипшихся ресницах
Свет далёких фонарей.

В ночь иду по бездорожью,
Сторонюсь людей и троп.
Тормошу, как грудь бульдожью,
Круто вздыбленный сугроб.

Кувыркаюсь в нём и прячусь,
Как игривый юный пёс
Навзничь падаю, дурачусь,
Не стыжусь седых волос.

Не солидно? Знаю. Каюсь.
Мне сегодня не до сна:

Этак я с зимой прощаюсь,
Завтра – Март. Идёт весна!

***

Прислонившийся к ограде,
Расстегнув воротничок,
Дремлет в мартовской прохладе
Прошлогодних трав пучок.

Ветерок – щенок приблудный,
Скрылся в ельнике густом,
Согревает землю скудный
Луч, с расчётом на “потом”.

Лес стоит в недоуменье:
Ни мороза, ни тепла.
Нет восторга в птичьем пенье,
Высших ноток ремесла.

Все с томленьем ожидают:
Лес, поля, холмы, кусты, –
День, когда совсем растают
Серых наледей пласты.

Пусть Земля утёнком гадким
Перетерпит дождь и грязь.
Это время будет кратким,
Но потом, себе дивясь,

В разноцветном сарафане
Она выйдет в знойный май
И меня к себе поманит
Стройным пеньем птичьих стай.

***

Притихшая, ты прячешься с испугом,
Как шулерская карта в рукаве,
За ширмой слов, за их порочным кругом,
Как робкий ручеёк в бушующей траве.

Печальная, томишься в заточенье,
Ища ответы на незаданный вопрос.
И меркнут тихо чувства в мельтешенье
Обманных жестов и подложных слёз.

Пусть у судьбы краплёных карт колода –
Не огорчайся, не страшись и будь со мной
Наступит час победного исхода,
Крепись, душа! Ты – главный козырь мой.

***

Любовь и ненависть – великие затменья
Души и разума, упорнее глупца…
Отдать готовы вечность за одно мгновенье,
И мудрость опыта – за темноту слепца.

Но лишь в гармонии их сила и опора,
Кипя опять в горниле жизненных страстей,
Они – одно, как будто в танце два партнёра,
Как оба гена у наследников-детей.

***

Гладит глаз сугробов пляску,
К горизонту взмыл перрон…

Подарил мне эту сказку
Прицепной вагон.

Тамбур бьётся мелким бесом:
Снизу скрежет, сверху свист,
И луна летит над лесом,
Как осенний лист.

Мне тепло, я здесь, как барин:
Можно петь, плясать, курить…
Три окна, пускай без ставен –
Не к лицу хандрить!

Я приучен к жизни нервной,
Там, в купе, – покой, комфорт,
Но зато я самый первый
Обниму восход!

***

Листая чётки памяти,
Расчувствуюсь...
Собьюсь…
А может взять,
Да к ней пойти
И тронуть нитку бус?
Притронуться,
Расплавиться
И слиться,
Словно ртуть,
Кудрей багет
Смахнув с лица,
Как тень
Упасть на грудь?..

***

Поседели рубины костра...
Звёзды вспыхнули ярче и ближе,
Но и им лишь гореть до утра:
Их заря ненасытная слижет.

Время ночи – для грёз торжества,
Солнце встанет и мир расколдует:
Словно пыль у дороги с куста
Все виденья чудесные сдует.

Лишь душа, сохранив свет ночи,
До заката всё тайное спрячет.
Приходи. У костра помолчим
Звёзды ночью о Вечном судачат…

***

Я молчу не от скудости мысли,
Не от страха за немощность слов...
Просто – паруса крылья обвисли
И на рифы судьбу занесло.
Ветер юной той робинзонады,
Дерзких планов и радужных грёз
Не принёс ни желанной отрады,
Ни покоя душе не принёс.
Хор событий затих, поредел,
Обветшали узоры мелодий,
Чувства стынут без пламенных дел,
В мысли кутаясь, – не по погоде.
Мыслям вольно по рифам блуждать
Средь былых неудач и ошибок,
Не виня никого, осуждать

Лишь себя, причитая:
“Спаси, Бог!”

***

Не кори за взбалмошный характер!
Я и сам бы рад остепениться,
Но судьба, рванувшая на старте,
Понесла – и не остановиться.

И в большом, и даже в самом малом
Я несусь почти по бездорожью.
Превратилась жизнь в гигантский слалом,
Между истиной лавирую и ложью.

Я, как “И”, – меж логикой и чувством,
Мой удел – держаться посредине,
И всегда вести их встречным курсом,
Чтобы розы расцвели на льдине.

Сам с собой борюсь я в этой гонке:
Ни пристать нигде, ни раздвоиться.
Эй, болельщики, – стоять в сторонке!
Врежусь – не успеть вам извиниться.

***

Подкралась тень по стенке к потолку,
Последний луч мазнул малиной тучи:
День отошёл... И как тут ни толкуй,
Он был, пожалуй, самый невезучий.

Ему не встать бойцом в гвардейский строй,
В своей безликой форме новобранца –

Бессмысленный и тягостно пустой,
Как ночь без сна у немощного старца.

Пропавший день – оборванная нить
В узоре тайном жизни самотканой.
Не возвратить его, не заменить,
Останется в душе досадной раной.

На древе жизни умер тот росток,
Не расцветать ему и не ветвиться...
Кляну себя, взирая на Восток:
Не дай, Господь, такому повториться…

***

Подари мне на счастье бессонницу
И толковый словарь тишины,
Чтобы мог я Рублёвскую “Троицу”
Слушать тайно, зайдя со спины.

Утопая в молчании Ангельском,
Как творил преподобный Рублёв,
Я сподобился бы постигать виском
В Триединстве святую Любовь.

Мне открылся бы мир бестелесности,
Смысл всех таинств земных и чудес.
И помог бы Любовь мне, как крест, нести
Дух Святой, низошедший с небес!

***

Я шёл за хлебом в магазин ближайший,
А мыслями – к мечте шагнул за горизонт.

Но там увидел на стене висящий
Плакат – мол, горизонт закрыли на ремонт.

Я место это знал из сказок детских:
Здесь не было стены, лишь голубой простор
Для всех мечтаний и фантазий дерзких,
Где Рыбка золотая есть и Черномор.

Сей горизонт теперь мне недоступен...
В свой отчий дом теперь я, нехотя, вернусь.
Возможно, даже хлеб не будет куплен,
Ведь без мечты и хлеб, увы, теряет вкус.

***

Аккорд, пассаж, педаль... И в сказочную бездну
Возносится мгновенно легкокрылая душа.
В стихии огненной я растворюсь, исчезну,
Прильну к гармонии, немея, чуть дыша.

Изведаю восторг – будь милостива, Муза! –
Когда, придав своим душевным чувствам звук,
Как в джазе, прозвучит хоть пара нот из блюза,
И... мне уже нет дела до житейских мук.

Мне эта музыка всенощной и вседённой
Молитвой служит – ею только и храним:
Становится Душа к Святому приближённой,
Как будто к Богу – шестикрылый Серафим!

***

Потемнело... Серою хмурью
Затянуло багряную даль.

И снежинки, как пчёлы к улью,
Полетели на землю... Жаль
Этот клён, не успевший вдоволь
Пофорсить: колдовской наряд
Скоро скинет, как будто вдовий
Потемневший от горя взгляд.
И, предчувствуя злые морозы,
Белых вьюг заунывный стон,
Он ронял свои льдинки-слёзы
На недавно цветущий склон.
Жаль ему расставаться с летом,
Жаль терять золотой убор,
Но... внезапно печаль об этом
Оборвал – лиходей-топор.

А однажды, в январские стужи,
Как обычно, под треск лучин,
Мужичонка, отправив ужин,
Покурить присел у печи,
И, блуждая в пламени взглядом,
Вдруг заметил – как будто он
Видит тот, с колдовским нарядом,
На пригорке стоявший клён...
Будто вновь пламенела осень,
Полыхая заревом крон,
И на фоне далёких сосен
Красовался багряный клён.
Раскрасневшись в предсмертной пляске,
Весь сияя, как напоказ,
Он дарил свои лучшие краски,
Не жалея, в последний раз.

АНАТОЛИЙ ШЕБЕКО

Родился 4 января 1951 года в Орше. Начинал свою трудовую деятельность на Оршанском заводе швейных машин. Во время службы в армии в легендарной Псковской дивизии ВДВ проявил себя настоящим воином-десантником и за ратную службу был награждён медалью “За воинскую доблесть”. Поэт, бард. Стихи и песни пишет с двадцати лет. С 1999 года регулярно печатается в “Оршанской газете”. Автор книг: “На крыльях времени” (2007 год: стихи), “Крутые виражи” (2008 год: стихи, проза), “Эпиграммы без программы” (2012 год: юмор). В настоящее время живёт в Орше, частный предприниматель. Свои произведения активно публикует как в областной, так и в республиканской периодике.

ГОРОД ДЕТСТВА

П.П. Саковичу

От тоски искал я средство,
Как корабль свой причал.
Лишь, приехав в город детства,
Растерял я всю печаль.
И брожу вновь вдоль Оршицы,
Про свои забыв года,
Пью я воду из криницы –
Пусть же будет так всегда.

Все дела свои заброшу
За границей, и тогда
Перееду жить я в Оршу –
Безвозвратно, навсегда.
Ни Париж, ни бренды Ниццы
Не влекут, как дым костра
На извилинах Оршицы
И излучинах Днепра.

А знакомые, встречая,
На приветствие в ответ
Говорят мне, вопрошая:
“Ты вот это или нет?”
Ну, а сверстницы желают,
Чтобы я не уезжал,
И, наверно, вспоминают,
Как когда-то целовал.

На пригорке расцветает
Ландыш, грозди распустив.
Вероятно, что не знает,
Как он чуден и красив.
Разрешил я все сомненья:
Здесь начало всех начал,
И сомкнул я жизни звенья:
Город детства – мой причал.

***

Протяни руки к близкому счастью
И любовью в ночи отзовись,
Напои, напои меня страстью,
И сама ей, как день, загорись.

Солнцем знойным взойди надо мною,
Обернись и мне жажду всели,
А затем родниковой водою
Эту жажду во мне утоли.

***

Оборвали у голубя крылья,
Не взлететь ему, бедному, в небо,

Не парить ему больше под солнцем.
Стал похожим на курицу голубь.

А без неба ему – ох, как трудно,
Грустно так и до боли тоскливо,
Словно дикому зверю в неволе,
Или как человеку без дома.

И обидно, что небо – вон, рядом,
И один только взмах лёгких крыльев
Отделяет то небо от птицы,
Отделяет ту птицу от счастья.

***

Ты жизнь зачем опять вдохнула
В меня, стряхнув остатки сна,
И в страстный омут окунула –
Всё изменившая весна?

Нет, для последнего причала
Я бухты, вроде, не искал.
Пусть повторится всё сначала –
Ещё страстей не кончен бал.

Пускай опять и буду втянут
Я в чувств сплошных водоворот,
И, может, буду вновь обманут –
Неделю, месяц или год.

И пусть я верил, пусть напрасно,
Но только этим я и жил.
А потому безумно, страстно
И беззаветно я любил.

Мне эта вера помогала
Преграды в жизни одолеть.
Пусть повторится всё сначала…
Любовь не лжёт пусть только впредь.

***

Белым облаком, вспыхнув, раскрылся
Парашют над моей головой,
И на солнце, как снег, заискрился
Высоко-высоко над землёй.

Величаво, как лебедь чудесный,
Он парит над землёй в облаках,
Белый шёлковый парус небесный
Небо бережно держит в руках…

ДРУЗЬЯМ ДЕТСТВА

Тепло июньского рассвета
Я ощущаю сквозь года…
Таким, как в детстве было, лето
Не будет больше никогда.

Звонком последним начиналось
Для всех нас лето каждый год,
И счастье с детворой венчалось,
И никаких тебе забот.

Леса, озёра, речка, поле
В сиянье солнечного дня,
Пьянящая сознанье воля,
И всё – как будто, для меня.

Валерки, Славки, Петьки, Вовки –
Все имена моих друзей,
Как и каникул тех осколки,
Остались в памяти моей.

Умчалось в прошлое всё это,
И нет дороги нам туда…
Таким, как в детстве было, лето
Не будет больше никогда!..

***

Ушибы, раны, переломы
Всю жизнь преследуют меня,
А мне бы подстелить соломы,
Где, падая, ломался я.

Да, попадал я в переплёты,
Летал и падал, но вставал,
Казалось, выбрал травм все квоты –
Бог дополнительные дал.

Ну, вот опять: кровать, больница,
Рентген, уколы, гипс, бинты,
И медсестер знакомых лица,
С которыми давно на "ты".

И санитарки все знакомы,
Меня хирурги узнают,
И, мне вправляя переломы,
Советы дельные дают:

"Будь осторожен, гляди в оба,
Старайся к нам не попадать.
Ты береги себя. Особо
Рук-ног старайся не ломать".

***

Мороз на улице да вьюга –
Оправдан метеопрогноз.
А я тебе, моя подруга,
Несу букетик алых роз,
Я согреваю их дыханьем,
Под курткой спрятав на груди,
Пускай они благоуханьем
Наполнят жизнь, что впереди.
Пускай тебя сведут со счастьем,
С высоким смыслом и красой,
Наполнят к ближнему участьем
И благородной простотой.
Я все твоей души движенья
В себе навеки сохраню.
Тебя поздравив с Днём рожденья,
Я многократно повторю:
Тебя люблю, люблю, люблю!

НЕЗНАКОМКЕ

Стою опять я на распутье,
Забыв любимых имена.
И, кто любил меня, – забудьте,
Но в этом не моя вина.
Всегда я искренне влюблялся
И думал: вот судьба моя,
Но плакал я, а не смеялся,
И вот теперь не знаю я,
Кого любить, в кого поверить,
Какой избрать мне идеал,
И с кем и как всё это сверить,
Чтоб я ночами не стонал
От жгучих разочарований,

От боли горестных обид,
И нескончаемых скитаний,
Сошедших с праведных орбит.
Но где же я найду свой посох
И ту дорогу бытия?
Вновь не запутаться чтоб в косах,
Но чтобы были ТЫ и Я.
И где, моя ты незнакомка?
Какой дорогой мне пойти?
Нужна ли мне в пути котомка,
Иль стоит за угол зайти
И там тебя я сразу встречу,
И ты протянешь руки мне,
Я точно так же сам отвечу:
Мы будем счастливы вполне.
А вдруг друг друга не узнаем
С тобой мы в бешеной толпе,
Вдруг в полуметре прошагаем
И сядем в разные купе?
А может, в разные вагоны,
Иль, даже может, поезда,
И, перепутав все перроны,
С тобой уедем в никуда?..

***

В тебе есть чары, тайна и загадка,
Ты женщина – и суть твоя важна.
Ты не дневник, не книга, не тетрадка –
Прочесть себя позволить не должна.

Истерики, скандалы и капризы –
Прочь прогони их лучше поскорей.
Загадкой будь с улыбкой Моны Лизы –
Ты станешь так значительно милей!

ЛЮБОВЬ И ВРЕМЯ

Прошло треть века с дня разлуки,
Но позабыть всё не могу
Слетевших с губ признаний звуки
На зацветающем лугу.
В лучах пурпурного заката
Уж тени начали расти,
Ты мне несмело, виновато
Сказала: “Всё! Прощай! Прости!”
Тогда я просто растерялся,
Двух слов никак не мог связать,
А ты ушла. Я не пытался
Тебя хоть как-то удержать.
Но я не впал в печаль, как в кому,
Хоть было всё, как в страшном сне.
В объятья бросившись к другому,
Ты позабыла обо мне.
Любовь пусть наша не сложилась,
И я с годами поостыл,
Она же где-то затаилась,
И плот из чувств моих вдруг всплыл.
В развитье повести амурной
До расставанья той весной
Он плыл по речке страсти бурной,
Теперь плывет он по лесной,
По тихой заводи неспешно.
Нет нынче буйства прежних чувств:
Любовь тогда была безбрежна –
Теперь её на дне чуть-чуть.

ВЛЮБЛЁННАЯ ЗВЕЗДА

Опустилась ночь на землю,
Звёзды встретились с луной.

Взглядом им я тихо внемлю
И привет всем шлю земной.

А они всю ночь мерцают,
И как будто бы в ответ,
Как и я, с небес внимают
И мне тоже шлют привет.

Небо в звёздах закружило
Вдруг сознание моё,
А одна – заворожила
Полюбил я вмиг её

А она – других звёзд ярче –
Разгоралась надо мной.
Стало мне как будто жарче,
Словно я тому виной.

А она во всю пылала
Изо всех небесных сил,
А потом её не стало –
Солнца луч её пронзил.

ПОЗДНИЕ ЦВЕТЫ

Эти поздние цветы
Преисполнены печали,
Как угасшие мечты,
За собой идти что звали,

Как последние штрихи
Увядающей природы,
Дорогие, как духи,
Нынче вышли что из моды.

Эти поздние цветы –
Символ с летом расставанья.
Мне сказала будто ты –
Не прощай, а до свиданья.

СЕКРЕТЫ МИРОЗДАНИЯ

Слетала лет, мной прожитых, усталость.
Я возвращался вновь к тебе, когда
На счастье мне, заблудшему, досталась
Ты – будто путеводная звезда.
Лугов и рек бескрайние просторы
И нежную с туманами зарю,
Холмы вдали, похожие на горы,
Тебе одной я это всё дарю.

Дарю, не в силах изменить что мода:
Озёр лесных прохладную красу,
Лазурный блеск грядущего восхода,
В алмазных россыпях рассветную росу.
Дарю тебе пролески я и нивы,
И певчих птиц весенний перелёт,
И в полдень рощ берёзовых мотивы,
И ту тропинку, в тайну что ведёт.

Раскроем там секреты мирозданья –
Им внять готовность только прояви.
Мы созданы с тобой для созиданья
И таинства негаснущей любви.
А ты мне трепет страстный поцелуя
В лучах весенней утренней зари,
Надеждой душ, сладостно волнуя,
Как ягод горсть, нежданно подари!

АЛЛА ШИКОВИЧ

Родилась 30 июня 1978 года в городе Минске. В 1995 году стала студенткой Минского государственного лингвистического университета, который впоследствии успешно окончила, получив специальность “преподаватель английского языка и испанского языка”. В настоящее время работает частным преподавателем английского языка. С юности увлекается литературой, пишет стихи и песни на русском и английском языках. Среди любимых поэтов – Анна Ахматова, Анатолий Вертинский, Джордждж Гордон Байрон, Роберт Бёрнс. Стихи Аллы Шикович публиковались в газетах “Знамя юности”, “Женский калейдоскоп”, в журналах “Алеся”, “Я – Женщина”.

ЧУЖОЙ, ЧУЖАЯ…

Чужой, чужая… Странные слова
Для тех, кто были близкими когда-то.
Чужой, чужая – кругом голова…
И жить мы станем как-то угловато.

Была любовь, иль не было её?
Решать довольно глупо, да и поздно.
Тут мнение у каждого своё.
Таинственно мерцают в небе звёзды.

И следует прощать, но для чего?
Ведь каждый чист и невиновен даже.
И следует прощать, да вот кого?
Из нас другого недостоин каждый.

Не смеем правду мы в глаза сказать,
А за спиной, конечно, – каждый смелый.

Чего ещё от жизни можно ждать,
Когда цвет чёрный снова, вроде, белый?

Когда не знаешь, что тебе принять,
К чему стремиться, призрачно мечтая…
Когда довольно взгляда, чтоб понять,
С тобой мы навсегда – чужой, чужая…

ПУСТОТА

Пустой перрон, пустой вагон,
Пустая жизнь, пустые мысли…
А люди все исчезли, вышли,
Куда-то вышли срочно вон.
И только я в толпе безлюдной,
В толпе такой безмолвной, нудной
Пытаюсь вглядываться в лица,
Которых нет, их просто нет.
Стоит безлюдная столица,
Шлю людям в пустоту привет.
Когда теряешь, что ценил,
Ты ищешь смысл, и не находишь.
Потерян тот, кого любил,
И в пустоте ты жизнь проводишь.
Концерты, вечера, друзья…
Не то – веселье на мгновенье.
Жить дальше так уже нельзя,
Тоску купая в развлеченьях.
Я уповаю лишь на время –
Пусть это будет мне отрадой.
Быть может, моей муки бремя
Воздастся всё же мне наградой.
И пустота в душе и в сердце
Исчезнут, может, – дайте срок…

Но как мне в пустоте согреться?
Суровый жизнь дала урок…

НОВЫЙ ГОД

Как же ты от меня далеко,
В той тропической дикой стране.
Без тебя мне уснуть нелегко,
Но письмо вновь напишешь ты мне:

Солнце, пальмы там и океан…
А здесь кружится, кружится снег…
Ты же Богом для жизни мне дан,
Мой любимый, родной человек!

Всё там плещется тихо вода,
А у нас на реке – только лёд.
Так сложилась, к несчастью, судьба –
Без тебя встретить мне Новый год.

Под куранты я выпью бокал –
Ты моё пожеланье лови:
Чтоб всегда только с нежностью ждал
Ты свидание нашей любви.

СКАЛА

Любовь, дарованная свыше,
Казалась крепкой, как скала.
Но ты меня уже не слышишь,
Как верить я тебе могла?

В своей любви не сомневаюсь:
Зову, как прежде, жду тебя,

И в этом искренне я каюсь,
Ведь надо отпустить, любя.

НЕ ЛЮБИШЬ

Меня не любишь. Ну, и пусть.
Хочу объятия забыть…
Я прогоню печаль и грусть.
Но как мне без тебя прожить?

Как жить мне в мире лжи и фальши,
Где чувствам – просто грош цена?
Что делать мне прикажешь дальше,
Когда с предательством – одна.

С цветами делать что любви,
Ведь по твоей вине завяли.
Любовь твоя, сколь ни зови,
Ушла… Беды не ожидали.

Вдвоём не справились с судьбой,
И вот в разлуке мы с тобою.
Хоть нелегко теперь одной,
Вернёшься – вряд ли дверь открою.

УКУС СКОРПИОНА

Укус смертелен скорпиона:
Яд тут же попадает в кровь.
Измена жалит ослеплённо –
Да… Вот и умерла любовь.

Её убил взгляд равнодушный
И пошлые твои слова.

Ты изменил… О, как же душно!
Кружится дико голова.

Захочешь вновь ко мне вернуться,
А я отвечу твёрдо: “Нет!”
Ты, заблудившись, смог очнуться,
Но вот любви потерян след.

Ты смог ужалить меня в сердце:
Оно и ноет, и болит…
В любовь захлопнута та дверца,
Но кровь по-прежнему бурлит.

Но лжи вкус пряный, сладковатый
Хочу всё ж снова испытать,
Но только в снах: не как когда-то…
А в жизни не хочу встречать.

ВНЕ ВРЕМЕНИ

Болью в сердце стонет каждый шаг
На дороге, по которой вместе шли.
Как же это получилось так,
Что любовь свою не сберегли?

Помню всё, мой друг, до мелочей:
Поцелуи, жесты и слова –
Прелести уже минувших дней,
Но закрыта прошлого глава.

Время вспять, увы, не повернуть.
В одну реку дважды не войти.
Но как хочется продолжить путь,
Счастье в этой жизни нам найти.

Нам что уготовано судьбой
Наперёд не знает ведь никто.
Может быть, мы встретимся с тобой,
И тысячелетия – ничто.

ДА, ЭТО Я…

В толпе безликой ты опять меня
Не видишь – лица все, увы, похожи.
Проходишь мимо, но ведь это я –
Та, что была тебе всего дороже.

Да, это я, на остановке вновь,
Да, это я, и снова на перроне…
“Да, это я! – кричит моя любовь, –
Напротив еду я с тобой в вагоне”.

ЖИЗНЬ-ЧЕРНОВИК

Вся наша жизнь – лишь черновик.
Мы что-то пишем, исправляем.
К чему-то каждый так привык,
И больно, если что теряем.

Расплылись буквы из-за слёз –
Любви разорвана страница.
Лишь ворон каркает всерьёз –
Огромный чёрный ворон-птица.

Крепчал непониманья лёд,
Да, как же с этим мы смирились?
Втянул проблем водоворот:
То ссорились мы, то мирились.

Вся наша жизнь – лишь черновик.
Мы что-то чёркаем, читаем.
Ты только крик, люби мой крик,
Услышь, ведь вместе быть мечтаем!

Вся наша жизнь лишь черновик –
Давай страницу перепишем...
Вся наша жизнь лишь черновик –
Давай друг друга мы услышим!

ЛЮБОВЬ

У Всевышнего просим о многом,
А просить об одном только надо:
О любви, что дарована Богом,
Что чужому успеху так рада.

Если любишь, легко ты прощаешь.
Если любишь, не мыслишь ты злого.
На обиды ты не отвечаешь,
Злобным взглядом и дерзостным словом.

Если любишь, то сам не обидишь.
Ты родному не сделаешь боли,
Если любишь, конечно, увидишь:
Вместе в счастье и в горестной доле.

В милосердье границ ты не знаешь.
И всегда сердце к жертве готово,
Недостатков ты не замечаешь,
Не чернишь ты себя клеветою.

Если любишь, то многое можешь,
Всем желая добра, мира, счастья.

Если любишь, всегда ты поможешь,
И в душе теплота и участие.

Если любишь, то очень ведь важно
Знать, о чём кто мечтает, желает.
Ведь любовь, загоревшись однажды,
Негасимым нам светом сияет.

Да, напрасно просить слишком много.
Мне, по сути, немного так нужно:
И любви я прошу лишь у Бога,
О других не заботясь, о нуждах.

ЗНАКОМОЕ ЛИЦО

День пройдёт, наступит вечер
А потом и ночь
Много дней прошло с той встречи
Я гоню их прочь.

Но порой лицо родное
Промелькнёт в окне
И растает… Сердце взноет,
Но тот свет – не мне.

Только звёздочка сияет,
Как любви той след…
Дымкой от костра растает
Смутный силуэт.

А назавтра так упрямо
Простою весь день
Жду любовь… Да, скажем прямо:
Жду твою я тень.

НАРКОТИЧЕСКОЕ ЗЛО

Я у твоей постели одинокой
Склоняюсь, находясь с собой в борьбе.
Приехала я из страны далёкой,
Чтоб помолиться, друг мой, о тебе.

Я не забыла горести, печали –
Всё то, что между нами пролегло.
Так скоро твоей смерти мы не ждали:
Вкусил и боль, и страшное ты зло.

Сквозь мглу скользят исколотые руки…
Любимый, по тебе, поверь, скорблю.
Познал ты наркотические муки,
Но всё равно, мой друг, тебя люблю.

Тебе помочь когда-то я пыталась,
Твердила, что наркотики вредны.
Лекарства для тебя я доставала,
И так – от осени и до весны.

Судьба с тобой жестоко разлучила.
Ты в ад катился, я с другим жила.
И это подорвало твои силы,
Тебя спасти, в итоге, не смогла.

ТОСТ

Живём мы на пороге жизни-смерти,
И каждый шаг последним может быть.
Мы – женихи-невесты все, поверьте.
Любовь и счастье мы должны ценить.

В любовной мы горячке пребываем
Порою в этом жизненном аду.
Чего-то в жизни все достичь желаем,
Хотим побыть в Эдемовом саду.

Пусть неудачи всех нас не пугают,
Всё сможем мы, друзья, преодолеть.
И в жизни, и в искусстве люди знают:
Не стоит просто ни о чём жалеть.

Тернистая нас ждёт, порой, дорога,
К успеху путь, не может быть он прост.
Но верю: в жизни мы добьёмся много –
И за удачу поднимаю тост.

ТЫ

Как небо нынче радостно синеет,
Весны начало – о, чудес пора!
Лес возродился, пенье птиц слышнее,
На улицах резвится детвора.

Как соловей поёт – весны посланник…
Давай благодарить же небеса,
Что снова вместе мы, о, мой избранник.
Благословенна будь весны краса!

Ты – мой источник счастья, вдохновенья,
Ты – тайна та, что так хочу узнать.
Любви моей прекрасной возрожденье,
Тебе всю жизнь свою хочу отдать!

ВАЛЯНЦІНА ЯНАВЕЦ

Нарадзілася 3 снежня 1962 года на Брэшчыне. Скончыла Беларускую акадэмію мастацтваў у 1992 годзе па спецыяльнасці “рэжысёр”. Літаратурай захапляецца з дзяцінства. Піша на беларускай мове прозу: апавяданні і навэлы. Друкавала свае творы ў газеце “Чырвоная змена”, у часопісе “Крыніца” і іншых перыядычных выданнях. У цяперашні час працуе рэжысёрам у Брэсцкім абласным тэатры драмы.

ВЕЧАР… НОЧ… РАНІЦА…

1.

Вакол было бязлюдна. Набліжалася санлівая начная ціша. Па няскошанай вільготнай траве ў тужлівай самоце ішоў Вечар. Адразу за яго спіной гусцелі прыцемкі, і ўсё злівалася ў адну вялізную чорную пляму. Вечар вельмі стаміўся. Яго запознены абыход павінен быў вось-вось скончыцца. Заставалася ахінуць змрокам Крывавы Марыльчын луг з невялікім азярцом. Калісьці дзед распавядаў, тады яшчэ маленькаму непаседзе Вечарку, сівую легенду: “На беразе вялікага возера жыла прыгажуня Марылька. У яе быў жаніх Васілька. Яны збіраліся да шлюбу. Але прыйшлі на нашу зямлю злыя ворагі. Васіль, сабраўшы дружыну, пайшоў ваяваць. І адбылася каля возера вялікая сеча. Многа пабілі ворагаў, але і нашых дружыннікаў нямала палягло. Ад чалавечай крыві стала вада ў возеры ярка-чырвонай. Загінуў і Васіль. І пахавала Марылька ўсіх воінаў у вялікай магіле, і малілася за ўсіх, і аплаквала ўсіх. Ад яе слёз стала возера яшчэ большым і забрала яе да сябе. З таго часу і называецца луг Крывавым Марыльчыным лугам…”

За лугам пачынаўся невялікі лясок з засохлымі і зламанымі дрэўцамі, з разбітымі бутэлькамі, з разплюшчанымі бляшанкамі з-пад кансерваў, з мноствам розных паперак і зашмальцаваных анучак. І яшчэ было самае бязладнае месца – гарадскі сметнік. Перш чым туды накіравацца, Вечар прысеў крыху адпачыць на невялічкі пянёк. У яго заўжды перад гэтым неахайным месцам псаваўся настрой.

Ён зняў капялюш, насоўкай выцер успацелы лоб. Цяжка, вельмі цяжка стала ад чалавечай непрыстойнасці. Здавалася, што людзі перасталі любіць і шанаваць сваю зямлю. Абрыдла прыбіраць за імі, хаваць памыйныя ямы, якіх разводзілася ўсё больш і больш.

Вечару часта прыходзілі думкі аб нікчэмнасці існавання. І тым не менш, калі-нікалі прыходзілі і альтруістычныя думкі: “Вось бы паклікаць на дапамогу ўвесь свет! Паказаць людзям, як можа быць прыгожа, ясна і чыста на планеце!”

Але бабуля Ноч стрымлівала яго жаданні. Яна працягвала верыць у чалавечую дабрыню і чысціню. Яна любіла паўтараць: “Я ведаю, што гэтая страшэнная нядбаласць стане нямілай людзям і яны вернуцца да першапачатковай, некранутай зямной прыгажосці”.

Але ж прыходзіла бабуля Ноч на зямлю толькі пасля таго, калі Вечар навядзе такі-сякі лад, калі ўжо схаваны самыя брыдкія мясціны, сабраны паперкі і памыта расой трава, калі разагнаны жудасныя хмары завадскога і цыгарэтнага дыму. А яшчэ апошнім часам бабулю стаў падводзіць зрок. Усё гэта давала падставы сумнявацца ў правільнасці яе думак. Хаця Вечар, безумоўна, здагадваўся, што бабуля лепш, чым хто іншы, ведае цяперашняе становішча, і таму яго яшчэ больш здзіўляла яе ўпэўненасць і вера.

2.

Ад сумных думак рабілася вельмі тужліва. Раптам да Вечара падбег сябра Вецер, правёў па твары халаднаватай рукой, стомлена прысеў побач і дастаў бутэльку з прахаладжальным росным напіткам.

– Трымай, – сказаў ён сябру. – Астудзі галаву і прывядзі да ладу думкі свае. Пасля мы разам сходзім да сметніка, каб не было так моташна табе аднаму.

Калі Вечар выпіў роснага напітку, то адчуў моц і сілу ва ўсім целе, і з’явілася дурное жаданне зрабіць так, як маладыя людзі, што часта тут збіраліся: раструшчыць бутэльку на маленькія кавалачкі. Быццам бы адчуўшы гэты парыў таварыша, Вецер ўзяў бутэльку, дунуў, і яна ўмомант знікла.

– Няма чаго браць прыклад з тых, каго не паважаеш. Ты трохі стаміўся, але гэта зараз міне. Хадзем. Я з табой, – ціха прамовіў Вецер.

Халаднявая рука Ветра ўтаймавала непамерны непакой Вечара. Яны збіраліся ўстаць, калі да сметніка пад'ехала машына, рэзка адчыніліся дзверцы, і шпарка вылезлі двое мужчын. Яны вывалаклі з багажніка нейкі груз і, разгайдаўшы, кінулі на сярэдзіну звалкі. Пачуўся глухі цяжкі ўдар. Мужчыны хвіліну пачакалі, запалілі. Святло запалкі на момант акрэсліла іх твары. Яны выглядалі, літаральна, як нейкія прывіды пасярод начных дзівосаў.

– Во і ўсё. Да раніцы акалее, калі яшчэ не паспела. Ночы зараз халодныя. Не хвалюйся, так ёй і трэба. І другім непанадна, – выціснуў праз зубы адзін з мужчын. – Паехалі.

І ён направіўся да машыны. Другі глыбока зацягнуўся цыгарэтай, ледзь чутна прамармытаў:

– Бывай, Людміла-Міла, мілая мая...

– Саша, паехалі. Няма чаго тут стаяць, разводзіць макрату. Не хапае толькі сустрэцца з кім-небудзь.

Другі мужчына, якога назвалі Сашам, скамячыў недапаленую цыгарэту, адзірнуўся на сметнік і хуценька пакрочыў да машыны. Адчыніў дзверцу, яшчэ раз азірнуўся.

– А цяпер як раз настала тая радасная хвіліна, каб сказаць, што ты яе кахаеш без памяці, – здзекліва сказаў першы мужчына.

– Закрый рот, – працадзіў праз зубы Саша і ляпнуў дзверцай.

Машына рванула з месца, аставіўшы ззаду вялікія клубы дыму.

Усё так хутка адбылося, што Вечар з Ветрам ад нечаканасці на хвіліну страцілі магчымасць рухацца. Але, як толькі машына ад'ехала, яны разам пабеглі да ямы.

Сярод сметніка ляжала голая жанчына. Бялявыя яе валасы з засохлай крывёю былі заблытаны і раскіданы па бакам. Яна ляжала роўненька і прыгожа, быццам бы загарала пад сонечнымі промнямі на марскім узбярэжжы.

Вецер ціхенька дунуў у твар жанчыны і тая ледзь-ледзь зварухнулася, глуха застагнала і зноў змоўкла.

– Яна яшчэ жывая. Што рабіць?

3.

– А што мы можам зрабіць? – задумліва спытаў Вечар у адказ. – Ты можаш толькі сцішыць, а я прыбяру вільготнасць, каб не было холадна. А што яшчэ?

– Я буду старацца быць не толькі ціхім, але і дыхаць на яе цёпла, па-марскому. Марское паветра дапамагае хворым людзям.

Вецер сцішыў свой подых, і Вечар адчуў, як раптам пацяплела. Так, схіліўшыся ўдвух над незнаёмкай, яны збіраліся ахоўваць яе пакой.

– Піць… піць… – прамармытала жанчына.

У Вечара з'явілася бутэлька роснага напітку, які ён выліў на насоўку, лёгка правёў па вуснах жанчыны.

– Што ў вас тут здарылася? – пачуўся знаёмы голас бабулі Ночы.

– Ды вось… тут… жанчына памірае. Не ведаем, што рабіць.

Бабуля стала побач з жанчынай. Правяла рукой па твары, ціхенька паклікала:

– Міла-а, Міла, паглядзі на мяне. Ты чуеш, паглядзі на мяне.

Жанчына расплюшчыла вочы і ціха папрасіла:

– Саша, пашкадуй, не бі мяне больш. Мне вельмі балюча. Я не буду нікому нічога гаварыць. Толькі пашкадуй, Саша. Пашкадуй. З кім жа застанецца мая маленькая дачушка?

І яна змоўкла, па шчаках паліліся слёзы.

– На жаль, мы не зможам нічым ёй дапамагчы, – уздыхнула бабуля Ноч. Да раніцы можа і пражыве, калі ты, Вецер, будзеш саграваць яе. Машына са смеццем прыедзе толькі апоўдні. На жаль.

Раптам бабуля зірнула ў адзін бок, пасля ў другі, таропка азірнулася. Пасля ўважліва і доўга слухала цішыню.

– Мне здаецца, выйце ёсць. Непадалёку едзе машына хуткай дапамогі. Доктар ужо быў у хворага. Зараз яны вяртаюцца назад у бальніцу. Што мы можам? Мы можам павярнуць машыну ў нашым напрамку. Вецер, ты хуценька паляціш на суседнюю вуліцу. Кружы, як хочаш, будзь настойлівым, бо машына павінна пад'ехаць сюды.

– Я ўсё зразумеў. Я хутка. Чакайце. І Вецер, што ёсць сілы, кінуўся на суседнюю вуліцу. Сабраўшы ўсю моц свайго лютаўскага парыву, ён нахмурыўся, сцюдзёна закружыў сіверам і страсянуў белую густату сняжынак, наляцеўшы на машыну хуткай дапамогі.

– Віктар Мікалаевіч, гляньце, што робіцца на белым свеце. Пасярод чэрвеня – мяцеліца! Колькі жыву, такога не бачыў, – сказаў вадзіцель хуткай дапамогі доктару. У яго голасе было захапленне і адначасова непамерная трывога. – Адкуль толькі яна ўзялася?

– Так-ак. Проста нейкая містыка. Не здзіўлюся, калі зараз заглохне матор і насустрач выйдзе які-небудзь прывід.

А Вецер яшчэ мацней дзьмуў, змрочна і хмура круціў вакол машыны, збіваў яе з дарогі. І вось нарэшце вадзіцель не заўважыў паварот, праехаў побач і завярнуў да гарадскога сметніка.

4.

Тады рашуча кіруючы да машыны, выйшла бабуля Ноч, адмыслова ўзмахнула. Машына астанавілася.

– Віктар Мікалаевіч, матор заглох. Ну, ўсё. Засталося толькі прывідаў чакаць. Дзесьці тут у меня ляжыць манціроўка, – збянтэжыўся вадзіцель Жэня.

– Жэня, манціроўка – ад прывідаў не памочнік. Тут нешто іншае патрэбна.

– Тады давайце, доктар, маліцца. Божа літасцівы, дапамажы, – і Жэня перахрысціўся. – Даўно мне не было так страшна. Доктар, толькі не адчыняйце дзверы. Бо ў кіно ў гэты момант адбываюцца ўсялякія недарэчнасці, што вядуць да пагібелі герояў.

– І гэта мне кажа чалавек, які ваяваў у Афганістане, быў паранены, мае нейкія ўзнагароды за адвагу, а пры гэтым успамінае ўсялякую галівудскую лабуду. Лепей усё ж, Жэня, маліцца. Ёсць надзея, што Божанька нас пачуе.

Скрозь густыя шэрыя прыцемкі, з'явіўся месяцовы праменьчык. Вецер раптам сцішыўся, снег скончыўся, быццам хтосьці невядомы ўзмахнуў чарадзейнай палачкай. Доктар асцярожна адчыніў дзверцу, выйшаў з машыны, угледзеўся ў начную цемру. Яму падалося, што месяцовая дарожка крыху пасвятлела.

– Жэня, ведаеш, куды мы прыехалі? На гарадскі сметнік. А са сметніка ў амерыканскіх фільмах звычайна хто з'яўляецца? Вампіры? Зомбі? Ці ўсе адразу?

– Любіце Вы ўсялякія жартачкі, але смяецца добра той, хто смяецца апошнім.

– Марна ўяўляеш, што зараз сапраўды нам насустрач выйдуць вампіры. Лепш прыслухайся. Нехта жалобна стогне. Чуеш? І гэта чалавечы голас. Мне здаецца, там хтосьці ляжыць. Будзь тут, я сам пагляджу.

І доктар, пазіраючы сабе пад ногі, накіраваўся наперад, дзе наводдаль цмела штосьці незразумелае. Тут ён застыў у нямым здзіўленні: у двух кроках ад яго ляжала жанчына. Ён падыйшоў бліжэй да яе, нахіліўся, агледзеў крывападцекі ад нажавых ран, паслухаў пульс. Яна была жывая.

– Ай-яй, як непрыгожа. І хто ж ад Вас, даражэнькая мая, такім чынам хацеў пазбавіцца? Ды так непрыстойна?

Жанчына раптам зварухнулася, ледзь чутна прашаптала:

– Піць...

– Ну, што ж, даражэнькая, маё нерэальнае з'яўленне тут лічыце вялікім цудам для сябе.

Падхапіўшы жанчыну на рукі, доктар панёс яе да машыны.

– Жэня, адчыні дзверцу ў салон. І хуценька ў бальніцу.

Калі машына ад'ехала, Вецер, Вечар і бабуля Ноч яшчэ крыху пасядзелі разам пад зламанай елачкай. Надыходзіў час развітвацца.

А на ўсходзе з'явілася маленькая ружовая пляма. І гэта азначала, што дзесьці ўжо вельмі-вельмі блізка крочыла па зямлі жвавая дзяўчынка Раніца. Вечар павінен сыходзіць на адпачынак. Ён, не задумваючыся, парушыў усе правілы. Выпадкова. І, магчыма, нямарна.

ЗМЕСТ

Літаратурна-мастацкае выданне

ЛІТАРАТУРНЫ ЭКВАТАР

Альманах

Заснаваны ў 2012 годзе

Выпуск 2
2013 год

Адказны за выпуск *Уладзімір Кузьмін*
Укладальнікі *Вячаслаў Корбут, Інга Вінарская*
Шэф-рэдактар *Інга Вінарская*
Рэдактар *Янка Хросны*
Стыль-рэдактар *Хрысціна Лісічкіна*
Карэктар *Міла Алімава*
Камп'ютарны дызайн *Інга Вінарская*
Тэхнічны рэдактар *Алесь Перагуд*

Падпісана да друку 25.06.2013. Фармат 84х108/32.
Папера афсетная. Друк лічбавы.
Ум. друк. арк. 15,92. Ул.-выд. арк. 14,81.
Наклад 200 асоб. Замова .

Выдавецтва ТАА "Ковчег".
ЛИ № 02330/0548599 от 09.07.2009.
Пр-т Незалежнасці, 68-19, 220072, г. Мінск.

Выкананне макету ТДА "Друк-С".
Вул. Ангарская, д. 2, к. 3, 220102, г. Мінск.

Надрукавана на лічбавым абсталяванні
ТАА "Поликрафт".
Вул. Кнорына, 50, 220013, г. Мінск.